

*В. М. Пасецкий
Е. К. Пасецкая-Креминская*

**ДЕКАБРИСТЫ
естество-
испытатели**

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин.

С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,

З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,

Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),

И. А. Федосеев (зам. председателя), А. П. Юшкевич,

А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский.

В.М. Пасецкий
Е.К. Пасецкая-Креминская

ДЕКАБРИСТЫ- ЕСТЕСТВО- ИСПЫТАТЕЛИ

Ответственный редактор академик
А. Л. ЯНШИН

МОСКВА
«НАУКА»
1989

ББК 26.8

П19

УДК 910 Декабристы-естествоиспытатели

Рецензенты:

доктор исторических наук Б. В. АНАНИН

доктор физико-математических наук Е. П. БОРИСЕНКОВ

Редактор Л. И. ПРИХОДЬКО

Пасецкий В. М., Пасецкая-Кремнинская Е. К.

П19 Декабристы-естествоиспытатели. М.: Наука, 1989.— 256 с.: ил.— (Научно-биографическая литература).

ISBN 5-02-001998-4

В книге представлена серия биографий декабристов-естествоиспытателей, которые внесли выдающийся вклад в изучение многих регионов земного шара. Уникальные архивные документы позволили авторам воссоздать образы Г. С. Батенькова, М. К. Кюхельбекера, Д. И. Завалишина, В. П. Романова, Н. А. Бестужева, показать их исследования в Арктике, Северной и Южной Америке, Западной Европе, Сибири, Австралии. Подробно рассказано об участии К. П. Торсона в открытии Антарктиды и многих островов в экваториальной зоне Тихого океана. Большое значение для развития естествознания имели также труды декабристов В. И. Штейнгеля и Ф. Н. Глинки, С. П. Трубецкого, Н. В. Басаргина, их географические и геофизические наблюдения.

Для читателей, интересующихся историей движения декабристов и развитием отечественной науки.

П $\frac{1401020000-014}{054(02)-89}$ 39-89 НП

ББК 26.8

ISBN 5-02-001998-4 © Издательство «Наука», 1989

Предисловие редактора

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит научно-биографические очерки декабристов, создавших труды в области наук о Земле в различные годы своей жизни.

Книга открывается обширным очерком о Федоре Николаевиче Глинке, одном из главных пропагандистов знаний и достижений науки. Это ему принадлежит мысль о том, что возраст науки равен возрасту человечества. Глинка основал Ученую республику, в состав которой входили многие выдающиеся представители русской науки, литературы, искусства. При этом впервые на основе анализа следственных дел декабристов рассмотрена не только политическая, но и научная деятельность этой организации. Установлено, что на заседаниях Ученой республики было прочитано и рассмотрено огромное множество докладов декабристов по географии, геологии, этнографии, картографии, метеорологии, климатологии, минералогии, химии, физике. Кроме того, изучив несколько сот номеров журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», авторы исследования выявили большое число естествонаучных трудов декабристов, в том числе работы А. А. и Н. А. Бестужевых, К. Ф. Рылеева, А. О. Корниловича, П. И. Колошина, Г. С. Батенькова, Ф. Н. Глинки, В. К. Кюхельбекера, Н. М. Муравьева, С. П. Трубецкого и др.

Членами Ученой республики состояли А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков. Именно А. С. Пушкин помог увидеть свет поэме «Карелия» Глинки — этому «лесному и горно-каменному» произведению ссыльного декабриста. Пушкин отметил в «Литературной газете», что читателям необычайно понравится «местность тамошнего края, изображенная с натуры», а также замечания о нравах и обычаях карелов.

На протяжении всей своей жизни научными исследованиями занимался Владимир Иванович Штейнгель (Штейнгейль по: Декабристы. Биографический спра-

почник. М.: Наука, 1988), начавший деятельность как гидрограф на берегах Тихого океана. Под влиянием известного русского ученого-мореведа Платона Яковлевича Гамалеи он создавал капитальный труд «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля». По мнению советских ученых, это первая и единственная в России монография по истории календаря. В ней впервые была обоснована необходимость введения нового календаря в нашей стране. К этой книге и по сей день обращаются исследователи.

В условиях ссылки Штейнгелю удалось не только создать, но и напечатать в «Журнале Министерства внутренних дел» «Статистический очерк Ишимского округа», дававший детальную картину жизни одного из округов Тобольской губернии. Собранные Штейнгелем данные о природных условиях края не утратили своего значения до наших дней.

Бесспорно интерес представляет очерк о виднейшем деятеле движения декабристов Сергее Петровиче Трубецком, авторе целого ряда естественнонаучных трудов. Прежде всего заслуживают внимания его геофизические исследования, которые он вел и в каземате и на поселении. Совсем недавно обнаружены «Записи метеорологических и астрономических наблюдений» декабриста. На титульном листе дела указано, что записи начаты в 1832 и закончены в 1852 г. Хранятся они в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). Этот двадцатилетний ряд метеорологических наблюдений по своему научному значению имеет цену открытия.

Трубецкой занимался исследованием законов химических соединений и написал сочинение «О жирных веществах», которое тоже пока не увидело свет. На протяжении многих лет декабриста глубоко интересовали вопросы использования электричества, и прежде всего для развития мореплавания и железнодорожного транспорта. В дополнение ко всему он оставил записки по общей географии и конспект работы В. Я. Струве о двойных звездах.

Изучение Сибири очень занимало декабриста Николая Васильевича Басаргина, включившего в состав своих знаменитых «Записок» монографию о стране изгнания. В ней он не только дал характеристику Сибири в географическом и экономическом отношении,

но и предложил пути дальнейшего развития ее производительных и духовных сил, включая создание высших учебных заведений и развитие путей сообщения.

Словно высеченный из огромной глыбы гранита предстает образ Гавриила Степановича Батенькова, которого декабрист В. Ф. Раевский назвал сибирским Сократом. Батеньков является основоположником сибирской экономической географии. Ему принадлежит множество трудов о родном крае, в том числе грандиозный проект исследования земель Сибири от Урала до Тихого океана. Его не могли сломить ни 20 лет одиночного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, ни долгая ссылка в Сибирь. Получив относительную свободу, он создал целый цикл работ о мироздании, в том числе тщательно проанализировал знаменитый «Космос» А. Гумбольдта.

В одном ряду с Батеньковым паходится другой выдающийся деятель движения декабристов — Николай Александрович Бестужев. О нем уже шла речь в небольшой книге «Географические исследования декабристов». В новом исследовании авторы мыслили осветить вклад в науку всей семьи Бестужевых. Однако кончина Евгении Климентьевны Пасецкой-Креминской не позволила осуществить это намерение, пришлось ограничиться лишь очерком о Николае Александровиче Бестужеве, научные интересы которого весьма многогранны. Они охватывают историю флота, атмосферное электричество, проблемы исследования полярных областей, всеобщую географию и геофизику («Система Мира»).

Тематически к этому очерку примыкает другой — о Константине Петровиче Торсоне, участнике открытия Антарктиды, описавшем многие земли в тропической зоне Тихого океана. Его записки о плавании к Южному полюсу, созданные в каземате и ссылке, бесследно исчезли вместе с обширным архивом декабриста, как и «Опыт натуральной философии о мироздании». Но и то немногое из научного наследства декабриста, что дошло до нашего времени, свидетельствует, что в лице Торсона русская наука имела незаурядного исследователя, изобретателя, кораблестроителя.

Среди декабристов-моряков, кроме Н. А. Бестужева и его друга К. П. Торсона, была целая плеяда исследователей, оставивших записки, журналы, статьи, наблюдения, труды о различных областях Земли и

Мирового океана. К ним относится моряк-географ Михаил Карлович Кюхельбекер. Кроме его метеорологических журналов и заметок о плаваниях к Новой Земле и вокруг света, детально рассмотрен его недавно обнаруженный труд о Забайкальском крае. Плодотворной географической деятельности другого декабриста-моряка посвящен очерк «Владимир Павлович Романов». Этот декабрист, друг К. Ф. Рылеева, оставил интересные записки об Испании, Русской Америке, островах северной части Тихого океана, о Греции и, наконец, разработал несколько проектов поисков Северо-Западного прохода, описал западное побережье Кавказа и картировал устье Днепра.

И наконец, включает книгу научно-биографический очерк «Дмитрий Иринархович Завалишин». Ему принадлежит большое число трудов, в том числе о плавании вокруг света на фрегате «Крейсер» под командованием М. П. Лазарева, записки о Калифорнии, Русской Америке, Приамурье. Он путешествовал вместе с академиком Г. И. Лангсдорфом по девственным лесам Бразилии, много писал о Сибири, в том числе рассмотрел вопрос о влиянии на ее природу хозяйственной деятельности человека.

Следует подчеркнуть, что ни одно движение той поры не опиралось на столь глубокие нравственные устои, как движение декабристов, революционным знаменем которых было служение Отечеству, своему народу. Память о подвижниках декабризма, их труды будут еще многие годы питать жизненными соками научную мысль.

Академик А. Л. Яншин

Введение

Сбор материалов о декабристах-естествоиспытателях был начат нами более трех десятилетий назад. Прежде всего внимание привлекла деятельность Ученой республики (Вольного общества любителей российской словесности), являвшейся самой многочисленной продекабристской организацией (достаточно сказать, что она насчитывала около 300 членов). За 10 лет существования республики на ее заседаниях декабристами было прочитано более 200 естественноисторических работ. Большинство из них было опубликовано в «Соревнователе просвещения и благотворения», «Северном архиве», «Сыне Отечества», «Полярной звезде».

Президентом Ученой республики был Федор Николаевич Глинка, он участвовал также в основании Союза спасения (или Общества истинных и верных сынов Отечества) и Союза благоденствия. Пропаганда «ученых упражнений», которую активно вел Глинка, издание им специального «Военного журнала», популяризовавшего основы научных знаний, и в первую очередь естествознания и техники, свидетельствуют о том, какое большое значение придавали декабристы развитию науки. Поэтому свой научный поиск мы как раз и начали с решения такой сложной проблемы, как декабристы и развитие науки. Ведь в движении декабристов участвовала самая передовая, самая прогрессивная часть молодежи России, ее надежда и гордость.

Первое поколение русских революционеров блистало талантами. Среди них были политические деятели, писатели, поэты, естествоиспытатели, мореплаватели. Круг интересов декабристов в области естествознания включал вопросы районирования Российского государства, истории географических открытий, изучения полярных стран, русских морей и Мирового океана. К этому надо добавить их геофизические, геологические, ботанические, зоологические исследования и наблюдения в годы каторги и ссылки, тем более что часть из них была опубликована, несмотря на цензурные запреты.

Декабристам принадлежит более 300 естественно-исторических работ — от монографии до небольших набросков, от многолетних фундаментальных рядов наблюдений до кратких заметок о климате Сибири и различных областей земного шара. Однако до сих пор деятельность декабристов в области естествознания не являлась предметом специального исследования, лишь публикация научно-популярной книги «Географические исследования декабристов» в 1977 г. позволила осветить один из аспектов этой темы. Обширный комплекс хранящихся в государственных архивах документальных материалов о географических и климатологических изысканиях декабристов оставался малообобщенным.

В настоящей книге рассказывается о декабристах, которые внесли значительный вклад в развитие отечественного естествознания. Анализ трудов, проектов, записок, следственных дел декабристов свидетельствует о том, что ни одно важное событие в истории русской и мировой науки не ускользало от их внимания.

Вспоминая, например, о кишиневских встречах А. С. Пушкина и В. Ф. Раевского, И. П. Липранди писал: «Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-нибудь дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию запясться положительной историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в том, что Пушкин неоднократно после таких споров на другой или на третий день брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь»¹.

Раевского глубоко интересовали проблемы географии, о чем свидетельствуют составленные им и дошедшие до наших дней карта и цикл лекций по географии России. Для членов кружка «Зеленая лампа», руководимого членами Союза благоденствия, С. П. Трубецкой составил список литературы, которую рекомендовал изучить. Первым был назван «Всемирный словарь Общества французских ученых», затем шли труды по русской истории и литературе, жизнеописания «великих мужей» (Петра I, А. В. Суворова и др.). Большое место в списке занимали географические работы, в том

¹ Липранди И. П. Воспоминания // Рус. арх. 1866. № 8/9. С. 1213—1214, 1393—1491.

числе «Записки знаменитых путешественников по России».

Забота декабристов о развитии науки, о просвещении и благе народа, призывы к добру и человеколюбию легли в основу их идеологической платформы. Во имя этих высочайших идеалов добра и беззаветного служения Отчизне они вышли на Сенатскую площадь, ибо были уверены, что их смерть «принесет крепость и славу Отечеству». В их трудах неоднократно повторялась мысль о том, что без нравственного основания «не может быть ни величия, ни благоденствия народного». Так, в «Письмах к другу» Ф. Н. Глинка подчеркивал: «Если ты посвятил себя служению истине, то и в бурю и в страшное землетрясение пребудешь непоколебимым, и если вселенная станет сокрушаться вокруг тебя, ты не дрогнешь»². «Письма к другу» Глинка, а также его «Письма русского офицера» имели небывалый успех среди современников.

Декабрист В. И. Штейнгель создал уникальную монографию о возникновении календаря и развитии летоисчисления. Интерес представляют и его труды по географии Сибири и северной части Тихого океана. Изучение Сибири относилось к числу важнейших задач отечественной географии первой половины XIX в. Участие декабристов в исследовании этого региона в годы каторги и ссылки неоднократно привлекало внимание специалистов, собравших большое число интересных и ценных фактов. К сожалению, ученая деятельность декабристов в Сибири рассматривалась лишь в рамках краеведения, в отрыве от тех работ, которые были созданы декабристами до 1825 г.

Наиболее плодотворно изучением Сибири занимался Г. С. Батеньков. Его проект приведения в известность земель Сибири хранится в рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и до сих пор не утратил своего значения. При этом следует помнить, что научная деятельность декабристов в Сибири не замыкалась границами страны изгнания. Она охватывала многие стороны наук о Земле, включая разработку теоретических и исторических вопросов естествознания, о чем свидетельствуют труды Г. С. Батенькова о «Космосе»

² Глинка Ф. Н. Письма к другу // Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. Ч. 2. С. 12.

А. Гумбольдта, работы Н. А. Бестужева «Система Мира», К. П. Торсона «Опыт натуральной философии о мироздании», Н. М. Муравьева «О сообщениях в России», И. Д. Якушкина «Что такое жизнь», П. И. Борисова «О происхождении планет», А. М. Фонвизина о классификации наук. Батеньков отмечал необходимость учета достижений «большой географии» при строительстве транссибирского железнодорожного пути. «Жизнь и наука,— писал он 7 мая 1856 г.,— делают огромные шаги. Географические условия начинают составлять статистическую ценность. Города, реки, горы могут быть взвешены, входить в формулы или занимать точки в каком-нибудь дельном очертании»³.

Батеньков одним из первых обратил внимание на слабую изученность климатических условий Сибири, в исследование которых затем внесли весомый вклад М. Ф. Митьков, П. И. Борисов, А. И. Якубович, А. А. и Н. А. Бестужевы, К. П. Торсон и др. Поэтому в заключительном разделе книги не только показано значение метеорологических изменений декабристов, но и прослежено, как они использовались в трудах отечественных географов, в том числе в исследованиях А. И. Воейкова, Г. И. Вильда и М. А. Рыкачева.

Интересы Н. А. Бестужева столь многогранны, что их невозможно вместить в рамки какой-либо одной отрасли знаний. Они охватывают географию зарубежных стран, историческую географию, гидрографию, этнографию, метеорологию, земной магнетизм, исследования Арктики и Антарктики, изучение полярных сияний. Обширное документальное наследство семьи Бестужевых, в основном сосредоточенное в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), открывает богатые возможности для создания монографического исследования, посвященного деятельности Н. А. Бестужева как видного естествоиспытателя. В настоящей книге поставлена лишь задача провести своего рода разведочный поиск и остановиться на главных направлениях его географических и климатологических изысканий. Это особенно полезно, поскольку его естественнонаучные труды не только представляют интерес для истории науки, но и могут быть использованы в современных исследованиях, в частности при

³ Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. Батенькова, Картон 5. Д. 3. Л. 3.

изучении изменений климата Сибири за минувшие полтора века.

Необходимо подчеркнуть, что естественнонаучная деятельность декабристов развивалась в эпоху, когда огромные пространства России, да и всей земли, представляли собой «белые пятна», когда еще не было сети геофизических обсерваторий и каждый многолетний ряд наблюдений в Сибири порой имел цену открытия, как, например, 10-летние метеорологические наблюдения Митькова в Красноярске. Соблюдение принципов историзма открывает возможность не только показать то новое, что дали декабристы естествознанию по сравнению со своими предшественниками, но и раскрыть прогрессивное значение взглядов декабристов на роль и место географии в жизни общества и в системе наук о Земле. Тем более что участие в географических исследованиях порой было побудительной причиной к вступлению в тайное общество.

Необходимо отметить, что естественнонаучные изыскания декабристов приходятся на эпоху, когда Россия уже вышла на просторы Мирового океана. Только в 1815 — 1826 гг. было предпринято 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и более 20 путешествий в различные районы России и земного шара. Журналы того времени стали включать специальные разделы по географическим исследованиям и путешествиям. Особенно много статей по этой тематике публиковалось в «Соревнователе просвещения и благотворения», «Северном архиве», «Сыне Отечества», «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», в «Записках, издаваемых государственным Адмиралтейским департаментом», в «Сибирском вестнике». Резко возрос выпуск книг географического содержания («Краткая всеобщая география» академика К. И. Арсеньева выдержала 20 изданий).

На десятилетие, когда зарождалось и мужало движение декабристов, приходится один из самых блестящих периодов отечественных географических исследований и открытий. То был своего рода «географический взрыв». Член Северного общества В. П. Романов писал в 1822 г.: «Девятнадцатое столетие, распространяя науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям»⁴.

⁴ ЦГАВМФ. Ф. 166, Оп. 1. Д. 2595. Л. 2,

Действительно, географические исследования России в первой четверти XIX в. были подняты на уровень высшей государственной политики. Пожалуй, еще никогда русским правительством не отпускались столь щедро деньги на исследование полярных стран и Мирового океана, как в годы, последовавшие за победоносным завершением Отечественной войны 1812 г.

Важнейшей географической проблемой для первой четверти XIX в. представлялись поиски Южного материка. Для ее решения русским правительством была снаряжена экспедиция к Южному полюсу под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева. В плавании принимал участие будущий член Северного общества К. П. Торсон. Показ его ученой деятельности сопряжен с серьезными трудностями. Они обусловлены прежде всего тем, что почти все рукописи этого декабриста, в том числе его «Записки» о плавании к Южному полюсу, оказались утраченными. К счастью, обнаруженные в архивах материалы открывают возможность, хотя бы в общих чертах, осветить роль Торсона в этом знаменитом географическом предприятии.

Одной из главнейших географических проблем того времени являлись поиски Северного прохода. Вопрос о том, соединены ли Азия и Америка перешейком или их разделяет море, по словам декабриста Романова, «волновал умы географов и мореплавателей всего света»⁵. Один из очерков этой книги посвящен раскрытию настойчивого внимания, которое проявлял этот декабрист к решению проблемы Северо-Западного морского пути из Тихого океана в Атлантический. Не лишено интереса, что, кроме Романова, создавшего два интереснейших проекта, этим вопросом занимались Н. А. и М. А. Бестужевы, Торсон, Рылеев. Корнилович, Батеньков. Романов исследовал кавказские берега Черного моря, Болгарию, Турцию, Грецию.

Декабристы понимали, какое значение имели географические исследования для укрепления политического влияния и экономического могущества своего Отечества. Именно этим объясняется их внимание к таким проблемам, как исследование севера Американского континента, где сталкивались интересы России и Англии. Поэтому весьма важно было один из очерков

⁵ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2595. Л. 2.

посвятить Д. И. Завалишину, принимавшему участие в изучении Русской Америки и северной части Тихого океана. Тем более что к ним было привлечено внимание целой плеяды деятелей движения декабристов.

Говоря об участии Завалишина, Торсона, М. К. Кюхельбекера, Романова в кругосветных путешествиях, следует помнить, что русскими моряками было положено прочное основание глобальному изучению геофизических явлений на всех океанах земного шара, чем отечественная наука вправе гордиться.

Представление о вкладе декабристов в развитие естествознания будет неполным без освещения участия М. К. Кюхельбекера в путешествии вокруг света на шлюпе «Аполлон», в создании очерка о Забайкальском крае, в плавании к Новой Земле. Тем более, что картирование ее берегов являлось составной частью грандиозной программы исследования северных и восточных морей, разработанной известным русским гидрографом Г. А. Сарычевым. Не менее существенно, что в реализации этой программы принимали участие декабрист Романов и известные полярные исследователи Рейнеке, Матюшкин, Врангель, Литке. Одни из них разделяли политические взгляды декабристов, другие сочувствовали их идеалам, но все вместе видели свое высшее назначение в служении науке и славе Отечества.

Говоря о декабристах-естествоиспытателях, необходимо кратко остановиться на их просветительской деятельности, на создании ими школ и учебных пособий по географии. Школьный курс Якушкина был предназначен для основанной им школы в Ялutorовске, а «Начальная география» П. И. Колошина, изданная в качестве учебника для начальных училищ, разошлась по всей России. Петр Иванович Колошин, по его словам, «принадлежал тайному обществу под названием „Зеленой лампы, или Союза благоденствия”»⁶.

14 декабря 1825 г. разделило географические исследования декабристов на два этапа. Первый охватывал всего около 10 лет, из которых самыми насыщенными были 1819—1826 гг., второй — более трех десятилетий, т. е. каторгу и ссылку, когда для исследований и осуществления своих проектов декабристы не имели и тысячной доли тех возможностей, какими располагали до

⁶ Восстание декабристов. М.: Наука, 1984. Т. 18. С. 154.

восстания на Сенатской площади. Но именно тогда они возобновили свою деятельность по изучению Отечества и в тяжелейших условиях приступили к метеорологическим, ботаническим и фаунистическим наблюдениям.

Все вместе декабристы сыграли большую роль в развитии естествознания, однако при написании книги перед нами встала проблема: с кого начинать, в какой последовательности располагать очерки далее? И мы решили, что правильнее будет, если исходить из оценки вклада в науку каждого из наших героев.

При создании этого исследования мы опирались на достижения отечественной истории, географии и климатологии, на труды и воспоминания декабристов, на документальные материалы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), Центрального государственного исторического архива Эстонии (ЦГИАЭ), Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР (ЛО ААН), отделов рукописей Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ), Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Центральной Военно-Морской библиотеки, Библиотеки Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова.

Федор Николаевич Глинка (1786—1880)

Федор Николаевич Глинка, один из видных деятелей движения декабристов, родился 8 июня 1786 г. в селе Сутоки, расположенном в 7 верстах от уездного города Духовщина Смоленской губернии. Его отец, капитан в отставке Николай Ильич Глинка, принадлежавший к старинному дворянскому роду, служил под командованием генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. В Кагульской битве Николай Ильич проявил исключительную смелость и храбрость, чем на много лет расположил к себе русского полководца. Мать Глинки, Анна Яковлевна, происходила из рода Каховских.

Детство будущего декабриста прошло на смоленской земле, о которой он впоследствии неоднократно с любовью вспоминал в своих «путешествиях», письмах, стихах:

Как светел там янтарь луны,
Как воздух палевым окрашен!
И низутся кругом стены
Зубцы и ряд старинных башен,
Как там и вечером тепло!
Как в тех долинах ароматно,
Легко там жить, дышать приятно,
В душе, как на небе, светло;
Все говор, отзывы и пенье:
Вот вечер сладостный, всенный
Страны, где жил я, как дитя,
Среди семейной, кроткой ласки,
Где так меня пленяли сказки...
Но буря жизни, ухватя,
Мой челн в безбрежное умчала...

Учился Глинка в Первом кадетском корпусе. Успешнее всего у него шла математика, хотя он и был к ней совершенно равнодушен. Его страстно влекла литература, и особенно поэзия. До составления «правильных» стихов Глинка, по его словам, «доходил самоучкой».

¹ Ф. Н. Глинка. Избранное. Петрозаводск: Каргосиздат, 1949. С. 94.

В 1802 г. по окончании корпуса он получил чин подпоручика и был определен в Апшеронский пехотный полк адъютантом М. А. Милорадовича, под личным начальством которого участвовал «во всех сражениях знаменитой в военной истории кампании 1805 и 1806 годов». В трудном, почти без отдыха, походе Глинка вел записки, которые впоследствии составили две части его знаменитых «Писем русского офицера».

«Письма» Глинки — это не только зарисовки военных действий, что уже видно из полного заглавия произведения: «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 годах, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год, с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкою». Книга состоит из восьми частей. Первая из них содержит описание похода русских войск в 1805 г. Повествование ведется в форме писем к другу с дополнениями и замечаниями к ним.

«Служа в полку адъютантом,— писал Глинка,— я старался воспользоваться некоторыми свободными минутами, которые мог похищать от моей должности, и в сии-то минуты часто на голом поле или в черных мазурских избах писал к тебе, любезный друг». Собственно, под другом подразумевается реальное лицо — родной брат писателя, издатель «Русского вестника» Сергей Николаевич Глинка: «Итак, прими мой труд, ты, сын и друг России».

Открывается первая книга описанием перехода русских полков через русско-польскую границу. «Солдаты были бодры, но на лицах их изображалась горечь. Ты знаешь, любезный друг, привязанность русских к своему Отечеству и потому можешь судить, с каким чувством переступали они за пределы своей империи. Во всех полках пели песни, но они были протяжны и заунывны. Казалось, что в них изливалась сердечная грусть героев: это последняя дань отеческой стране»². Затем писатель добавляет: «Хранить дружество с соседями, помогать ближним и защищать утесненных издавна было священным обычаем россиян».

² Глинка Ф. Письма русского офицера: В 8 ч. М., 1815. Ч. 1, С. 5.

Далее Глинка подробно описывал города Польши, селения и замки, в которых поляки укрывались от нашествия турок. В местечке Злочеве он застал хозяйку лавки за чтением «Естественной истории» известного французского естествоиспытателя Ж. Бюффона, что вызвало немалое удивление автора. Глинка отмечает особенности природы Германии и Австрии, обращает внимание на достопримечательности мест, через которые проходила русская армия под командованием Михаила Илларионовича Кутузова. «Здесь крестьяне вольны»³, — читаем в «Письмах».

Через Австрию приходилось идти почти без остановок, лишь в городе Кремсе была сделана дневка. Глинка воспользовался этим, чтобы посетить монастырь Готвег, где хранились древние рукописи и богатое собрание старых мастеров европейской живописи. В аббатстве Мельк он также посетил библиотеку и познакомился с коллекцией картин, где были прекрасные творения бессмертного Рафаэля.

Длинные трудные переходы русской армии продолжались не только днем, но нередко и ночью. Глинка участвовал в боях с французами, при этом часто оказывался на краю гибели. «Смерть близенько пролетела мимо меня»⁴, — признавался Глинка 24 октября 1805 г. А спустя неделю он писал, что был окружен тысячею различных смертей, видел беспрестанно льющуюся кровь, слышал свист пуль — и остался жив. «Все чувства возмущаются при воззрении на побиенных. О! Сколь ничтожен в сию минуту кажется род человек!»⁵ — восклицал Глинка.

Опуская подробности описания сражений между французскими и русскими войсками, обратим внимание на сравнение Глинкой наполеоновских войн, от которых страдали народы Европы, с переселениями народов в глубокой древности: «Но тогда гнев, Природы, потоп, мор и глад тревожили обитателей земных, а ныне рассвирепевшие народы вооруженною рукою, так сказать, сталкивают друг друга с лица земли и плавают в крови собратий своих!»⁶. Ненависть к войне, отношение к миру как величайшему благу человечества

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же. С. 110.

станут впоследствии лейтмотивом произведений декабристов.

Далее Глинка рассказывал о венгерской земле с ее окутанными прозрачными облаками живописными Карпатами. Реку Ваг автор сравнивал с пламенным потоком войны. Много места отведено характеристике гор, склоны которых покрыты густыми лесами, изобилуют реками и водопадами, представляющими величественное зрелище: «О, природа! — восхищался Глинка. — Сколь прекрасна ты в диких одеяниях своих. С чем сравнить истинные красоты твои? Смертные только искажают их»⁷.

Глинка встретился с ученым, который открыл в Карпатах топаз и другие ценные минералы: «Если бы у вас в России, говорил профессор, ученые люди сделали изыскания в огромных цепях гор, возвышающихся в различных частях государства, то, конечно, открыли бы бесчисленное множество драгоценных сокровищ, которые ныне, таясь в недрах земли, попираемые ногами россиян, не были им известны. Он весьма хвалил ученые замечания о России известного Палласа. Потом, при прощании, вместе с несколькими мелкими окаменелостями дал мне на память два камушка, похожие на кремень, но светлые и прозрачные, как янтарь. Он... уверял, что их нигде более нельзя найти, как в горах венгерских и в России в горах сибирских»⁸.

Затем Глинка побывал в пещере в Актельке с ее хрустальными стенами, сталактитами, сталагмитами и многими другими подземными чудесами. Глинка заключал главу следующими словами: «Добрый народ! Вольная земля, прелестная Венгрия! Я должен проститься с тобою, и, может быть, навсегда, но воспоминание о тебе останется неизгладимо в памяти и сердце моем... О, страна благодатная! Позволь в последний раз с чувством сердечной горести сказать тебе: прости!»⁹.

Перевалив через Карпаты, воины очутились в царстве зимы: расстилавшиеся поля были занесены снегом, а реки скованы льдом. Глинка потрясен ужасной бедностью крестьян Галиции. Избы их топятя по-черному. В них же находится скот. Хозяева лачуг ходят

⁷ Глинка Ф. Письма русского офицера: В 8 ч. М., 1815. Ч.1. С. 145.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Там же. С. 170—171.

в лохмотьях, что происходит от их рабского состояния, в котором держат их австрийцы, считая, что они «не созрели до того, чтобы наслаждаться независимостью»¹⁰. Сравнивая жизнь вольных землепашцев других стран с настоящим прозябанием галицийцев, Глинка подчеркивал, что в их закоптелых хатах не найдешь ничего, кроме нищеты.

Наконец войска возвратились в Россию. Глинка записал следующее: «Шесть месяцев, скитаясь по свету, видел я разные народы и разные земли и в эти шесть месяцев приобрел более опытности, нежели сколько мог бы приобрести в шесть лет, сидя дома»¹¹. За это время он прошел пешком около 6 тыс. верст. «Ночлеги на сырой земле, к которой примерзала одежда, недостаток в пище и переменная погода глубокой осени» нанесли вред его здоровью. Вскоре по возвращении в Россию он вышел в отставку.

В 1810—1811 гг. Глинка путешествовал по Смоленской, Тверской, Московской, Киевской губерниям. В Москве Глинка долго бродил по ее улицам, любовался прекрасной архитектурой особняков и дворцов, не подозревая о том, что через два года ему придется защищать древнюю столицу от нашествия французов. Как-то решил подняться на колокольню Ивана Великого. И с этой высоты ему пришли в голову следующие мысли: «Там, внизу, есть графы и князья, богачи и вельможи: разве знатность, богатство и блеск их титулов не поражают вас? — Нимало. Выходите чаще на Ивана Великого, то есть приучите дух ваш возвыситься превыше предрассудков и великолепия, и тогда гордость и страсти всегда будут оставаться у ног ваших... Вы будете тогда превыше раболепства, а большая часть великих, потому что они велики, покажутся вам лилипутами»¹².

Пробыв довольно долго в Москве, Глинка отправился домой через Клин, Тверь, Ржев. Эта часть его путешествия проникнута раздумьями над многими еще не разгаданными тайнами природы, когда по прихоти стихии валились леса, разверзались горы, исчезали целые города. Много размышлял Глинка о человеке. Це-

¹⁰ Там же. С. 181.

¹¹ Там же. С. 213.

¹² Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1815. Ч. 2. С. 61—64.

лые главы его «Писем» посвящены доброте и таланту. И тут он особенно подробно останавливался на судьбе М. В. Ломоносова. «Кто мог бы подумать, — писал он, — увидя сына простого рыбака, сидящего на диких скалах Белого моря, что он будет некогда знаменитым сыном России, великим мужем, славным Ломоносовым!»¹³ Много страниц отведено талантливым самоучкам, выходцам из гущи народной, которые стремились идти по стопам гениального русского ученого.

По дороге из Ржева в Киев открылась картина ужасной засухи. «Никто не помнит, — писал Глинка, — такого жаркого лета. Пожарам нет числа, каждую ночь с которой-нибудь стороны рдеет небо. В одном месте горят слободы; в другом — пылают стога и скирды сена... Там на краю горизонта сгорают леса и пламя льется рекою. Во многих местах горят поля и земля на аршин глубиной выгорает»¹⁴.

1 сентября 1811 г. Глинка стал свидетелем появления необыкновенной кометы, которую посчитали предвестницей страшной войны (она между тем действительно приближалась к границам России). 10 мая 1812 г. Глинка отметил в своих записках, что в разгар весны света его сердце отказывается участвовать в общей радости и его грудь сжимает и пугает предчувствие несчастья. Он прекратил занятия наукой и литературой. «В самом деле, — продолжал он, — мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в „Ведомостях“ только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях в небе. Мы читаем в Степенных книгах, что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой и небо чудесными знаменами, как бы предуведомляя землю о грядущем горе...»¹⁵ Естественно, тогда Глинка не мог и предположить, что позже, уже в наше время, ученые буквально по крохам соберут и проанализируют все материалы об экстремальных явлениях за целое тысячелетие и установят, что в начале XIII в., перед самым монголо-татарским нашествием, Русь пережила 17 голодных лет, во время которых вымерла большая часть населения русских городов.

¹³ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1815. Ч.2. С. 89.

¹⁴ Там же. С. 178.

¹⁵ Там же. Ч.4. С. 8.

Но возвратимся к «Письмам русского офицера». С четвертой по восьмую часть они посвящены описанию боевых действий во время Отечественной войны 1812 г. и взятию Парижа. Очень сильное впечатление производит картина гибели Смоленска. Сражение началось 4 августа. Бросившийся на штурм древнего города неприятель был остановлен горсточкой защитников, к которым вскоре присоединились регулярные войска. На следующий день сражение возобновилось с рассветом и продолжалось до полуночи. Оно велось и в предместье, и на стенах древней крепости. «Русские, — писал Глинка, — не уступали ни шагу места; дрались как львы. Французы... в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборством наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью... Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазейны, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, запылало!..

Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными»¹⁶.

Когда утром 6 августа русские войска оставляли Смоленск, город представлял собой груды пепла. Его окрестности Глинка сравнивал с окрестностями Везувия после извержения. Он приводил множество примеров мужества, геройства, человеколюбия, проявляемых русским человеком. Он был восхищен тем, что высшие офицеры неустрашимо бросаются в ад военной бури и терпят наряду с простым солдатом жажду, голод и холод. «Вот что значит любовь к Отечеству. Потомуки не уступают предкам. О, чувство благородное, чувство священное! Обладай вечно сердцами россиян».

Глинка в те дни и ночи часто наблюдал за главным командующим русской армией М. Б. Барклаем-де-Толли. Его поразительное спокойствие, твердость духа, четкость плана и ясность цели — вот черты, которые были многим непостижимы. «Когда Колумб, — отмечал Глинка, — посредством глубоких соображений первый предугадал о существовании нового мира и по-

¹⁶ Там же. С. 34—36.

плыл к нему через незримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но великий духом, не колеблясь ни грозным волнением стихий, ни бурей страстей человеческих, видел ясно пред собою отдаленную цель свою и вел к ней вверенный ему провидением корабль»¹⁷. Именно с Колумбом сравнивал Глинка Барклая-де-Толли, который, по его словам, провел от Немана до Вязьмы наши войска с таким искусством и осторожностью, что не позволил неприятелю отрезать ни одного русского отряда, не потеряв «почти ни одного орудия, ни одного обоза».

Глинка в середине августа записал, что война уже давно обрела народный характер и теперь проявляется в новом небывалом движении. Тысячи крестьян, вооружившись самодельным оружием, в которое они превратили серпы и косы, уходят в леса и нападают на отдельные отряды «злодеев». «Даже женщины сражаются!»

В те дни, когда между офицерами только и было разговоров о необходимости дать сражение, донеслась весть о прибытии в армию светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова. «Народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету... Весь народ называет его спасителем»¹⁸.

Глинка увидел Кутузова в селении Царево-Займище. Он сидел на скамейке у крестьянской избы, окруженный свитой генералов. Потом поехал осматривать войска. Увидев, что солдаты чистят одежду, Кутузов сказал, что приехал только узнать: «Здоровы ли вы, дети мои?» И добавил, что солдату в походе надобно думать не о щегольстве, а о победе.

Дальше Глинка писал о мужестве воинов-ветеранов. Страдавшие от старых и новых ран, они участвовали в сражениях наравне с молодыми. «Вот что значит война отечественная», — заключал Глинка.

В Тарутине Глинка встретился с Милорадовичем. Генерал предложил Глинке служить у него, и с 1 октября 1812 г. Глинка уже находился в авангарде ку-

¹⁷ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1815. Ч. 4. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 50.

тузовских войск, о боях которых гремела слава по всей России.

Во второй половине ноября русские войска были за Березиной, а в середине декабря захватили Вильну. Здесь Глинка сделал следующую запись: «Таковыми исполинскими шагами шло войско наше к победам и славе!.. Но сколько неслыханных, невообразимых трудов перенесло войско! Сколько вытерпел друг твой»¹⁹. В Вильне Глинка дважды навещал заболевшего В. А. Жуковского. «Отечественная война, — отмечал Глинка, — переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего Отечество, вместе с другими увлек и его из круга тихомирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани. Как грустно видеть страдание того, кто был таким прелестным певцом в стане русских и кто дарил нас такими прекрасными балладами! Мой друг! сия война ознаменована какою-то священной важностью и всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели из объятий независимости и муз, чтобы стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или барду Оска-ну, пели и под шумом военных бурь»²⁰.

В «Письмах русского офицера» содержится описание множества городов и сел, через которые проходил авангард русских войск. Особенно тепло и сердечно встречали русских солдат в Саксонии. «Все русское, — отмечал Глинка, — входит здесь в употребление. На многих домах надписи немецкие написаны русскими словами, а на иных и совсем по-русски. Неоспоримо, что слава народа придает цену и блеск языку его. Слава сия утверждается победоносным оружием. Теперь уже всякой саксонец имеет ручной Российской словарь, и скоро, может быть, — как сладко мечтать о сем! — богатый язык великого Отечества нашего загремит на берегах Эльбы — и там, где победа украшает лаврами знамена народа русского, станут читать русских писателей; станут дивиться Ломоносову, восхищаться Державиным, учиться у Шишкова, пленяться Дмитриевым, любоваться Карамзиным!»²¹

¹⁹ Там же. С. 151.

²⁰ Там же. С. 154.

²¹ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1816. Ч. 5. С. 61—62.

Идя по дорогам Европы, Глинка все чаще задумывался о необходимости издать труд по истории Отечественной войны 1812 г. «Скоро, — писал он, — может быть, умолкнут громы брани... Пожженные области начнут возникать из пепла, и раны страждущего человечества уврачуются благодатным целением мира. Война сия пройдет мимо, как гневная туча, метавшая молнии на мирные села. Скоро исчезнет ужас, но вслед за ним пробудится любопытство. Люди захотят узнать все подробности сей единственной брани народов»²².

Глинка видел долг русских ученых в необходимости дать представление о времени, «когда тряслись престолы и трепетали цари», когда внезапный гром наполеоновского нашествия пробудил дух народа, показавшего во всем величии пламенную душу и своими подвигами освободившего поработленную Европу.

Глинка много раз подчеркивал, что будет счастлив, если читатель и историк найдет в его „Письмах“ «верное описание нравов и обычаев народов»²³. И действительно, его этнографические наблюдения очень точны, объективны и проникнуты чувством желания видеть народы Европы в состоянии мира и процветания.

За боевые отличия и заслуги Глинка был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Анны 2-й степени, золотой шпагой за храбрость, русским и баденским военными орденами, а также получил от прусского короля драгоценный перстень.

В 1815—1816 гг. вышли его «Письма русского офицера». Прочитав их, Жуковский послал Глинке своего «Певца в стане русских воинов» с надписью: «Ксенофонту Бородина». «Письма, — писал современник Глинка и исследователь его литературной деятельности Н. В. Путьята, — по появлении своем имели блистательный успех, они с жадностью читались во всех слоях общества, во всех концах России. Красно-речивое повествование о свежих еще сильно волновавших событиях, живые, яркие картины, смело нарисованные в минуту впечатлений, восторженная любовь ко всему родному, отечественному и к военной славе — все в них пленяло современников.

Я помню, с каким восторгом наше, тогда молодое

²² Глинка Ф. Н. Письма к другу. С. 317.

²³ Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1816. Ч. 8. С. 257.

поколение повторяло начальные строки письма от 29 августа 1812 г.:

„Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное Бородинское сражение“»²⁴.

По возвращении в Петербург Глинка был переведен в Измайловский полк. В 1817 г. начальник Гвардейского штаба генерал-адъютант Сипягин предложил ему издавать «Военный журнал», который сразу же завоевал большую популярность. При Гвардейском штабе Глинка создал библиотеку. Став активным членом Общества военных людей, он выступил с «Рассуждением о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг».

В январе 1816 г. в Петербурге было основано Вольное общество любителей российской словесности. По мнению его создателей, оно должно было управляться «прочными законами, основанными на здравом разуме и нравственности»²⁵. Глинка, как активный член Союза спасения, вскоре установил связи с обществом и передал в его библиотеку «Письма русского офицера» и «Письма к другу». 5 декабря 1816 г. он был единогласно принят в члены общества и вскоре развил кипучую деятельность по привлечению в его состав людей, имеющих дарования в области науки и словесности. Решено было издавать журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», а уже в марте 1817 г. стал обсуждаться вопрос об издании много-томной «Российской энциклопедии», биографического словаря «Жизнеописание многих великих людей Отечества» и нового иконологического словаря. Общество предполагало отправлять экспедиции для изучения памятников древней письменности и народного творчества. «Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных,— писал Глинка,— блещут, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Состоит только собрать и сблизить их, чтобы составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим»²⁶.

²⁴ *Путята Н. В.* Несколько слов о литературной деятельности Ф. Н. Глинки // Беседы Общества любителей российской словесности. СПб., 1867. Т. 1. С. 121.

²⁵ *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. С. 87.

²⁶ *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. С. 326.

Но прежде чем перейти к рассмотрению деятельности Глинки как президента Ученой республики (так через некоторое время декабристы будут называть Вольное общество любителей российской словесности), необходимо подробнее остановиться на речи, которую он произнес в созданном им Обществе военных людей.

Здесь, как известно, он выступил с «Рассуждением о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг, также о пользе и настоящем положении учрежденного для военных читателей при Гвардейском штабе книгохранилища». Впоследствии оно было опубликовано отдельной книгой, которая дает наглядное представление о взглядах декабриста на науку и просвещение. Глинка горячо говорил о пользе занятий и резко обрушивался на тех, кто ссылался на праотцов, которые были менее учены, но более счастливы. Жизнь человека — «существа разумного,— писал он,— есть непрерывная деятельность... Жизнь и деятельность тесно соединены между собой, как пламя и свет»²⁷. Образцом для него была жизнь А. В. Суворова, который не прекращал чтения и занятий науками «в ставке, окруженной шумом военных бурь». Тем же, кто ссылался на малочисленность книг у наших предков, более живших на коне и в поле и якобы мало читавших, Глинка отвечал, что у древних россиян несколько веков назад книг действительно было меньше, но зато речи и поучения не были у них редкостью. И дальше: «Науки гораздо старше книг и даже, быть может, самых письмен... Начала наук почти современные способности мыслить, способности едва ль не современной первым минутам существования человека, ибо все в нем есть навык и наука»²⁸. (Спустя несколько десятилетий эта мысль будет повторена В. И. Вернадским.) Именно от наших предков, по мысли Глинки, мы наследуем «их познания, открытия и опытность... дела ума и рук человеческих всегда переживают своих делателей...»²⁹.

Исключительно большое внимание в «Рассуждении» Глинка уделил нравственному воспитанию чело-

²⁷ Глинка Ф. Н. Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг, также о пользе и настоящем положении учрежденного для военных читателей при Гвардейском штабе книгохранилища. СПб., 1817. С. 3—4.

²⁸ Там же. С. 8—9.

²⁹ Там же. С. 15.

века: «Добродетель можно назвать наукою быть человеком... А как нет в мире звания выше и благороднее звания человека, то и добродетель, ведущая к сему высокому сану, должна быть первойшею из наук»³⁰.

Глинка придавал особое значение изучению истории. Эта наука, по его словам, не только просвещает разум и удовлетворяет любознательность, но и «возвышает, облагораживает душу». Не следует ограничиваться историей народов, человеку столь же важно познать «другую, не менее любопытную историю наук». «Вообще,— подчеркивал Глинка,— судьба наук имеет большое сходство с судьбою народов». И далее: «Все человечество имело свое младенчество, свое постепенное усовершенствование... Оно воспитывалось, училось и учится и должно еще учиться, если хочет быть счастливым, ибо при свете только наук и добродетели исчезает мрак предрассудков и пороков»³¹.

Глинка призывал:

Беспреданно вперед, вперед стремись,
Хочешь видеть все мира явления —
Расширай над ними ум свой и обними их.
Хочешь постигнуть существо вещей —
Проницай глубину и исследуй! ³²

Уже в первые месяцы существования Ученой республики члены общества подготовили несколько естественнонаучных работ: Е. Ковалевский — «Поездка к Уральским горам», А. Боровков — «Поездка на Илецкую защиту», И. Боровков — «Путешествие к водопаду Кивач», Г. Хвостов — «Путешествие к реке Паше». По инициативе Глинки при обществе были созданы библиотека и минералогический кабинет. В состав общества были включены виднейшие деятели русской культуры: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич и вскоре А. С. Пушкин. На протяжении 10 лет деятельным членом общества был академик П. И. Кеппен, состоял там и отец великого русского ученого Д. И. Менделеева, И. П. Менделеев. Судя по публикациям в «Соревнователе просвещения и благотворения», в 1818 г. на заседаниях общества рассматривались труды о «Странствовании Гумбольдта по степям и пустыням Нового Света», «О Волге», «О важнейших изданиях записок

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ Там же. С. 30.

³² Там же. С. 47.

Герберштейна». Интерес представляет и публикация речи Д. В. Сахарова об успехах просвещения, в которой он дал высокую оценку открытиям русских земплепроходцев и мореходов: «Россияне могут также похвалиться своими открытиями. Судьба, кажется, им предоставила совершить то, чего ни один народ сделать был не в состоянии. Они обозрели те страны, где природа поставляет непреодолимые преграды покушениям, но и природа уступила их твердости и предприимчивости. Они открыли всю северную часть и берега Северо-Восточной Азии, также берега Северо-Западной Америки, куда не досягал ни один из европейских путешественников»³³.

В делах Ученой республики сохранилась запись о русском ученом С. П. Власове: «Сей ревностнейший член общества, сей отечественный гений наш сделался жертвою отличной любви своей к химии и благородного стремления к славе. Богатый знаниями и усердием к своему предмету — предмету всех его мыслей и намерений, он жил и умер в великой бедности, оставив несчастной вдове и четырем сиротам в наследство одно токмо имя свое и добрую о себе славу»³⁴.

В 1819 г. в общество были приняты А. А. Дельвиг, П. А. Плетнев и В. К. Кюхельбекер. При этом в протоколе отмечалось, что представленные Кюхельбекером «ученые произведения достойны особенного уважения»³⁵. Глинка с большой симпатией отнесся к Кюхельбекеру. «Я, — писал Глинка Кюхельбекеру, — всегда люблю беседовать, хотя заочно на бумаге, с умными и добрыми людьми. Но тем более для меня приятна беседа с молодым человеком, у которого изощрение ума не преступило чувствий и сердца, у которого душа нова и светла, ибо не страдала еще в губительном пламени страстей и не томила в глубоком мраке предрассудков, которым покоряется несчастное человечество. Этот молодой человек — Вы. Берегите доброту сердца, непорочность нравов, свежесть мечтаний и самую даже прелесть неопытности»³⁶.

³³ Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. № 12. С. 16—17.

³⁴ Базанов В. Ученая республика. С. 113.

³⁵ Там же.

³⁶ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 247.

По инициативе Глинки в «Соревнователе» систематически печатались ученые известия из стран Европы, Азии, Америки. В 1819 г. во втором номере журнала были опубликованы «Материалы для истории просвещения в России», в восьмом номере — статья Попова «Древнейшие пределы морей внутренних».

В 1820 г. Вольное общество любителей российской словесности получило второе название — Ученая республика, а ее председатель стал именоваться президентом. По мнению советского литературоведа В. Г. Базанова, предложение учредить Ученую республику исходило от Глинки. Он же был единственным ее президентом. Будучи помощником петербургского генерал-губернатора Милорадовича, Глинка смог смягчить меру наказания Пушкину. Прочтя две первые песни «Руслана и Людмилы», Глинка обратился к молодому поэту:

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?

Выразив свое восхищение бессмертным творением Пушкина, декабрист заканчивал стихотворение пророческими строфами:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..³⁷

Пушкин отвечал Глинке стихотворением, из которого приведем лишь две строфы:

...Голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин...

А в сопроводительном к стихам письме к брату Льву он просил: «Покажи их Глинке, обними его за меня и скажи, что он... почтеннейший человек здешнего мира»³⁸.

Ученая республика, которая, судя по «Схеме развития декабристских и связанных с ними организаций», состояла из 82 действительных членов, 24 членов-сотрудников, 39 членов-корреспондентов и 96 почетных членов, являлась наиболее мощной филиальной организацией тайных обществ, по крайней мере со времени

³⁷ Глинка Ф. Н. Избранное. С. 65.

³⁸ Там же. С. 67.

возникновения Союза благоденствия, основателями которого были Глинка, М. И. Муравьев-Апостол, Ф. П. Толстой.

Вольное общество объединяло почти весь цвет русской науки и культуры. Среди республиканцев значится большое число декабристов, которые являлись не только видными политическими деятелями, но и учеными: А. А. и Н. А. Бестужевы, Ф. Н. Глинка, П. И. Колошин, А. О. Корнилович, К. Ф. Рылеев, В. Д. Сухоруков, К. П. Торсон, Н. И. Тургенев, В. И. Штейнгель. Республика крепла и мужала. Поэтому в своей речи 7 ноября 1821 г. Глинка мог с полным основанием сказать: «Мы ласкаем себя прекрасною надеждою, что настоящая связь наша, основанная на единстве воли и цели, достигнет со временем до степени приязни и самой дружбы, столь сладостной для благородных душ»³⁹. Совершенно справедливо заключение Базанова, что лучшим показателем этой «благородной дружбы, основанной на единстве воли и цели, являются ученые упражнения, выступления соребнователей с чтением своих статей, путешествий»⁴⁰.

Судя по далеко не полностью сохранившимся журналам Ученой республики, на ее заседаниях за 1820—1824 гг. было прочитано и обсуждено более 200 естественнонаучных и историко-географических работ, большая часть которых принадлежала декабристам.

Как отмечал Базанов, в Ученой республике существовал культ М. В. Ломоносова. «Великий Ломоносов! — сказал 9 января 1821 г. библиотекарь общества И. К. Аничков. — Ты никогда не будешь позабыт твоим Отечеством. Воспоминание о тебе будет переходить из рода в род, доколе Россия станет называться Россиею и язык русский будет славою ее народа»⁴¹.

Судя по реестру дел цензурного комитета Вольного общества любителей российской словесности за 1821 г., 17, 24 января и 7 февраля на его заседаниях были прочитаны отрывки из «Путешествия в Ревель» А. А. Бестужева. Труд декабриста получил единодушное одобрение всех членов Ученой республики. 7 мар-

³⁹ Цит. по: Базанов В. Ученая республика. С. 239.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 17, С. 289.

та и 23 мая Н. А. Бестужев читал отрывки из «Записок о Голландии». Благодаря реестру удалось также установить, что 7 ноября 1821 г. Н. А. Бестужев читал сочинение о «Бронзаровании меди», которое не значится ни в одном списке его трудов.

Естественнонаучные статьи, которые не рассматривались на заседаниях Ученой республики, публиковались в «Соревнователе просвещения и благотворения» («О быстроте солнечных лучей», 1821, № 1). Интересно, что каждый выпуск журнала за 1822 г. открывался разделом «Наука», в котором печатались главным образом отрывки из путешествий, этнографические заметки, сочинения по исторической географии.

С разгромом движения декабристов прекратила свою деятельность и Ученая республика. На ее заседаниях было заслушано множество научных, прозаических и поэтических произведений. В том числе: в 1820 г.— 252, в 1821 г.— 286, в 1822 г.— 170, в 1823 г.— 64, в 1824 г.— 134.

Итак, за 5 лет работы было рассмотрено 906 «учебных упражнений». Сведения за 1816, 1817, 1818, 1819 и 1825 гг. отсутствуют. Вместе с тем, судя по публикациям в «Соревнователе просвещения и благотворения», в эти годы общество жило полнокровной научной и литературной жизнью. Вероятно, общее число работ, прочитанных на заседаниях Ученой республики за всю 10-летнюю историю ее существования, составляет более полутора тысяч.

Ученая республика сыграла важную роль в развитии не только русской литературы, но и науки. И главная заслуга в этом великом деле принадлежит ее президенту Федору Николаевичу Глинке, который хотя и не был на Сенатской площади, но не избежал наказания. 30 декабря 1825 г. Глинку доставили в Зимний дворец, но после допроса отпустили. Напрасно он, однако, думал, что избежал кары. 11 марта 1826 г., когда Глинка зашел в кондитерскую лавку, чтобы выпить чашку чаю, к нему подошли жандармы. Теперь его заточили в Петропавловскую крепость, где он просидел до середины 1826 г. Как отмечал Базанов, Глинка сохранял необычайную осторожность в своих показаниях, стремясь не усугублять вину своих товарищей по тайному обществу: «В лице Глинки декабристы имели отличного организатора литературно-общественного движения, опытного руководителя

филиалов тайного общества. Одновременно Глинка являлся зачинателем декабристской прозы и поэзии. „Письма русского офицера“ и „Письма к другу“ свидетельствуют, что Глинка вполне сознательно вступил в тайное общество и что декабризм для него не был случайным увлечением...»⁴²

В Петропавловской крепости Глинка написал песню «Узник»:

Неслышно шуму городского,
На невских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит двурога луна⁴³.

Глинка создал целый цикл стихотворений («Наука», «На гром», «Буря», «К луне», «Луна и узник»), в которых переживания декабриста органически соединены с размышлениями и наблюдениями над природой:

Не освеженная росой
Земля засохла, все в огне,
И запад красной полосой,
Как уголь, тлеет в тишине.
Везде болезнь и вид боязни,
Пылят пути, желта трава,
Как накануне верной казни
Больная узника глава
На перси небрежно скатилась,
Так опустилися цветки!
Уж меж душистыми шелками
Не сеют жемчуг ручейки,
И под сожженными брегами
Упало зеркало реки!
Как сладко тут о днях ненастья
И о дождях воспоминать!..⁴⁴

9 июля 1826 г. Глинка был отправлен в ссылку в Олонецкую губернию под тайный надзор полиции. Здесь он занялся изучением природы и экономики Олонецкой губернии. С высоты деревни Сельга он рассматривал окружающие леса. «Весною здешние ели,— отмечал Глинка,— покрываются множеством ярких глянцеви́то-розовых шишек, на других они зеленые. В последних созревает желтовидная пыль, которая, разносясь ветром, оплодотворяет первые; от се-

⁴² Базанов В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки: 10—30-е годы // Глинка Ф. Н. Избранное, С. 426.

⁴³ Глинка Ф. Н. Избранное, С. 119.

⁴⁴ Там же, С. 118.

то зарождаются семена, снабженные тонкими крылышками. В свое время бури разносят запасы сих семян, и таким образом производят посевы красных лесов. В продолжение холодных зим семена сии, добываемые из еловых шишек, составляют любимую пищу клеста и других мелких птиц, как, например, чижей, поселяющихся в затишных приютах карельских корб»⁴⁵. Далее Глинка писал, что возраст некоторых елей составлял более 250 лет.

Почва большей части северо-востока Олонецкой губернии лежит на граните и перемешана с мелкой галькой. «И вот почему,— объяснял Глинка,— лучший посев ярового хлеба бывает поздний, ибо каменистая почва, будучи нагрета дневным зноем, сохраняет теплоту и по ночам, отчего растительность ускоряется; иначе зерно могло бы зазябнуть в земле, еще недостаточно нагретой»⁴⁶.

Далее Глинка отмечал необыкновенную прозрачность и чистоту воздуха, рассматривал необычные оптические явления над Онежским озером, когда низменные острова начинали казаться высокими, скалистыми. В Карелии множество минеральных источников с «железистыми водами». Декабрист обращал внимание на обилие в пустынных местах Олонецкой губернии полезных, и прежде всего железорудных, месторождений.

Примечания к повести в стихах «Дева карельских лесов» свидетельствуют о том, что Глинка вел интенсивную работу по сбору естественнонаучных и экономико-географических данных о Карелии, которой он намеревался посвятить монографию. «Я,— писал Глинка своему сподвижнику по Ученой республике А. А. Никитину,— обещал переслать в письмах статистическое описание Олонецкой губернии, края уединенного, бедного людьми (ибо на 12 000 000 десятин здесь едва найдется 100 000, и то не совсем постоянных, жителей), но богатого великими запасами лесов, еще не тронутых, руд неископанных, каменных пород (мрамора, порфира и проч.) высокого достоинства, красивых земель и камней, могущих стать на ряду с драгоценными, ибо, кроме других, на островах Кижии находят хорошие аметисты. Я уже собрал некоторые

⁴⁵ Там же. С. 253.

⁴⁶ Там же.

материалы для составления обещанного. Но, пока созреет что-нибудь удовлетворительное для строгих требований науки, примите в знак дружбы и благодарности за дружбу мою небольшую повесть. Она познакомит Вас отчасти с пиитической стороной сих лесистых пустынь, на пространстве которых почивают огромные озера, почти можно сказать — пресные моря, ибо Онега имеет более 1000 верст в окружности и 10 000 кв. верст площади»⁴⁷.

Пока неизвестно, удалось ли Глинке создать научное описание Олонецкого края. Однако поэма «Карелия», как и «Дева карельских лесов», свидетельствует о том, что Глинка тщательно собирал материалы о природе Карелии. В примечаниях естественного научного характера к карельскому циклу его поэм и стихотворений виден внимательный наблюдатель природы. Свою поэму «Карелия» Глинка послал Пушкину. 17 февраля 1830 г. декабрист писал поэту: «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Прочитав с большим наслаждением (в „Литературной газете“) отрывок из путевых записок Ваших [„Военно-Грузинская дорога“], я заключил, что Вы уже должны находиться в столице, и не мог отказать желанию написать Вам несколько строк. Из глубины карельских пустынь я посылал Вам (через барона Дельвига) усердные поклоны. Часто, часто (живя только воспоминанием) припоминал я то приятнейшее время, когда пользовался удовольствием личных с Вами свиданий, Вашею беседою и, как мне казалось, приятною Вашею, для меня драгоценною. И без Вас мы, любящие Вас, были с Вами. В поэтическом уголке любезного П. А. Плетнева мы часто и с любовью о Вас говорили, радовались возрастающей славе Вашей...

Так было до того рокового часа, как всеобщий переворот в гражданской судьбе моей умчал и погрузил меня в дремучие леса Карелии. Одну треть времени моего здесь пребывания провел я в ближайшем сотовариществе с двумя молодыми медведями, моими воспитанниками. Далее, ознакомясь с делами и лицами, по обязанности службы стал ближе к людям. У меня есть Ваш портрет. Только жаль, что Вы представлены с какою-то пасмурностью; нет той веселости, которую я помню в лице Вашем. Ужели это следствие печаль-

⁴⁷ Глинка Ф. Н. Избранное. С. 215.

пой жизни? В таком случае молю жизнь, чтобы она, заняв Вас лучше у Муз и Славы, утешала Вас с таким усердием, с каким я читаю Ваши пленительные стихи.

Приемлю смелость (хотя и трудно на это отважиться) препроводить Вам мою „Карелию“ — произведение лесное и горно-каменное. Наши критики читают глазами то, что написано от души. Но Вы, которому и природа внешняя со всем великолепием своего разнообразия и природа внутренняя человека с ее священной таинственностью, Вы, может быть, заметите в „Карелии“ чувствования, незаметные другим или другими пренебрегаемые...»⁴⁸

Да, Пушкин их заметил. «Более всего, — писал он, — читателям понравится в „Карелии“ местность тамошнего края, изображенная во всей дикой красоте. Примечания о нравах, обычаях, поверьях карелов и пр. весьма любопытны»⁴⁹.

Действительно, примечания Глинки к поэме «Карелия» представляют большой научный интерес. Так, зимой 1827 г. он прекрасно описал картину северного сияния и морозного утра: «Одна часть густо-синего неба вдруг начинала белеть, и светозарные столпы или конусы, выказываясь один за другим, то сходились, то удалялись один от другого, пылали и сокращались. В течение ночи мороз очистил воздух. Утро было великолепно. До солнца и еще до рассвета восточная часть неба сделалась огромною перламутровую палитрою... На сем-то золото-розовом поле взошло солнце и осветило беловидные, снежные поля, усеянные серебристой пылью и алмазными искрами инея. Оледенелые деревья казались паникадилами, а бесснежная гладь озер имела вид огромного, цельного топаза... Из труб в домах высоко и прямо подымался дым, которого сизина окрашивалась вкось ударявшими лучами солнца. Люди ходили скорее обыкновенного, меховые одежды опушались белым инеем, и лица цвели. Таково морозное утро на Севере!»⁵⁰

Глинка собирал материалы для задуманного им «Статистического описания Олонецкой губернии». Об

⁴⁸ Поэзия и письма декабристов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. С. 35—36.

⁴⁹ Пушкин и его современники. Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 8. С. 92.

⁵⁰ Глинка Ф. Н. Избранное. С. 310.

этом свидетельствуют его заметки о разведении капусты и картофеля в Петрозаводске, о местном садоводстве и огородничестве. Глинка отмечал, что местные жители необыкновенно одарены здравым светлым умом, «издавна охотливы к грамотности». Большое место в примечаниях отведено описанию местного скотоводства, ломок мрамора, добычи железной руды со дна озер. «Ложь, или дно озер,— отмечал декабрист,— состоит почти всегда из железной руды, которую добывают оттуда особыми черпалами. Иные озера дают очень много руды, например Тумасозерский озерной рудник, находящийся в Повенецком уезде, открытый с 1800 года (крестьянином Нефедом Курмеевым), в течение 23 лет дал миллион семьсот сорок четыре тысячи пятьдесят три пуда руды»⁵¹.

Глинка выдвинул собственную гипотезу образования Онежского озера. По его мнению, оно возникло в результате великого гидростатического процесса. В частности, необычайное падение вод с огромных высот образовало чашу озера, на что указывают большие глубины у северо-западных берегов Онежского озера.

Весьма любопытны замечания Глинка о некогда значительном древнем городе Олонце, превратившемся после пожара в большую бедную разбросанную деревню. Подробно остановился он на Заонежской пятине. Это о ней говорится в «Прологе» «Карелии»:

Пуста в Кареле сторона,
Безмолвны Севера поляны,
В тиши ночной, как великаны,
Восстав озер своих со дна,
В выси рисуются обломки —
Чуть уцелевшие потомки
Былых первоначальных гор⁵².

Глинка несколько раз обращался к петербургским властям с просьбой перевести его в более обжитые места. Лишь благодаря поддержке Пушкина, Жуковского и Гнедича 4 марта 1830 г. ему удалось добиться перевода в Тверскую губернию. А спустя несколько месяцев Пушкин вместе с князем Вяземским по пути из Москвы в Петербург сделал остановку в Твери, чтобы встретиться со своим старым товарищем, находившимся под бдительным надзором тайной полиции.

⁵¹ Глинка Ф. Н. Избранное. С. 313.

⁵² Там же. С. 259.

«Драгоценное посещение Ваше,— писал Глинка Пушкину,— для меня сугубо памятно. Вы утешили меня как почитателя Вашего, давно желающего Вас видеть и обнять, и в то же время Вы приняли во мне участие, как человек, в котором совсем не отразился настоящий век. С добродушием, приличным старому доброму времени, Вы сами взялись похлопотать (разумеется, по возможности) об улучшении моего положения. Вот Вам тетрадка. Имейте великодушие ее прочесть, и Вы увидите, каково было мое служение в Олонецкой губернии и как я рекомендован»⁵³.

В Твери Глинка продолжал свои научные занятия, на этот раз при поддержке известного русского статистика П. И. Кеппена, состоявшего членом Ученой республики. «В пустынях Олонецких, в Твери, в Орле и в Москве думал я часто про Вас,— писал он Кеппену.— А сколько раз должен я был вспомнить Вас, роясь в земле в Тверской Карелии.— Да, у меня есть замечательные камни»⁵⁴.

Кеппен, автор «Собрания русских памятников, служащих к составлению истории художеств и отечественной палеографии», исследовал рисунок надгробного камня из кургана, обнаруженного Глинкой, и нашел, что на нем изображены фигуры, похожие на те, что он видел на надгробном памятнике в Изборске. Особое значение Кеппен придавал находке небольшого камня со следами полустершихся надписей на неизвестном языке. «Нельзя не благодарить за сообщение представленных здесь изображений,— писал Кеппен.— Если теперь эти надписи для нас непонятны, то, кто знает, не сделаются ли они впоследствии времени вразумительны; не будут ли свидетелями какого-либо быта, для нас нового: одно сохранение их для будущих исследователей есть дело, достойное уважения. Можно ли, например, не благодарить г-на академика Френа за подаренное нам недавно известие о письменах древних россос, которое он нашел у одного из восточных писателей X века?»⁵⁵

⁵³ Бумаги А. С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1931. Вып. 1. С. 32.

⁵⁴ О древностях в Тверской Карелии: Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1836. Кн. 5. Отд. отд. С. 3.

⁵⁵ Там же. С. 6.

Кроме того, Глинка нашел в Тверской губернии камень, который имел вид «кораблика или какого-то судна» и был испещрен «метами на нем высеченными и представляющими разные фигуры, может быть, буквы». Изучив рисунок Глинки, Кеппен удивился сходству «этих камней» с теми, которые видел в XVIII в. на Енисее, вблизи Абаканского острога, ученый Страленберг. «Такое сходство,— подчеркивал Кеппен,— едва ли может почтяться случайным,— и находка Ф. Н. Глинки от этого получает новую цену»⁵⁶.

В 1835 г. Глинка оставил государственную службу. Спустя четыре года он издал «Очерки Бородинского сражения». «Федор Николаевич,— писал один из его современников,— интересовался научными и общественными вопросами, постоянно следил... за новыми открытиями в области исторических наук... Когда вышло сочинение графа Толстого „Война и мир“, Федор Николаевич Глинка, как очевидец и участник сражений описываемых войн 1805—1812 гг., мастерски иллюстрировал своими живыми рассказами многие места этого художественного произведения»⁵⁷.

Глинка сохранил в своей памяти летопись событий почти за целый век. Он был избран почетным членом Тверского статистического комитета, финансировал исследования флоры Верхней Волги, статистический съезд в Петербурге.

Последние годы жизни Глинка провел в Твери. Здесь его часто навещали ученые и литераторы. 11 февраля 1880 г. президент Ученой республики, автор патриотических «Писем русского офицера» скончался. Его похоронили в Желтиковом монастыре близ Твери. Как офицеру, имевшему золотое оружие за храбрость, Глинке были возданы воинские почести.

Владимир Иванович Штейнгель (1783—1862)

Владимир Иванович Штейнгель принадлежал к старшему поколению декабристов, у которых ко времени вступления в тайное общество за плечами был

⁵⁶ О древностях в Тверской Карелии: Извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену//Журн. Мин-ва внутр. дел. 1836. Кн. 5. Отд. отт. С. 10.

⁵⁷ Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890. С. 12.

большой жизненный опыт. Он, как и С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, Г. С. Батеньков, Ф. Н. Глинка и многие другие декабристы, участвовал в изгнании наполеоновских войск из России и мог с гордостью сказать: «Мы дети 1812 года».

Близко знавшие Штейнгеля ценили его как «человека истинно просвещенного, честного, благородного, друга человечества, поборника правды, и в несчастную пору своей жизни (каторга и ссылка) не угасившего прекрасных свойств своей души»¹. М. А. Бестужев писал в своих воспоминаниях: «Поведение его перед тайным судом было не только безукоризненно, но и высоко оригинально по резкости ответов. Он и Торсон, может, более всех подсудимых высказали самодержавному владыке самые горькие истины. На вопросный пункт „Что побудило Вас вступить в тайное общество?“ он поместил между множеством причин такой отвратительно верный портрет нравственности того человека, который принимал скипетр для управления 60 миллионами, что члены суда упрашивали его переписать ответы, давая ему знать, что их будет читать сам государь.

„Тем лучше,— отвечал он,— пусть он посмотрится в это зеркало. А я,— прибавил, повторяя слова Пилата,— еже написах, написах“»². За свою правдивость и негибаемость он, по словам М. А. Бестужева, заплатил «лишними двумя-тремя годами каторжной работы».

Сказанное подтверждают и материалы следственного комитета: «С какого времени и откуда Вы заимствовали свободный образ мыслей, т. е. от сообщества или внушений других (лиц), или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?»

По словам Штейнгеля, чтобы ответить на этот вопрос совершенно удовлетворительным образом, ему пришлось бы написать обширную диссертацию на тему «„О влиянии на образ мыслей того времени, которое протекало от последних дней Екатерины Великой до кончины Александра Первого“, но это значило бы представить комитету такие вещи, которые мудрым мужам, оный составляющим, должны быть гораздо известнее, чем мне...»³

¹ Моск. ведомости. 1862. № 218. С. 1745.

² Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 335.

³ Восстание декабристов, М.: Наука, 1984, Т. 14. С. 172.

Первым, кто оказал влияние на свободный образ мыслей Штейнгеля, был камчатский генерал П. И. Кошелев, с которым он еще в детстве был дружен. Вторым был назван действительный камергер Н. П. Резанов, возглавлявший русское посольство в Японии.

Затем декабрист упомянул «весьма почтенного генерала» Бегичева, под начальством которого он служил в петербургском ополчении в Отечественную войну 1812 г. и который с большим доверием и лаской относился к нему, «как то и письма свидетельствовать могут»⁴.

Таким образом, Штейнгель не без сарказма дает понять членам следственного комитета, что зерна свободомыслия заронили в его душу герои, патриоты, наконец, высшие сановники, готовые жертвовать своей жизнью во благо своего Отечества.

На вопрос о том, чтение каких книг оказало влияние на развитие свободолюбивых идей, Штейнгель с гордостью отвечал: «Двадцать семь лет я упражнялся и упражняюсь в беспрестанном чтении: я читал Княжнина „Вадима“, даже печатный экземпляр Радищева „Поездка в Москву“, сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция, Попе, Парни, Грекура, Пиго-Лебронна и прочих». Далее декабрист отмечал, что он изучил множество произведений «потаенной» литературы, в том числе сочинения Пушкина и Грибоедова, но, чтобы не поставить под удар великих поэтов России, он подчеркивал, что эти «мелочи игривого ума» не оказали на него никакого влияния и даже впечатления, кроме «минутной забавы».

«Я,— продолжал декабрист,— увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человечества причиною. По совести сказать должен, что ничто не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением. Одни сто лет от Петра Великого до Александра I сколько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободомыслием! Заключаю ответ мой удостоверением комитета, что никто особенно не способствовал укоренению сих мыслей, но единственно чтение, размышление, опыт и логическое соображение

⁴ Восстание декабристов. М.: Наука, 1984. Т. 14. С. 176—177.

вещей. К несчастью, по свойству сердца моего и души я не лицемер»⁵.

И, уже подписав свои показания, Штейнгель затем сделал добавление, что он упражнялся немало и в чтении естественноисторической литературы, изучал памятники литературы Древней Руси, и в особенности древние произведения Новгорода Великого.

Интерес к естественным наукам привил ему отец, Иоганн Штейнгель. Он получил образование в Лейпцигском университете. «Сверх познаний в правах, истории и словесности он знал отлично металлургию, химию и физику. Металлургия и химия имели впоследствии великое влияние на обстоятельства жизни его»⁶.

Иоганну Штейнгелю было немногим более 20 лет, когда он покинул Пруссию. В 1771 г. был принят на службу в Астраханский карабинерный полк, в котором с отличием и храбростью сражался в 1772—1774 гг. против турок. Затем он служил в Пермской губернии. В 1781 г., находясь в Екатеринбурге, он встретил купеческую дочь В. М. Разумову и вскоре тайно с ней обвенчался. 13 апреля 1783 г. у них родился сын Владимир.

Еще грудным младенцем он совершил свое первое путешествие по Сибири, из Обвы, где его отец служил капитан-исправником, до Иркутска, а в начале мая следующего года его увезли дальше на восток, поскольку отец был назначен капитан-исправником Нижнекамчатского округа. Декабрист вспоминал впоследствии: «По Охотской дороге, по коей надобно было проехать 1014 верст, меня везла матушка около себя в берестяном коробе, обыкновенно там тунтаем именуемом, который в таком случае привязывался с боку к седлу, и на нем делается сверху лучка для прикрытия покрывалом от оводов и мошек, коих там бездна. В сем-то экипаже отец ваш, милые мои дети, по первому году от рождения путешествовал по одной из самых труднейших дорог, какие есть в свете»⁷.

Почти три месяца продолжался переезд до Охотска по летнику, проходившему через топи, горы, леса.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Записки В. И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество/Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 149.

⁷ Там же. С. 155.

Затем на утлом суденышке все семейство переправилось сначала в Большерецк, затем в Петропавловск, основанный Второй камчатской экспедицией Витуса Беринга.

Владимир Штейнгель ребенком запомнил приход в Петропавловскую гавань кораблей знаменитого французского путешественника Жана Лаперуза, который через год вместе со всеми своими спутниками погиб у Соломоновых островов, и встречу с участниками Северо-Восточной экспедиции И. И. Биллингса, в частности с вице-адмиралом Г. А. Сарычевым. Но, пожалуй, самое яркое впечатление на мальчика произвело многолетнее и тесное общение с первопроходцами — простыми русскими людьми. Впоследствии он опубликовал «Заметки старика», в основном посвященные начальному периоду деятельности русских промышленников на севере Тихого океана, которые на утлых шитиках ходили на Командоры, Алеутские и даже Сандвичевы острова.

Эти плавания Штейнгель расценивал как целую эпоху в познании и освоении островов северной части Тихого океана и северо-западных берегов Америки, на которые русские ступили первыми и первые их картировали. «За всем тем,— писал Штейнгель,— смелые предприимчивые промышленники на таких судах и с такими кормчими, говоря словами Ломоносова, более дерзостью, нежели счастьем, предводимые, вступали в обладание океана и ярых ветров. Оставляя за собою туманное море Охотское, они пробирались по грядам островов Курильских и Алеутских и производили промыслы»⁸.

Зимой 1790 г. семья Штейнгелей переехала в Тагильскую крепость. «Тут в ожидании лета отдали меня учиться читать часослов и псалтырь к безграмотному дьячку, который казался мне тогда великим мудрецом,— вспоминал Штейнгель.— И между тем я резвился с простыми казачьими и камчадалскими ребятишками, перенимая их наречия и навыки»⁹.

Летом 1790 г. на судне Г. И. Шелихова, одного из будущих основателей Российско-Американской компании, семья Штейнгелей отправилась с берегов Камчатки в Охотск. Плавание продолжалось очень долго.

⁸ Сев. пчела. 1861. № 71. С. 281.

⁹ Записки В. И. Штейнгеля. С. 160.

Вышли запасы продуктов. Почти не осталось воды. Путешественники терпели голод и жажду. Не доходя 20 миль до Охотска, судно попало в полосу мертвого штиля. Тогда Иоганн Штейнгель со всей семьей высадился на дикий берег и отправился пешком в Охотск, но вскоре речка Мариканка преградила путь. Долго искали брод и, не найдя его, смертельно усталые заночевали на ее берегу. Утром, на рассвете, они были разбужены громкими голосами. «Радость была неописанная», когда путешественники узнали, что Шелихов прислал байдару с запасом булок, сахара и чая. Путешественники в тот же день добрались до конечной цели своего похода.

В Охотске наняли лошадей, изготовили вьюки для дальней дороги и в солнечный погожий день отправились в Якутск в сопровождении двух якутов и одного казака. Путешествовали без особых приключений. Только однажды лошадь, на которой ехал Володя, увязла передними ногами в тине и сбросила с себя незадачливого седока. «Она,— вспоминал Штейнгель,— задела мне копытом рот, не тронув, впрочем, зубов. Однако от удара рот мой сильно опух и покривился на левую сторону, и я с неделю был криворотым. Ни от чего я так не плакал потом, как от воображения, что навсегда таким останусь. Можно представить, в каком положении было сердце матери и отца, пока они видели меня в грязи подле ног бьющейся лошади. Проворству казака и якутов единственно я обязан спасением»¹⁰.

По дороге из Якутска на запад Владимир Штейнгель переболел оспой. В Иркутске начал учиться. За неимением средств на домашнее образование будущий декабрист почти целый год занимался в губернской школе. Следует заметить, что семья Штейнгелей постоянно бедствовала, невзгоды и неудачи все время преследовали отца.

В конце концов родители решили определить сына в закрытое учебное заведение. Мальчик тяжело переживал разлуку и только позже смог оценить, что сделали для него мать и отец, отправив учиться в Петербург. Сначала хотели было устроить Володю в «артиллерийский корпус, но в том не успели», затем остановились на Морском кадетском корпусе в Кроп-

¹⁰ Там же. С. 163.

штадте, хотя ребенок не испытывал большого желания стать морским офицером. Дело в том, что, когда проезжали через Москву, кто-то рассказал о приволье кадет сухопутного корпуса и «воспламенил юную мою голову в пользу сего корпуса». Штейнгель признавался: «Мне страшно хотелось быть армейским».

Итак, 14 августа 1792 г. Штейнгель стал воспитанником Морского кадетского корпуса. «Содержание кадет,— вспоминал декабрист,— было самое бедное. Многие были оборваны и босы. Учителя все кой-какие бедняки и частью пьяницы... В ученье не было никакой методы... О словесности и других изящных науках вообще не помышляли. Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет»¹¹.

Правда, Штейнгелю с учителями и наставниками повезло. Они обратили внимание на выдающиеся способности кадета в точных науках и всячески поощряли его увлечение навигацией, астрономией, математикой. 9 мая 1795 г. ему было присвоено звание гардемарина. Еще более повезло с товарищами. «На учебную скамейку сел рядом с Беллинсгаузенom»,— писал впоследствии Штейнгель¹².

В 1796 г. Морской кадетский корпус перевели из Кронштадта в Петербург. Впоследствии в показаниях следственному комитету Штейнгель писал, что исповедуемые «им либеральные идеи не имели корней ни в казенном образовании, ни в 11-летней службе во флоте в такое еще время, когда соблюдалась самая строжайшая субординация даже в частном обращении»¹³.

О последних двух годах учения в Морском корпусе у Штейнгеля, который сидел рядом с будущим первооткрывателем Антарктиды Ф. Ф. Беллинсгаузенom, остались самые светлые воспоминания. С особым усердием он занимался высшей математикой и изучал теорию кораблевождения. «Преподавателем,— вспоминал декабрист,— был незабвенный кротостию и доброю Платон Яковлевич Гамалея, у которого самый строгий выговор заключался в словах: „Экой ты, братец, печатной“. Я у него был первым по классу и после

¹¹ Записки В. И. Штейнгеля. С. 174.

¹² Восстание декабристов. Т. 14. С. 156.

¹³ Записки В. И. Штейнгеля. С. 181.

старших унтер-офицеров первым вышел и по выпуску»¹⁴.

Гамалея воспитал целую плеяду моряков, которые связали свою судьбу с движением декабристов. По словам Штейнгеля, выдающийся ученый Гамалея неусыпными трудами своими в образовании воспитанников Морского кадетского корпуса и своими сочинениями оказал русскому флоту незабвенные услуги. «Рвение его в сих благонамеренных подвигах было столь велико, что он, преждевременно потеряв свое здоровье, принужден был удалиться в уединение, но он и в оном не мог уже возратить потерянных сил своих. Вскоре смерть похитила его ко всеобщему сожалению всех тех, коим известны были его добродетели, его ум и его глубокие по части высшей математики познания... Русский флот в позднейшие времена с благодарностью и удивлением будет произносить его имя. Сколько же почитать должны память его те, которые, подобно мне, имели счастье пользоваться изустными его наставлениями»¹⁵.

Окончив в 1799 г. Морской корпус, Штейнгель плавал мичманом на судах Балтийского флота, посетил Голландию и Англию. Все свободное время он отдавал самообразованию, а спустя много лет на вопрос членов следственного комитета отвечал так: «Первоначальный предмет мой был — науки, до мореплавания относящиеся, ни о каких других предметах, даже о русской словесности, я не имел понятия, но с самой юности чувствовал жадность к приобретению познаний и потому читал все, что только ни попадалось»¹⁶.

В 1803 г. Россия отправила первую экспедицию вокруг света на кораблях «Надежда» и «Нева», которыми командовали опытейшие моряки Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский. На «Надежде», которая уже побывала на Камчатке и в Нагасаки, где велись переговоры об установлении дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией, находился близкий товарищ Штейнгеля по кадетскому корпусу Ф. Ф. Беллинсгаузен.

«В 1805 году,— вспоминал Штейнгель,— мне был вверен новый транспорт „Охотск“ и предписано доста-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Штейнгель В. И. Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стилия. СПб., 1819. С. 8—9.

¹⁶ Восстание декабристов. Т. 14. С. 176.

вить в Петропавловскую гавань провизию для корвета „Надежда“, долженствующего возвратиться из Японии. Вместе с тем посылались и депеши к капитану Крузенштерну со вручением ему первого ордена Св. Анны 2-й степени. В этот раз я был самым радостным вестником, как об этом упомянуто и в путешествии Крузенштерна...»¹⁷

В «Записках старика» декабрист снова возвращается к встрече с участниками Первой русской кругосветной экспедиции: «Меня приняли с отверстыми объятиями как самого приятного вестника. Сверх того, я нашел тут, как говорится, однокашника по учению и гардемаринству Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, впоследствии знаменитого мореплавателя к Южному полярному кругу и адмирала»¹⁸. А в письме своему другу М. А. Бестужеву Штейнгель писал 29 января 1859 г.: «Да, вообрази, в бумагах у детей нашлось письмо ко мне от Крузенштерна в 1811 году, в котором хвалит мои мысли о Камчатке и благодарит за них, уведомляя, что участь местных жителей будет облегчена. Я это принял как аттестат с того света»¹⁹.

На возвратном пути из Петропавловска в Охотск судно Штейнгеля попало в жестокий шторм, который длился долгих 17 суток. «Охотск» благополучно миновал первый Курильский пролив. Охотское море встретило моряков неистовым северо-западным ветром со снегом. Штейнгель решил искать убежище в реке Воровской, в которую казенные суда никогда не заходили. Штейнгель, благополучно пройдя через бар реки, остался на зимовку вблизи небольшого острожка, состоявшего из 12 изб. С наступлением зимы Штейнгель отправил доверенные ему депеши Крузенштерна в Охотск. В навигацию следующего года Штейнгель возвратился в Охотск.

На несколько лет он задержался в Иркутске, где представил гражданскому губернатору Н. И. Трескину обстоятельную записку о Камчатке. «Доставленные мною сведения, — вспоминал Штейнгель, — понравились и доставили мне свободный доступ в кабинет его превосходительства. В губернии, и еще Сибирской, это имеет свое значение... Несмотря на мое мичманское

¹⁷ Записки В. И. Штейнгеля. С. 183.

¹⁸ Сев. пчела. 1861. № 71. С. 282.

¹⁹ Штейнгель В. И. Записки, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 432,

ничтожество, мне удалось, однако же, привести Иркутское адмиралтейство и команду в совершенно новый вид... Это обратило на меня общее внимание»²⁰.

Затем Штейнгель обследовал все Забайкалье, не подозревая, что через два десятилетия оно станет местом его заточения. Он побывал в Приморском крае, результатом знакомства с которым явился один из важных географических проектов. «Мысль об Амуре,— писал Штейнгель М. А. Бестужеву 10 мая 1849 г.,— занимала меня с 1809 года, когда я в первый раз увидел Ингоду и Шилку. В 14-м году я говорил с Николаем Семеновичем Мордвиновым, и он не противоречил мнению моему о возможности предварительной экспедиции на Амур... для описи его, и особенно устья»²¹.

Он побывал на Амуре. В Кяхте в доме директора местной таможни действительного статского советника Вонифатьева Штейнгель встретился со своей будущей женой. Предложение Владимира Ивановича было принято, однако тесть поставил одно условие: зять должен оставить морскую службу. Штейнгель отправился в Петербург и в 1810 г. получил в чине капитан-лейтенанта отставку «за болезнью». Сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель (отец декабриста П. И. Пестеля) определил Штейнгеля своим чиновником по особым поручениям и отправил в Сибирь за невестой.

«В конце 1811 года,— вспоминал Штейнгель,— великолепная комета, наводившая тревожное ожидание на все умы, светила на северо-западе. Безотчетные страхи оправдались войной ужасною»²². Как только весть о вторжении наполеоновских войск в Россию дошла до Петербурга, Штейнгель оставил службу в Министерстве внутренних дел и «явился в ряды защитников Отечества». В чине штаб-офицера он в составе 4-й дружины петербургского ополчения участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе, о чем впоследствии рассказал в книге «Записки о С.-Петербургском ополчении». За боевые подвиги под Полоцком и Чашниками на реке Березине награжден орденом Св. Анны 2-й степени и двумя орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом.

²⁰ Записки В. И. Штейнгеля. С. 188.

²¹ Штейнгель В. И. Записки, письма. С. 273.

²² Записки В. И. Штейнгеля, С. 189.

Штейнгель участвовал и в так называемой битве народов. 22 октября 1813 г. он писал Ф. В. Мошкову: «Спешу Вас поздравить с победою у Лейпцига, которою, кажется, несомненно судьба Европы решена и свобода ее достоверна. Слава... непобедимым россиянам»²³.

По возвращении из заграничного похода в Россию Штейнгеля назначили адъютантом и правителем военных и гражданских дел канцелярии московского главнокомандующего и генерал-губернатора А. П. Тормасова. Много сил и времени будущий декабрист отдавал составлению плана застройки сожженной Москвы и правил вспоможения разоренным жителям. Эти документы без значительных изменений были утверждены русским правительством, и Штейнгель сразу же взялся за их исполнение. К восстановлению Москвы он привлек выдающихся архитекторов Ф. К. Соколова, О. И. Бове, А. А. Бетанкура. «Москва,— писал Штейнгель,— быстро возникала из пепла и украшалась лучше прежнего. Кремль возобновился во всем величии... Иван Великий снова закрасовался своей главою, к колоколу его прибавили 500 пудов. Никольская башня, на которой так чудесно сохранился образ святителя и чудотворца Николая, возобновлена с некоторою переделкою»²⁴.

«Деятельность Штейнгеля в Москве продолжалась только четыре года,— писала газета „Московские ведомости“ 25 сентября 1862 г.— Она была помехой ворам, грабителям и казнокрадам»²⁵. У него появились недоброжелатели. Среди последних был обер-полицмейстер Москвы. Видя, что главнокомандующий Москвой им недоволен, Штейнгель подал в отставку. Его очернили перед высшими чиновниками. По указанию Александра I его не принимали на государственную службу.

«Я не остался без дела,— вспоминал Штейнгель,— ваялся сочинением „Опыта о времясчислении“, написал „Рассуждения о наказаниях“». Последняя записка свидетельствовала о глубоком возмущении будущего декабриста существовавшими в России телесными наказаниями. Она была направлена Штейнгелем председателю Тайного комитета А. А. Аракчееву, который

²³ Штейнгель В. И. Записки, письма. С. 183.

²⁴ Записки В. И. Штейнгеля. С. 195.

²⁵ Моск. ведомости, 1862. 25 сент., № 209.

сделал на ней пометку «читал», но не принял никаких доводов автора записки. Телесные наказания были сохранены, и благодушное намерение царского правительства «не только обратилось в ничто, но даже не помешало совершенно противоположному проявлению впоследствии»²⁶.

В 1819 г. в Петербурге был издан «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля». По мнению советских ученых, этот капитальный труд Штейнгеля не утратил своего значения в наши дни и «во многом отвечает современным требованиям»²⁷.

Исследование включает три книги: 1. О времясчислении по солнцу; 2. О лунном времясчислении; 3. О счислениях пасхальных вообще. Книга состоит из 29 глав и небольшого предисловия, в котором автор рассматривает состояние разработки исследуемой проблемы как в Европе, так и в России. Примечательно, что Штейнгель начинает свой рассказ с оценки успехов просвещения в России. Это была излюбленная тема многих будущих декабристов, она нашла отражение в целом ряде их сочинений и в программных документах, включая устав Ученой республики.

«Успехи просвещения в любезном Отечестве нашем,— отмечал В. И. Штейнгель в начале своей книги,— своею быстротою изумляют иностранцев современников. Любовь к наукам весьма приметно распространяется; охота к чтению усиливается; влечение к приобретению познаний делается всеобщеею страстью»²⁸.

Штейнгель подчеркивал, что развитие торговых и политических связей требует перехода от старого к новому стилю, принятому в странах Европы и Америки. Исследователь поведал, как были введены юлианский и григорианский календари и как возникла разница в исчислении времени по старому и новому стилю, что, по его мнению, представляло интерес для публики, «любящей науки и просвещение».

Автор подчеркивал важное значение для разработки отдельных вопросов рассматриваемой проблемы

²⁶ Записки В. И. Штейнгеля. С. 196.

²⁷ Майстров Л. Е. Новаторский труд В. И. Штейнгеля по времясчислению и астрономии // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. С. 348.

²⁸ Штейнгель В. И. Опыт... С. 1.

«классического единственного на нашем языке в сем роде творения покойного Платона Яковлевича Гамалея» по мореходной астрономии, навигации кораблевождения. Гамалея первым обратил внимание на необходимость полного хронологического месячесловного счисления старого и нового стиля.

Взявшись за решение этой сложной научной проблемы, Штейнгель старался сделать свое повествование доступным не только специалистам, но и широкому кругу читателей. «Чувствуя сам сухость избранного мною предмета,— писал Штейнгель,— я старался, сколько возможно, объяснения о разных установлениях и правилах времясчисления и Пасхами сделать завлекательными и, даже смею сказать, нескучными. Не упустив ни малейшего обстоятельства без ясного и точного истолкования, я не оставил ничего на догадку читателей, зная по опыту, что в подобных сочинениях неясность и краткость весьма затрудняют внимание читателей и бывают побуждением к невольному закрытию книги»²⁹.

Рассматривая историю календаря, Штейнгель отмечал, что времясчисление всегда было, как и ныне, двояким — «лунным и солнечным», причем у различных народов оно имеет свои особенности. Историю времясчисления Штейнгель разделил на три периода: первый — от «непроницаемого мрака» первобытности до юлианского летосчисления; второй — от юлианского календаря до введения григорианского стиля; третий — от реформ папы Григория XIII до нашего времени.

Рассмотрев историю времясчисления, Штейнгель заключил, что «природа была кормилицею и вместе с тем первою во всем наставницею». Древний период безмятежности и тишины он именовал золотым веком. Первобытный человек относился к солнцу и луне как к божествам. Времясчисление, по мнению Штейнгеля, как раз и возникло из наблюдений человека над светилами, отсюда родились представления о сутках, неделях, месяцах, временах года, летнем и зимнем солнцестоянии. «„Луна народилась“,— писал декабрист,— есть выражение столь же древнее, как и сам род человеческий»³⁰.

²⁹ Штейнгель В. И. Опыт... С. XI—XII.

³⁰ Там же, С. 11.

По словам Штейнгеля, первые наблюдения над солнцем привели древних к выводу, что год состоит из 365 дней. Утверждения некоторых западных естествоиспытателей, что это произошло во время построения Афин, он находит сомнительными, считая, что ученые Египта и Китая к подобному выводу пришли значительно раньше. «Весьма долго,— продолжал декабрист,— умы человеческие пребывали в совершенном младенчестве. В известные уже истории времена полагали еще землю плоскою и беспредельною»³¹.

Штейнгель подробно останавливался на «небесных знаменьях», которые могли предвещать великие беды. Наглядным тому подтверждением могло служить появление в 1811 г. кометы Галлея — предвестницы нашествия наполеоновских войск на Русскую землю.

В изложении Штейнгелем представлений древних, по мнению советских ученых, много наивного, идеалистического, вместе с тем начиная со времен Древней Греции исторический обзор «приобретает научную достоверность»³².

Весьма интересно замечание Штейнгеля о том, что накопление наблюдений за небесными светилами позволило древним финикиянам пуститься в море. Декабрист отмечал, что успехи в астрономии влияли на развитие мореплавания, а успехи в морских походах содействовали дальнейшему развитию знаний о небесных светилах и установлению законов движения звезд.

С введением Юлием Цезарем нового календаря каждые «три года к четвертому стали прибавлять лишние сутки, считая в таком случае год в 366 дней». Любопытно, что, даже рассматривая времясчисление, Штейнгель его историю непременно связывал с общим развитием науки и просвещения. При этом он подчеркивал, что тиранство властителей Рима тормозило прогресс, в то время как демократия способствовала развитию наук и литературы. В частности, именно в так называемый золотой век Рима Птолемей, занимаясь созерцанием небес, «изъяснил первый систему мира».

А в конце XV столетия явился великий Коперник, который, углубившись в познание движения небесных

³¹ Там же.

³² Майстров Л. Е. Новаторский труд... С. 343.

светил, опроверг совершенно систему Птолемея и в творении своем об обращении тел небесных объяснил истинную систему мира и тем самым возбудил ненависть богословов западной церкви.

Далее Штейнгель подробно остановился на том, как был исправлен юлианский календарь и установлен новый, получивший название «григорианский». Приверженцем системы Коперника стал знаменитый Галилей, который, как писал Штейнгель, «как бы нарочно к посрамлению перед потомством гонителей открытием Юпитеровых спутников сделал для мореплавания и географии навеки незабвенную услугу. Он, изобретя телескоп, столько прилепился посредством сего орудия к созерцанию небес, что наконец лишился совершенно зрения. Относительно сего великого мужа можно сказать, что и астрономия может похвалиться своим страдальцем»³³.

Переходя к истокам древней отечественной астрономии, Штейнгель рассмотрел основные языческие праздники славян (Купала, Ярило и др.). Исследователь отмечал, что это дает основание предполагать, что торжества весны, лета, осени, зимы были установлены с учетом астрономических знаний древних славян и «что предки наши на видимое годовое движение солнца обращали также особенное внимание»³⁴.

В отличие от Западной Европы на Руси было принято летосчисление от сотворения мира, начало каждого года церковь отмечала 1 сентября, а население — 1 марта. Надо сказать, что существование двух дат начала года осложнило перевод греческого стиля на юлианский календарь. Только Петр I ввел празднование Нового года с 1 января 1700 г., «считая летосчисление от рождества Христова, а не от сотворения мира», правда, по юлианскому календарю.

Штейнгель подчеркивал, что в первой четверти XIX в., когда Россия победой над наполеоновскими армиями вознеслась на вершину славы и величия и делала исполинские шаги в области просвещения, настало время принять новый стиль (григорианский календарь). Постановку этой задачи советские ученые считают особой заслугой декабриста. «„Опыт“ Штейнгеля,— отмечает Л. Е. Майстров,— построенный в пер-

³³ Штейнгель В. И. Опыт... С. 34.

³⁴ Там же. С. 37.

вую очередь на базе достижений астрономии, охватывает и материал истории, как общей, так и церковной. Последняя в истории календаря играла особую роль, поскольку была связана с определением дат религиозных праздников, культовой службой и т. п. ...Многие вопросы в книге Штейнгеля освещены с такой полнотой и ясностью, что их толкование и сейчас может войти в обиход историков и помочь в решении ряда проблем»³⁵.

Значительная часть книги посвящена времясчислению по солнцу. Автора занимали вопросы о гражданских сутках, об истинном суточном движении и уравнении суточного времени, о счислении времени неделями. Особенно подробно Штейнгель рассматривал способ определять день недели на каждое число данного месяца. Он приводил образец древнего римского календаря, сравнив его с календарем Юлия Цезаря и Августа, после того как они произвели перемены «во днях месяцев». «Во время Августа Кесаря,— отмечал Штейнгель,— ласкательствующий Рим счел уже обязанностью по примеру Юлия посвятить его имени один из месяцев. А как казалось неприличным, чтоб месяц Августов уступал в чем-либо месяцу Юлиеву, то сделали оный также в 31 день, отняв еще один день от февральских календ»³⁶.

С необычайной тщательностью Штейнгель рассмотрел вопрос о солнечном, гражданском и астрономическом годе. Большое место уделено в книге введению григорианского, или нового, стиля, а также вопросу, по словам исследователей основательно забытому в наше время, а именно об установлении «Индиктионов римских и христианских и об индиктах», которые, по словам Штейнгеля, составили «особый род летосчисления».

Вторая часть монографии посвящена лунному времясчислению. Штейнгель дает в книге представление о Луне, которая, по его словам, «есть ближний родственник Земли, связана с нею неразрывными узами притяжения, всегда с нею неразлучна, сопровождает ее в годовом пути, как привязанный челнок следует за бегущим по морю кораблем; судьба ее

³⁵ Майстров Л. Е. Новаторский труд... С. 341.

³⁶ Штейнгель В. И. Опыт... С. 37.

соединена с судьбою земли, и, если сия не колеблется в основании своем, Луна исчезнет»³⁷.

Штейнгель писал, что Луна шарообразна, имеет множество гор, состоит из вещества вулканического, плотного. Подобно Земле, поверхность ее темна, что доказывается солнечными затмениями, и не имеет собственного света, однако отражает последний от Солнца. Штейнгель рассматривал новолуние, полнолуние, Луну в последней четверти и считал, что лунный свет в 300 раз слабее солнечного. Вместе с тем, по мнению Штейнгеля, Луна одарена притягательной силой, имеет на атмосферу и океан «непосредственное и беспрестанное влияние». «О,— восклицал Штейнгель,— если б разогнули мы историю мореплавателей, то, может быть, с изумлением увидели бы, сколько благодетельное сие светило, блеснув вовремя своим светом, спасло людей от гибели»³⁸. Ссылаясь на мнение физиков, Штейнгель утверждал, что Луна не имеет своей атмосферы и, естественно, ничто живое не обитает на ней.

В книге уделено внимание соотношению лунных и гражданских лет, эпактам григорианского календаря, таблицы которых во множестве приводятся в исследовании декабриста. Там же помещена таблица эпакт для определения новолуний. Рассмотрен также вопрос об астрономическом способе находить всякое число месяца и года и, кроме того, день полнолуний и новолуний в каждом месяце.

Третья часть книги посвящена «счислениям пасхальным вообще». Для многих исторических исследований, по словам Л. Е. Майстрова, расчеты пасхи и пояснения к ним имеют большое значение: «С пасхой связаны подвижные христианские праздники, а определение их наступлений иногда играет важную роль для историков»³⁹. Принимая участие в создании тысячелетней летописи необычайных явлений природы (с 736 по 1914 г.), мы неоднократно обращались к труду Штейнгеля для определения точных хронологических дат «природных происшествий», случавшихся и в России, и Западной Европе, и на Ближнем Востоке.

³⁷ Штейнгель В. И. Опыт... С. 126.

³⁸ Там же. С. 155.

³⁹ Майстров Л. Е. Новаторский труд... С. 347.

Заслугой Штейнгеля является пересмотр некоторых исторических и церковных дат на основе сложных астрономических расчетов.

Все это свидетельствует о том, что несправедливо забытое капитальное исследование, каким является «Опыт» Штейнгеля, должно занять заслуженное место в истории русской науки ⁴⁰.

Однако научная работа не принесла ему славы и материального обеспечения. Попытки Штейнгеля поступить на государственную службу не увенчались успехом. Им был недоволен не только Аракчеев, но и сам царь. К счастью, нашлись добрые люди. Некоторое время он управлял частным винокуренным заводом в Тульской губернии. Потом был приглашен астраханским губернатором Поповым в качестве неофициального помощника и правителя дел. «В течение восьми месяцев,— вспоминал Штейнгель,— я занимался делами у губернатора, написал представления: об управлении калмыками, о рыболовной экспедиции, о тюленьей ловле» ⁴¹.

Убедившись, что казенное место в Астрахани получить не удастся, Штейнгель возвратился в Москву. Он намеревался посвятить себя воспитанию юношества и открыть пансион при Московском университете. В брошюре «Частное заведение для образования юношества» Штейнгель изложил программу пансиона, обучение в котором должно было продолжаться 6 лет. Но и этому не суждено было осуществиться. В это время от поставщика армии В. В. Варгина он получил предложение заняться его делами на очень выгодных условиях. Обремененный большим семейством, Штейнгель дал согласие. «Я,— писал он затем следственному комитету,— как и всякий человек, знал себе цену, чувствовал свои способности, чувствовал, что мог бы быть полезен для Отечества и для службы в особенности; но я видел себя униженным, заброшенным без всякой существенной вины...»

Узнав о торговле людьми, Штейнгель послал Александру I записку «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми». Он осуждал царя «от всей просвещенной Европы за постыдную перепродажу людей», которая не может «по всей спра-

⁴⁰ Там же. С. 348.

⁴¹ Восстание декабристов. Т. 14. С. 157.

ведливости почитаться законною»⁴². Далее он предлагал целый ряд мер по пресечению этого зла, и, главное, по словам декабриста, «имя человека в России избавится от конечного посрамления». Записка была оставлена без внимания.

«Я писал в 1823 году,— отмечал Штейнгель в тюремном дневнике 1 октября 1833 г. в Петровском заводе,— о возможности уничтожить в нашем Отечестве гнусную продажу людей, не негров — россиян. Я мог ошибаться в средствах, кои мне казались легкими, безобидными для владельцев, справедливыми во всех отношениях. Другие это бы исправили, развили бы идею до возможности исполнения... Я писал, говорю, к самому царю, сколько мог убедительно, за вопиющее человечество и за честь России, но моя бумага с надписанием монаршим: „читал“ — поступила в канцелярию графа Аракчеева, как в Лету. Кто знает о ней и будет ли когда-либо кто знать?»⁴³

Записка Штейнгеля, однако, сохранилась. Она была обнаружена в делах императорской канцелярии и в конце прошлого века увидела свет. Потом неоднократно приводилась в советских изданиях.

Летом 1823 г. Штейнгель приехал в Петербург. Здесь в книжной лавке Слёнина он впервые встретился с Кондратием Федоровичем Рылеевым. Оказалось, что Рылеев давно ищет возможности познакомиться с ним.

«После первых взаимных приветствий,— вспоминал Штейнгель,— я сказал ему, что мне было интересно узнать Вас, это не должно Вас удивлять, но, чем я мог Вас интересовать, отгадать не могу. „Очень просто, я пишу Войнаровского, сцена близ Якутска, а как Вы были там, то мне хотелось попросить Вас послушать то место поэмы и сказать, нет ли погрешностей против местности“.

Я отвечал с удовольствием, и тотчас же Рылеев пригласил к себе на вечер и совершенно обворожил меня собою, так что мы расстались друзьями»⁴⁴.

⁴² Штейнгель Владимир. О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми // Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. Ч. 2. С. 483.

⁴³ Штейнгель В. И. Отрывок из тюремного дневника // Сибирь. 1926. № 2. С. 11.

⁴⁴ Записки В. И. Штейнгеля. С. 205.

В 1824 г. Штейнгель снова приехал в Петербург и остановился у И. В. Прокофьева, директора Российско-Американской компании, правителем дел которой оказался Рылеев. Штейнгель и Рылеев в этот приезд еще более сблизились. Рылеев рассказал Штейнгелю о существовании тайного общества и предложил стать его членом. Рылеев передал со Штейнгелем письмо Ивану Ивановичу Пущину, который ввел Штейнгеля в курс дела, подчеркнув при этом, что одной из целей общества являются действия «против злоупотребления и невежества». Одновременно он познакомил Штейнгеля с проектом конституции, составленным Северным обществом (точнее, Н. М. Муравьевым).

Вступить в тайное общество Штейнгеля побудило знакомство с многими сторонами жизни России, что позволило ему «приглядеться ко всему, что мешает благосостоянию народному». Декабрист писал в своих показаниях: «Не быв от природы холодным эгоистом и не считая любовь к Отечеству простым идеалом, пригодным на случай надобности, я раздражался и скорбел сердцем от всего, что видел и слышал, а потому сознаюсь перед комитетом, перед царем, перед целым светом, как пред богом, что не мог не прилепиться мыслью к изящности такого правления, которое бы обеспечивало личную безопасность и достоинство равно последнего гражданина, как и сильного вельможи, а с тем вместе само в себе заключало бы гарантию незыблемости государственных постановлений»⁴⁵.

По просьбе Рылеева Штейнгель стал писать «Манифест к русскому народу». Главная его мысль заключалась в следующем: когда «великие князья не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать себе правление»⁴⁶.

Через шесть дней после разгрома восстания на Сенатской площади Штейнгель уехал из Петербурга в Москву, где 2 января 1826 г. был арестован и доставлен в Зимний дворец на допрос к царю. «Штейнгель, и ты тут? — сказал Николай I. — „Я только был знаком с Рылеевым“, — отвечал я. — „Как ты родня графу Штейнгелю?“ — „Племянник его, и ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах,

⁴⁵ Восстание декабристов. Т. 14. С. 156.

⁴⁶ Там же.

и мог ли участвовать, имея кучу детей!“ — „Дети ничего не значат, — прервал государь, — твои дети будут мои дети. Так ты знал о их замыслах?“ — „Знал, государь, от Рылеева“. — „Знал и не сказал — не стыдно ли?“ — „Государь, я не мог и мысли допустить дать кому-нибудь назвать меня подлецом!“ — „А теперь как тебя назовут?“ — спросил государь саркастически гневным тоном. Я нерешительно взглянул в глаза государя и потупил взор.

„Ну, прошу не прогневаться, ты видишь, и мое положение незавидно“, — сказал государь с ощутительной угрозой в голосе и повелел отвести в крепость.

Одно воспоминание об этой минуте через столько лет приводит в трепет. „Твои дети будут мои дети“ и это „прошу не прогневаться“ казались мне смертным приговором»⁴⁷.

Мысль о смерти, по словам Штейнгеля, возродила дерзновение. Он потребовал бумагу и написал два смелых письма о царствовании Александра I. Штейнгель писал, что его правление было «пагубно, а под конец тягостно для всех состояний, даже до последнего изнеможения»⁴⁸. Штейнгель указывал на непоследовательность действий правительства, первоначально объявившего о подготовке конституционных реформ, но уже вскоре отступившего от своего плана. Лишь нашествие Наполеона объединило всех перед единой целью — защитой Отечества.

Победа в Отечественной войне и наступление вожделенного мира, по словам декабриста, обещали эпоху внутреннего благоустройства, но «ожидание не сбылось. Роздано несколько миллионов Москве, Смоленску и частью некоторым уездным городам сих губерний, но сим пособием воспользовались не столько совершенно разорившиеся, сколько имущие, ибо оно раздавалось в виде ссуды под залог недвижимости. Если Москва потрясла так скоро пепл с главы своей и вознеслась в новом великолепии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности»⁴⁹.

Штейнгель тщательно проанализировал меры и тарифы, принятые после 1812 г., и убедился, что они

⁴⁷ Записки В. И. Штейнгеля. С. 211.

⁴⁸ Восстание декабристов. Т. 14. С. 182.

⁴⁹ Там же. С. 183.

противоречили государственным интересам России. Это повлекло «исчезновение знатных сумм серебра и золота», принесенных ранее внешней торговлей, и в конце концов парализовало отечественную коммерцию. Он называл ужасными действия правительства, которое размножило питейные дома и всячески поощряло народ пропивать «потовым трудом наживаемые деньги». Взыскание недоимок привело казенных крестьян в страшное разорение, ибо у них отбирали домашний скот, лошадей и жилища. В то время как жители Белорусской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской губерний в течение ряда лет не могли собрать даже семян то из-за засух, а то по причине проливных дождей, в малонаселенных Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерниях хлеб был необыкновенно дешев. «О, государь! — продолжал декабрист. — Извольте послать доверенную особу инкогнито, в виде частного человека, и Вы откроете, может быть, гораздо горестное состояние народа, нежели каковым я его представляю»⁵⁰.

В письме Штейнгеля из крепости содержится оценка не только политической и экономической жизни страны, но и состояния военно-морского флота: «Во все министерство маркиза де Траверсе... корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании. И теперь более четырех или пяти кораблей нельзя выслать в море, ибо мачты для сего переставляют с одного корабля на другой. Прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения. И так переводится последний лес, тратятся деньги, а флота нет. Но в царствование блаженной памяти родителя Вашего, в 1797 году, выходило 27 кораблей, всем снабженных, а в 1801 году против англичан готовилось 45 вымпелов! Можно сказать, что прекраснейшее и любезнейшее творение Великого Петра маркиз де Траверсе уничтожил совершенно»⁵¹.

Штейнгель писал, что настанет день, когда солдаты обратят свои штыки против русского правительства. Он называл 25-летний срок их службы бесчеловечным. Правители России не прислушиваются к народному мнению, не входят в его нужды и лишь требуют повиновения. В итоге правительство потеряло уважение

⁵⁰ Там же. С. 184.

⁵¹ Там же. С. 185.

народа и «возбудило единодушное, общее желание перемени в порядке вещей»⁵². И далее: «Преследовать теперь за свободомыслие — не то ли же будет значить, что бить слепого, у которого трудною операциею сняты катаракты и которому показан свет...»⁵³

Штейнгель подчеркивал, что истребить корни свободомыслия можно, лишь истребив целое поколение людей, которые родились и получили образование в первой четверти XIX в., сколь бы многих граждан «по сему преследованию» ни лишили свободы, все еще останется «гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования». Декабрист был уверен, что и в собственном окружении царя были люди, разделявшие взгляды декабристов. Последующие события показали правоту Штейнгеля.

29 января 1826 г. Штейнгель отправил второе письмо Николаю I. «Вам,— говорилось в послании,— оставлено государство в изнеможении, с развращенными правами, со внутренним расстройством, с истощающимися доходами, с преувеличенными расходами, с внешними долгами — и при всем том ни единого мужа у кормила государственного, который бы с известным глубоким умом, с характером твердым, соединяя полное и безошибочное сведение о своем Отечестве, питал к нему любовь, себялюбие преобладающую, словом, ни одного мужа, на которого могла бы возлечь высочайшая доверенность в великом деле государственного управления. Если присовокупить к сему разлившийся беспокойный дух с неудовольствием против правительства прежнего, с родившейся от того недоверчивостью к будущему, и, наконец, самую необходимость, в коей Вы нашлись опечалить многие семейства в обеих столицах, то действительно положение Ваше, государь, весьма затруднительно»⁵⁴.

Штейнгель, видевший Россию «от Камчатки до Польши и от Петербурга до Астрахани», призывал Николая I повелеть губернаторам обеих столиц в трехмесячный срок составить достоверные сведения о подлинном положении дворян и помещичьих крестьян, купечества, мещан, государственных и свободных хлебопашцев, а также о состоянии торговли, промышлен-

⁵² Там же. С. 187.

⁵³ Там же. С. 189.

⁵⁴ Там же. С. 191.

ности, земледелия, взиманий налогов. Все эти материалы следовало направлять в руки царя, минуя министров, к которым «народ не имеет ни внутреннего уважения, ни доверия».

И хотя на письмо Штейнгеля ответа не последовало, однако, начиная с 30-х годов, Министерство внутренних дел приступило к сбору и публикации подробнейших статистических данных о жизни страны, в том числе о последствиях грозных природных явлений (градобития, бури, метели, наводнения, засухи, ливни), а также эпидемий и эпизоотий.

7 февраля 1826 г. на заседании «Комитета для изыскания о злоумышленном обществе» Штейнгелю был дан вопросник из 18 пунктов.

Наибольший интерес представляют его ответы на последние вопросы. Как и в письме Николаю I, он писал, что распространение «республиканских мнений» подготовлено историческим развитием России. «С другой стороны,— продолжал Штейнгель,— комитету должно быть весьма небезызвестно, что с учреждением министерств правительство вообще действовало в том духе, чтобы распространением просвещения приуготовить Россию к принятию конституционных начал. От Министерства внутренних дел издаваем был журнал, в котором публика приучалась судить о действиях правительства. Потом несколько лет существовал „Дух журналов“ в качестве оппозиционного периодического издания, в котором печатались весьма сильные опровержения против распоряжений правительства, защищаемых министерскою газетою „Северною почтою“. Между тем прекращение пожалования крестьян в крепостное состояние, открытие нового состояния свободных хлебопашцев, повторенное несколькими указами поощрение к отыскиванию свободы, обнародованные правила вывода крестьян из рабского состояния в остзейских провинциях и дарование конституции Польше и Финляндии были существенным к той цели воспособлением. Итак, по совести заключаю, что во всем этом скрывается истинный источник, из коего республиканские мнения обильно излились во всю Россию»⁵⁵.

Штейнгеля осудили на 20 лет каторжных работ. Однако вместо Сибири его ожидала крепость Свартгольм, где он провел в заточении целый год, а затем

⁵⁵ Там же, С. 155—156.

был отправлен в Восточную Сибирь. Из Читы со своими товарищами по тайному обществу Штейнгель был переведен в Петровский завод. Этот переход он ярко описал в очерке «Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 года»⁵⁶.

В ненастный день 7 августа 1830 г. в 9 часов утра декабристов вывели из Читинского острога. Около ворот тюрьмы собрались местные жители, чтобы попрощаться с узниками. Весь день заключенные шли под дождем. Лишь прекрасные пейзажи вдоль реки Ингоды несколько скрашивали впечатление от тяжелого долгого пути. 8 августа пришлось переходить через топкое болото. Навстречу были высланы лошади с бурятами. «Везде мостки, настилки,— писал Штейнгель.— Какая заботливость, чтоб мы не промочили ножки! Это было для нас забавно!» Однако юрты все до одной протекали.

11 августа была дневка, и декабристы все время провели в юртах. На следующий день продолжали путь. Несмотря на дождь, одолели перевал через Яблоновый хребет. Когда стали спускаться в долину, дождь перестал. «Но дороги — одна грязь».

Штейнгель и М. А. Бестужев подробно описали трудный переход из Читы в Петровский завод. Жители деревень, попадавших на пути, тепло встречали и провожали узников.

Из газет декабристы узнали о восстании парижан, о боях на баррикадах. Вечером, когда можно было собраться всем вместе, выпили по бокалу за революцию во Франции и хором пропели Марсельезу. «Версты за полторы,— писал М. А. Бестужев,— открылся мрачный Петровский завод, отличающийся огромностью и своею крытою крышею от прочих зданий... Мы с пригорка смотрели на нашу обитель и шутили.. С веселым духом вошли мы в стены нашей Бастилии...»⁵⁷ В июльской революции все видели доброе предзнаменование и верили в «лучшую будущность Европы»⁵⁸.

В Петровском заводе декабристы, по словам Штейнгеля, «составили свои правила и жили, как в монасты-

⁵⁶ Впервые опубликован в кн.: Декабристы: Неизд. материалы/ Под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана. М.: Госиздат, 1925. С. 133—148.

⁵⁷ Воспоминания Бестужевых. С. 335.

⁵⁸ Басаргин Н. В. Записки. Красноярск: Кн. изд-во, 1985. С. 135.

ро, занимаясь науками»⁵⁹. Здесь он перевел записки известного американского естествоиспытателя В. Франклина и составил очерк об административном управлении Сибирию «Сибирские сатрапы».

Штейнгель подружился с М. А. Бестужевым, который впоследствии вспоминал: «Казематная жизнь сначала сблизила, а потом соединила меня со Штейнгелем неразрывными узами самой чистой, бескорыстной дружбы. Правда, сначала не по вкусу мне были некоторые особенности его личности. Так, например, мне не нравилась в нем какая-то театральность, какое-то желание рисоваться, даже речь его, ровная, плавная, спокойная, казалась мне речью Цицерона, сперва написанною и потом выученною наизусть, но потом я убедился, что он не мог быть другим, иначе он был бы не Штейнгель, но что он со всеми, по-моему, недостатками прямая, русская душа... Со своей стороны и он вначале думал видеть во мне более незрелости и ветренности, нежели сколько было во мне этих недостатков. Кипучая жизнь, выливавшаяся у меня иногда через край в резких выходках суждений и самих действий, подавала беспрестанно повод к подобным заключениям. Но так или иначе, мы сблизились друг с другом, и эта дружба длилась до его могилы. В день моих именин, 8 ноября 1836 года, он принес ко мне маленькую книжечку „Правила Эпиктета“ в подарок. На заглавном листке была надпись:

„В незабвенный год жизни моей и Отечества (1812 г.) эта книжка приобретена мною — тебе ее дарю, мой единственный друг и товарищ несчастья, также незабвенного. Если ты будешь тверд в своих правилах, согласных с нею, ты не забудешь седого друга твоего“.

Эти немногие слова могут служить лучшим истолкованием наших отношений»⁶⁰.

Большинство писем Штейнгеля к М. А. Бестужеву, которые сохранились до нашего времени, опубликовано Восточно-Сибирским книжным издательством в 1985 г.

Рядом манифестов срок каторжных работ был сокращен с 20 до 10 лет. В 1836 г. Штейнгеля отправили сначала на поселение в село Елань, в 67 верстах от Иркутска, затем перевели в город Ишим То-

⁵⁹ Записки В. И. Штейнгеля. С. 218.

⁶⁰ Воспоминания Бестужевых. С. 304.

больской губернии. Губернатор М. В. Ладыженский, познакомившийся со Штейнгелем в Москве, попросил его «заняться преподаванием его малолетней дочери необходимых элементарных уроков». В 1842 г. в уездах Пермской губернии взбунтовались крестьяне, началось «брожение умов» и в смежных местностях Тобольской губернии. Ладыженский попросил Штейнгеля написать к народу «остерегательные прокламации пародным вразумительным языком». Это пришлось не по душе генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову, и он приказал сослать Штейнгеля в город Тару, сообщив шефу жандармов Бенкендорфу, «что Штейнгель занимается редакциею бумаг у губернатора и потому имеет влияние на управление [Тобольской] губернии, что он находит неприличным».

Эта новая ссылка совпала с выходом в свет одного из важнейших географических трудов Штейнгеля. В 1843 г. в «Журнале Министерства внутренних дел» была опубликована его монография «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». Но, прежде чем перейти к рассмотрению этого труда, необходимо сказать несколько слов о журнале, который выходил с 1829 по 1862 г. Дело в том, что тематика его была довольно необычной для издания такого ведомства. Журнал заполняли в основном разнообразные статистические сведения: о необычайных природных явлениях, о количестве погибших «от природных происшествий». Здесь же с 1843 по 1852 г. ежегодно велась статистика градобитий по всем губерниям России с указанием числа десятин посевов, побитых градом, и нанесенного ущерба с точностью до четверти копейки. Ежемесячно давались обзоры погоды и состояния хлебов. Руководил статистическим отделом член Ученой республики Петр Иванович Кеппен. В журнале печатались К. И. Арсеньев и К. С. Веселовский.

А теперь обратимся к обзору обширного труда Штейнгеля. Первая глава посвящена географическому положению Ишимского округа Тобольской губернии. «Занимая половину пространства между реками Ишимом, Тоболом и промежуточную частью реки Иртыша,— отмечал декабрист,— Ишимский округ юго-восточную часть свою выходит на правый берег Ишима. Находясь между округами Курганским и Омским, или бывшим Тюкалинским, с ними вместе он принад-

лежит к южной, лучшей части губернии. С сереро-запада смежен с ним округ Ялutorовский, с севера — Тобольский и небольшою частью Тарский, с юга — Омская, или Петропавловская, линия, которою отделяются внешние круги киргизской степи»⁶¹.

Далее Штейнгель обращает внимание на то, что до сих пор не проведено тригонометрической съемки, план которой еще в начале 20-х годов XIX в. был детально разработан Г. С. Батеньковым. По приблизительным подсчетам, общая площадь округа занимает пространство примерно в 45 тыс. квадратных верст. «Таким образом,— продолжал Штейнгель,— Ишимский округ своей обширностью равняется многим губерниям в [Европейской] России и превосходит многие владения и самые королевства»⁶².

Пространство округа занято открытой равниной с пологими возвышенностями, лугами, которые местами живописно пересекают рощицы, перелески, заросли кустарника. Северная часть покрыта преимущественно лесами и болотами, юго-западная — озерами, а на юго-востоке преобладают степи.

Затем Штейнгель дал характеристику двух главных рек округа — Ишима и Вагая и их многочисленных притоков. Интерес представляет заключение декабриста о том, что периодически, через 40 и 18 лет, Ишим разливается на большое расстояние. Сильные наводнения отмечены в 1738, 1784, 1824 и 1842 гг. Наводнение 1824 г. отличалось стремительным подъемом воды. В другие годы вода прибывала и убывала постепенно. Эти замечания декабриста весьма важны для изучения экстремальных природных явлений в Сибири.

Штейнгель обращал внимание на периодическое усыхание многих озер: «Лет за 15 перед сим считалось всех озер более 400. В последние годы многие из них стали высыхать совершенно. Таких высохших озер теперь сочтено 364. В числе их были окружностью от 4 до 40 верст... Теперь дна многих озер поросли травой и превратились в луга, на которых ставится сено, а иные уже возделываются под посев хлеба и льна.

⁶¹ [Штейнгель В. И.]. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. 2. С. 4—5.

⁶² Там же. С. 5.

По сказанию стариков, назад тому лет за 40, было здесь точно такое же оскудение вод и обсыхание озер. Но после вода опять объявилась в тех же самых озерах и постепенно прибывала до известной меры, с которой снова начала убывать. Одним словом, по их мнению, явление это периодическое. Во всяком случае, оно достойно особого наблюдения»⁶³.

Одна из глав труда Штейнгеля посвящена описанию климата. Ее мы приводим почти полностью ввиду исключительной ценности для изучения погодных экстремумов, исследованию которых в настоящее время придается важное значение.

«Воздух в Ишимском округе, исключая мест болотистых, очень чист. Хотя дожди не так часты, но беспрестанные почти ветры, дующие большею частью между юго-западом и северо-западом и очень редко с севера и востока, очищают атмосферу. Они особенно бывают сильны во время равноденствий, весеннего и осеннего. Зимой они превращаются в сильные бураны, во время которых случается, что отлучающиеся от домов за сеном, даже ближе — за водою, заблуждаются и гибнут. Проезжие, застигнутые бураном, нередко теряют дорогу и блуждают или останавливаются на месте.

В обыкновенные годы снег выпадает около половины октября, и зима устанавливается постоянно. В декабре и январе морозы бывают по нескольку дней за 30° по Реомюру и доходят иногда до 35° и более. Случаются зимы вообще умеренные: такова была в 1824 году, когда морозы не превосходили 20° Реомюра. Это тем замечательнее, что предыдущая зима была одна из жестоких и термометр упал до 37° Зимы последних годов относятся более к числу умеренных. В 1837 году зима отличалась поздним началом и до половины декабря ездили на колесах. Вообще снега не выпадает более во всю зиму, как фута на два. Зимний путь поддерживается до конца марта, и тут делается распутица. В апреле настает весенняя погода; но май почти всегда бывает ветреннее, дождливее, холоднее. Случается, что деревья не прежде 21 мая

⁶³ [Штейнгель В. И.] Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журн. Мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. 2. С. 11.

начинают одеваться листьями; оттого и овощи нельзя садить прежде половины этого месяца. Собственно лето начинается с первых чисел июня. В июле наступают жары и доходят до 30° по Реомюру в тени. Дожди в летнее время бывают большею частью непродолжительные, так сказать, пролетные; случаются проливные, с градом и с грозой. Направление наносных туч замечается более с юга и запада, на севере и на востоке. Сколь ни редки грозы, но иногда бывают чрезвычайно сильны. Такова была в 1825 году 3 июля: в церкви города Ишима, опалив иконостас, она повредила позолоту; в округе убила исправника с писарем, находившихся в селе Ларихинском, в 29 верстах от города. Ранний гром замечен 10 апреля, поздний — 17 августа. Осень, заключающаяся в одном сентябре и части октября, нередко за половину может почитаться здесь лучшим временем года. При ранних инеях и утренниках днем бывает ясное небо, тихая, прохладная, часто теплая погода, и так продолжается до самых заморозков и первого снега.

Вообще по средней температуре климат в Ишимском округе умереннее округа Тобольского. Леса последнего заслоняют некоторым образом первый от северных ветров. Но нельзя того же сказать относительно мест, лежащих в одном поясе с Ишимским округом не только на запад, где по мере удаления климат благоприятнее, но и на восток, в Восточной Сибири, и далее»⁶⁴.

Собранные Штейнгелем сведения о распространении эпидемий и эпизоотий, в частности данные о «смертных горячках» (лихорадках), свирепствовавших в 1824 и 1825 гг., об эпидемиях сибирской язвы в 1801 г., когда погибли бóльшая часть лошадей и 60 тыс. голов скота, а также об «ужасном ее нападении» в 1820 и 1821 гг., «свалившем до 40 тыс. скотин», вошли в созданную нами «Тысячелетнюю летопись необычайных природных явлений (X—XIX века)».

По мнению Штейнгеля, Ишимский округ более всего предназначен для хлебопашества и скотоводства. «Из этих начал,— писал декабрист,— должна развиваться и промышленность, которая всегда или

⁶⁴ Там же. С. 13—16.

надолго еще будет занимать второстепенное место»⁶⁵.

Целая глава посвящена населению Ишимского округа, истории его заселения русскими людьми, которое, по мнению Штейнгеля, шло «с северо-запада через Верхотурье, Туринск и Тюмень и простиралось сначала далее на восток»⁶⁶. Начало заселения Ишимского округа декабрист относил к первому десятилетию XVII в., точнее к Смутному времени. Постепенно русские люди, селясь по берегам рек Ишима и Вагая, продвигались все южнее.

В «Статистическом описании» дана характеристика волостей и населенных мест, которых насчитывалось 448. Число жителей год от года увеличивалось. Так, в 1840 г. население возросло на 2184 души, в 1841 г. к округу было причислено 1059 ссыльных. Интерес представляют этнографические разделы, где описываются быт, нравы и обычаи населения.

Ряд глав повествует о развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли. Декабрист подчеркивал, что развитие промышленности тормозится недостатком капиталов и нехваткой рабочих рук.

Таково вкратце содержание «Статистического описания Ишимского округа Тобольской губернии», которое увидело свет под именем ишимского купца Н. Черняковского. Монография Штейнгеля не утратила своего научного значения и в наши дни. Собранные им уникальные данные часто использовались географами и историками.

Трудно предположить, что после этой публикации Штейнгель 14 лет сидел сложа руки и не проявлял интереса к изучению Сибири, хотя после того, как его отправили в город Тару, где он томился восемь лет, он, по-видимому, прекратил ученые занятия. Во всяком случае, не известно ни одной из его работ, относящихся к 1843—1851 гг.; не напечатал он ни одной строчки и после того, как в 1851 г. его перевели в Тобольск. Правда, не исключено, что все это время он трудился над мемуарами, которые увидели свет через несколько десятилетий после его смерти.

⁶⁵ {Штейнгель В. И.} Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии //Журн. Мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. 2. С. 17.

⁶⁶ Там же.

В 1856 г. декабристы были освобождены из ссылки, им возвращались чины, звания, имущество. «Для немногих оставшихся в живых изгнанников радость полная, — писал Штейнгель, — но и тут не без отравы.

Въезд в столицы запрещен!»

В Москве, «в воссоздании которой из пепла он участвовал сердцем и трудами», декабристу разрешили пробыть всего два дня. Затем он отправился в Тверь, где встретился с сыновьями, а 27 ноября 1856 г. был уже в Петербурге. Через несколько дней его вызвали к начальнику III отделения князю Долгорукому, чтобы «пристращать его нотацией, чтобы вел себя осторожнее». «Вскоре нашли, — вспоминал Штейнгель, — что неприлично и неуместно жить мне в лицее (директором которого был его сын. — В. П.). Сват мой адмирал Анжу приютил меня на своей квартире.

Итак, я снова попал в положение столь же странное, как и тяжкое, тяжкое до того, что едва ли не тяжелее ссылочного... Вызванным из Сибири, как из гроба, нам... возвращено достоинство родовое, но с ограничением свободы, с оставлением признака кары, отвержения и напоминания для всех и каждого: „это был преступник“. Всему должен быть предел, даже ненависти и мщению»⁶⁷.

В Петербурге Штейнгель сначала работал над своими воспоминаниями, а затем опубликовал целый ряд естественноисторических работ, посвященных главным образом исследованию и освоению Дальнего Востока, Камчатки, северной части Тихого океана, Алеутских островов и Русской Америки. Все эти статьи были направлены на защиту русских национальных интересов на севере Тихого океана. 30 декабря 1862 г. он опубликовал «Заметки старика» о деятельности русских промышленников на Алеутских, Командорских, Сахалинских островах. Штейнгель особо подчеркивал роль Российско-Американской компании в укреплении позиций России. Эта идея еще более отчетливо проводилась им в статье «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», которая являлась как бы продолжением «Заметок старика».

Штейнгель осуждал царское правительство за то, что оно практически открыло доступ иностранным

⁶⁷ Записки В. И. Штейнгеля. С. 222.

промышленникам и уступило Англии значительную часть юга Русской Америки. «Результат теперь красуется на географических картах»,— писал он с горечью, не подозревая, что через шесть лет царь почти за бесценок продаст свои владения в Америке, изучение и освоение которых стоило жизни многим русским смельчакам.

Судьба в это время свела его с известным русским путешественником. «Был у свата П. Ф. Анжу,— писал Штейнгель М. А. Бестужеву 25 октября 1858 г.,— по случаю 30-летия его свадьбы. Это был адмиральский круг. Меня более всех интересовал Врангель, бывший [морским] министром. После обеда подсел ко мне и изъявил любопытство о нашем прошедшем. Сколько позволила краткость времени, я ему высказал откровенно, начиная с крепостных приемов, суда и пр. С живым участием он не однажды восклицал: «Ах, боже мой! Это ужасно! Неужели!» Взамен он мне сказал с откровенностью, что сам чуть не попал к нам. Из Рио-Жанейро он написал письмо к Батенькову и, по счастью, адресовал его к Литке, который получил это письмо в то время, как уже всех хватали, и как сидел перед камином, то тотчас бросил в огонь. Он примолвил: „Я со многими был знаком, и как иначе, когда в этом кругу было все, что тогда было любезного, умного, благородного!» Можешь вообразить, как такой отзыв ущипнул меня за сердце, и скажу странность: мне в эту минуту представились наши усопшие: „Ах, зачем Вы этого не слышите?“— подумал я, и слезы навернулись на глазах у меня; я крепко пожал его руку»⁶⁸.

В его квартире на Кирочной, куда он переехал в 1859 г., собиралось немало людей, оппозиционно настроенных к царскому режиму. Вот что писал литератор М. И. Семевский, часто бывавший у Штейнгеля: «Мы имели счастье близко знать Владимира Ивановича. Свидания с ним были счастливейшими часами нашей жизни. С каким наслаждением выслушивали мы его оживленные рассказы, дивились его громадной памяти и светлому взгляду на самые животрепещущие вопросы общественной и государственной жизни нашей родины. С восторгом говорил он в первые годы по приезде в столицу о поднятии крестьянского и

⁶⁸ Штейнгель В. И. Записки, письма. С. 426.

откупного вопросов, о гласном судопроизводстве, воз-
можной свободе печати, о народном воспитании и т. п.
С нетерпением ждал он осуществления тех надежд,
которые занимали и не оставляли его в течение мно-
гих и многих лет страдальческой жизни»⁶⁹.

20 сентября 1862 г. Штейнгель скончался. «Чело-
век, боровшийся со злом и неправдой, всю жизнь тер-
певший страдания, изведавший всевозможные лише-
ния и бедствия и едва ли обретший даже на закате
дней своих спокойствие и счастье, с таким избытком
был одарен душевными силами, что не изнемогал, не
падал на тернистом пути своей долговременной
жизни. Нам все еще кажется, что эти прекрасные,
дышавшие любовью и кротостью черты лица оживятся
обычной добродушной умной улыбкой. Мы не верим,
чтобы эта голова, украшенная серебряной сединой,
навсегда склонилась на изголовье смертного одра. На-
шим глазам, отуманенным слезами, все еще представ-
ляется этот старец, опирающийся на железную палку,
[выкованную из его кандалов], нам еще слышится
его неторопливый, полный ума и чувства рассказ о
разных событиях его почти вековой жизни. Нам
страшно верить, чтоб этот голос замер навсегда, так
убеждены мы были, что этот человек еще многие
годы мог бы жить, как завет старых поколений»⁷⁰.
Так писал известный прогрессивный исследователь
движения декабристов М. И. Семевский в некрологе,
который поместила петербургская газета «Современ-
ное слово» 23 сентября 1862 г. Его хоронили видные
писатели и ученые того времени. По словам одного
из биографов Штейнгеля, «гроб несли на руках до
конца Троицкого моста». Поравнявшись с Петропав-
ловской крепостью, около места казни декабристов
решили остановить процессию и отслужить панихиду,
но III отделение помешало этому.

Похоронен Владимир Иванович Штейнгель на Ох-
тенском кладбище.

⁶⁹ Соврем. слово. 1862. № 93. С. 376; см. также: Моск. веде-
мости. 1862. № 209. С. 1669.

⁷⁰ Соврем. слово, 1862. № 93. С. 376.

Сергей Петрович Трубецкой

(1790—1860)

Сергей Петрович Трубецкой, один из главных зачинателей движения декабристов, составитель плана восстания на Сенатской площади и автор Манифеста к русскому народу, родился в Нижнем Новгороде 29 августа 1790 г. Его отец принадлежал к старинной княжеской семье, которая вела свою родословную от великого литовского князя Гедимина. Его мать, урожденная княжна Дарья Александровна Грузинская, происходила из рода грузинского царя Вахтанга VI, один из потомков которого породнился с потомками А. Д. Меншикова. Трубецкой рано лишился матери, образование получил домашнее. 10 ноября 1808 г. он поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, участвовал в Отечественной войне 1812 г. Сражался сначала под Бородином, потом под Тарутином и Малоярославцем. Затем вместе с русской армией форсировал Неман, Вислу, Одер, Эльбу, сражался под Лейпцигом, где был ранен. Был награжден орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, прусским орденом «За заслуги», Кульмским крестом.

Летом 1814 г. Трубецкой в составе Семеновского полка возвратился в Петербург. Вскоре здесь образовалась Семеновская артель, основание которой явилось прелюдией к созданию тайного общества, которое и возникло 9 февраля 1816 г. В число его учредителей, кроме Трубецкого, входили И. Д. Якушкин, А. Н. и Н. М. Муравьевы, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы. С. П. Трубецкой принимал деятельное участие в составлении устава первого тайного общества — Союза спасения, впоследствии переименованного в Союз благоденствия.

По мнению исследователей, Трубецкой был инициатором основания побочной управы тайного общества — литературно-политического кружка «Зеленая лампа». Им был составлен рекомендательный список литературы для членов кружка, включавший 25 названий. В основном это были труды естественнонаучного и исторического характера.

26 июля 1819 г. Трубецкой отправился за границу. Около двух лет он прожил в Париже, главным образом занимаясь естественными науками. На следствии

он показал, что слушал лекции выдающихся французских естествоиспытателей. В дальнейшем он писал, что его внимание привлекали труды Доменика Франсуа Араго, звезда которого тогда только что засияла на научном небосклоне Европы. И в изгнании декабрист будет внимательно следить за научными изысканиями этого знаменитого естествоиспытателя, дружившего с русскими учеными.

В мае 1821 г., находясь в Париже, декабрист женился на Екатерине Ивановне Лаваль, отец которой занимал важные посты в Министерстве иностранных дел и при царском дворе.

Возвратившись в Россию, Трубецкой принял активное участие в делах Северного и Южного обществ, добиваясь их слияния и создания единой программы на базе «Русской правды» П. И. Пестеля. Политическая деятельность Трубецкого рассмотрена во многих трудах. Как известно, он был приговорен к смертной казни, замененной вечными каторжными работами. Декабрист спокойно выслушал приговор, «переходя от удивления к удивлению». Он предполагал, что его осудят за участие в восстании, а его «осудили за цареубийство». «Я,— вспоминал Трубецкой,— готов был спросить: какого царя я убил или хотел убить?»

Трубецкого вместе с С. Г. Волконским, А. И. и П. И. Борисовыми определили в Благодатский рудник, где они работали по 11 часов в сутки на горных выработках. (Здесь уже находилась его жена, Екатерина Ивановна.) Когда декабристов выводили в кандалах на прогулку, Трубецкой собирал цветы и, составив букет, клал его на землю. Екатерина Ивановна ждала момента, когда отвернется часовая, «чтобы взять букет, который был для нее драгоценнее всех сокровищ мира».

В сентябре 1827 г. Трубецкой был переведен в Читинский острог. Здесь он читал книги по географии, химии, медицине, ботанике, минералогии, делал много выписок из «Горного журнала». Сохранились его записки по географии России¹. Остановимся на самой важной области естественнонаучных изысканий Трубецкого — его метеорологических наблюдениях, которые он впервые начал вести в 1832 г. в Петровском заводе и, по-видимому, продолжал всю жизнь. Однако

¹ ЦГАОР. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

журнал наблюдений, который декабрист вел в каземате, разыскать не удалось. Сохранилось письмо Трубецкого к П. И. Борису с просьбой прислать некоторые данные из журнала его брата, в частности о днях с грозами.

В июле 1839 г. закончился срок каторги декабриста. Трубецкая просила Николая I разрешить ей с мужем и детьми поселиться в Западной Сибири, однако последовал отказ, и местом поселения было определено село Оёк в 30 верстах от Иркутска. «Деревня большая,— писал Трубецкой Якушкину,— но одна половина ее расположена между двух болот, а другая между болотом и песчаной степью, на которой взрыты бугры и ямы от ветров. Две реки, из них одна довольно значительная, протекают в тундростных берегах, и оттого построиться поблизости их нет возможности. В стороне от селения я выбрал возвышенность, васлоненную с запада довольно крутою горою; это положение закрывает от одного из господствующих ветров, но открыто для северных, которые дуют также довольно часто. Гора покрыта сосновым лесом, очень мелким. Вообще здесь природа некрасива, я еще не находил ни одного вида, на котором глаз желал бы остановиться. В окружности много деревень по течению главной реки Куды или впадающих в нее, все они разбросаны по гривкам, окруженным болотами. Нигде ни деревца, исключая на низменных хребтах, которые тянутся по обеим сторонам реки и один вплоть до ее устья. Куда впадает в Ангару в 30 верстах от пас. Не доходя устья, в 7 или 8 верстах, лежит Урик в подобном же неживописном положении. Берега Ангары, говорят, красивы. Я должен был тебе этим землеописанием как географу, а ты обязан начертить на своей карте нашу речку, которая, вероятно, не удостоилась этой чести»².

Трубецкой был в курсе всех естественнонаучных исследований, проводившихся декабристами. К нему нередко обращались за помощью в организации метеорологических наблюдений. Сохранилась переписка Трубецкого с А. И. Борисовым, который присылал своему товарищу выписки из метеорологического жур-

² Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2: Письма. Дневник 1857—1858 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. С. 101—102.

нала брата, в том числе сведения о первых грозах за весь ряд наблюдений и ежедневные данные о температуре в Петровском заводе. Этими материалами открывается обширное дело о метеорологических изысканиях Трубецкого, хранящееся в ЦГАОР³.

Первые метеорологические записи Трубецкой сделал на обороте листов календаря за 1840 г. Ответы на многие волновавшие его вопросы он пытался найти в трудах европейских ученых. 10 мая 1840 г. Трубецкой писал И. Д. Якушкину: «Все физические статьи Араго читаю я с любопытством; сверх глубокой учености и большой опытности он еще имеет и дар представлять вещи очень ясно. Правда, вообще французы в естественных науках излагают ясно предметы, но Араго это достоинство имеет еще более многих. Я имею понятие о его статье, но прочту ее в подробности с удовольствием. „Библиотека для чтения“ о ней говорила совсем в превратном виде, ибо приводила ее в доказательство бесполезности и даже вреда громоотводов, тогда как вывод Араго совершенно противен этому заключению»⁴.

Атмосферным электричеством, которое привлекало пристальное внимание и других декабристов, Трубецкой, как видно из его переписки с друзьями, занимался много лет. В том же 1840 г. он послал труд Д. Араго по этому вопросу Якушкину, сообщив, что ожидает еще одну книгу «о теории по этому предмету».

Трубецкой изучал также труды французского физика Антуана Сезара Беккереля, занимавшегося проблемами термоэлектричества, электрокапиллярности, гальванопластики. Но в его описаниях декабрист находил много для себя неясного. Многие вопросы, которыми занимался Беккерель, к тому времени уже нашли дальнейшее развитие в трудах европейских и русских ученых и даже практическое применение.

Трубецкой сожалел, что не имеет сведений об опытах русского ученого Бориса Семеновича Якоби, который еще в 1834 г. изобрел электродвигатель. «Разгадает ли он,— писал Трубецкой Якушкину,— загадку приложения этого движителя в большом размере так, чтоб он мог хотя в некоторых случаях заменить пар? До сих пор, кажется, еще ничто не оправдывает этих

³ ЦГАОР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 111. Л. 1—189.

⁴ Трубецкой С. П. Материалы... С. 110.

ожиданий, хотя уже и провел небольшой электроход на Неве. Розыски его не приведут, может быть, к желаемому, но, наверное, откроют много неизвестного и, вероятно, не менее полезного, уже этому есть начало»⁵.

Спустя год Трубецкой в письме к Якушкину снова обсуждал вопрос о применении электричества, «аки движущей силы»: «Тебе известно, что Якоби уже несколько лет трудится в Петербурге над приведением в движение лодки и что небольшая шлюпка ходила уже по Неве летом прошлого года»⁶. Действительно, в 1839 г. Б. С. Якоби построил лодку с электромагнитным двигателем мощностью около 1 л. с.

Вскоре Трубецкому стало известно, что по железной дороге из Лейпцига в Дрезден ходил электровоз мощностью 7 л. с. «с полным успехом». «Это,— писал он Якушкину,— уже большой шаг вперед, но, вероятно, пройдет много времени, прежде нежели дойдет до того, чтоб движители поместить в такое же уютное пространство, в каком ныне действуют пары, и потому, полагаю, что едва ли удастся нам на нашем веку услышать, что волны океана рассекаются электрическою силою. Лодочка, в которой Якоби плавал по Неве, доказывает только, что задача разрешена, но приложение этой силы в таком огромном размере, в каком действуют пары, потребует, вероятно, еще много усилий. Я полагаю, что эта задача до тех пор не будет совершенно разрешена, пока не займутся ею в Англии. В Европе много ученых и искусных людей, но в Англии более практических механиков и, сверх того, капиталов»⁷. Но Трубецкой ошибся. Первый в мире теплоэлектроход был создан не в Англии, а в России в 1903 г.

Внимательно следя за открытиями в науке и технике, Трубецкой много внимания уделял вопросам образования, придавая большое значение преподаванию наук о земле. «Я,— писал он Якушкину 10 мая 1840 г.,— разделяю твое мнение насчет пользы естественной истории для детей, изучение ее доступно их понятиям, я даже думаю, что вообще естественные науки полезнее для ума многих предметов, которыми

⁵ Трубецкой С. П. Материалы... С. 111.

⁶ Там же С. 136.

⁷ Там же. С. 138.

занимают детей. Многое можно передать без математических выкладок. Когда явления объясняют закон, тогда другие доказательства для понятия науки необходимы. Может быть, когда-нибудь буду иметь возможность видеть на опыте оправдание моих предположений»⁸.

Обосновавшись в Оёке, Трубецкой возобновил метеорологические наблюдения, правда, за неимением инструментов лишь за температурой воздуха. «Мне,— писал он Якушкину 28 июня 1841 г.,— остается говорить с тобой о погоде и земледелии. Никаких особенных наблюдений я не могу тебе сообщить потому, что, кроме термометра, других орудий у меня нет. И потому просто скажу тебе, что лето у нас очень жаркое и сухое, сегодня в 2 часа термометр показывал +29° Р в тени, и таких жарких дней было уже 9, кроме нынешнего, в которые притом ни капли воды не упало на нас. До того в окрестностях виднелись тучи, и гром вдалеке был слышен два раза, но мы оставались как бы в оазисе. Не знаю, что мне ожидать для начала моих земледельческих трудов, вероятно, большого урожая в хлебе также нельзя будет ожидать, ибо поля так же выгорают, как выгорела трава. Но все это, кажется, местное в некотором кругу, потому что вместе с жалобами на засуху и кобылку, которая выедает хлеб и траву, слышишь также, что в других местах от продолжительных дождей травы прекрасные. Здесь обыкновенно дожди бывают в конце июля и в первой половине августа, тогда, когда сено косят, и, следовательно, вообще безвременно...»⁹.

Таким образом, Трубецкой обратил внимание на очень важный климатический фактор, а именно: необычайные природные явления нередко носят неповсеместный и региональный характер. Изучение метеорологических явлений имело и определенную практическую сторону. Декабрист стремился установить влияние климата на землепашество.

«Земледелием,— писал С. П. Трубецкой,— не столько я занялся, чтоб неурожай одного года мог меня расстроить, и не таким образом, чтоб при невыгодных условиях должен был продолжать занятие... В России, как кажется, уже третий год урожай плох;

⁸ Трубецкой С. П. Материалы... С. 111.

⁹ Там же. С. 131—132.

жаловались на сильную засуху в южных губерниях.

У нас здесь с начала лета была также засуха, потом сильные дожди; сено унесло, траву занесло илом, мельницы почти все сорвало. Много хлеба не дозрело и скошено на солому. Воз сена уже продается по 10 рублей, и то небольшой. Рыбный промысел был также неудачен; большая часть судов, ходивших за омулями, пришли пустые. В начале лета мы едва изредка слышали гром в отдалении, но потом были сильные грозы, а граду не видал, слышал, что был не-вдалеке»¹⁰.

Ряды наблюдений каждого сезона были, как правило, декабристом проанализированы, было обращено внимание на его наиболее характерные особенности. Вот как на основе своих метеорологических наблюдений Трубецкой характеризовал зиму 1841/42 г.: «Хотя у нас зимой ртуть чаще замерзала, нежели у вас, при всем том зима была нехолодная; сильные морозы были только в ноябре и декабре, и то прекратились ранее рождества, в это время термометр падая, казалось, даже выше (ниже) -20° , так что были дни, когда показывал не более -12° . С Новым годом весь месяц температура была одинаковая: -25 и -26° , потом сбавилась и постоянно убавлялась доселе, а теперь время сделалось непостоянным. Во всю зиму снег не падал, хотя санный путь довольно рано устроился, и мы ожидали, что много будет снегу; вообще не было совсем ветров»¹¹. Трубецкого очень интересовали результаты метеорологических наблюдений Якушкина в Ялуторовске, тем более что Иван Дмитриевич вел их постоянно и более тщательно, а также его исследования по минералогии, «по которой я никаких ученых наблюдений не делаю, но на которую обращаю особенное внимание, как на предмет в высокой степени занимательный»¹².

Трубецкой не только вел метеорологические наблюдения, но и обменивался данными о погоде со своими товарищами. Так, 26 февраля 1843 г. он писал Якушкину, что нынешняя зима была необыкновенно мягкая для окрестностей Иркутска, но «дождя в Оёке не видели с самого лета». Самый теплый день был от-

¹⁰ Трубецкой С. П. Материалы... С. 137—138,

¹¹ Там же. С. 143—144.

¹² Там же. С. 144.

мечен 25 января 1843 г., когда мороз утром составлял -6° по Реомюру, а в полдень отмечалась нулевая температура. За всю зиму только один раз замерзала ртуть. Это случилось 12 декабря 1842 г. «Сколько я могу заметить,— отмечал Трубецкой,— то кажется, что на всем нашем полушарии температура ежегодно согласуется; касательно Америки я не имею никаких данных»¹³.

С 1 января 1843 г. наблюдения Трубецкого стали регулярными. Первоначально они велись один раз в день. Из записей видно, что в первую декаду января температура воздуха в районе Иркутска колебалась в пределах $-18...-33^{\circ}$ при ветре. 16 января держались $15-20$ -градусные морозы.

Среди записей Трубецкого сохранились очень яркие зарисовки полярных сияний: «9 февраля (1843). Великолепное северное сияние в 10-м часу вечера. Столпы были по временам очень яркие, наподобие солнечных лучей, тремя и четырьмя отделениями. В самом восточном отделении столпы сначала показывались к востоку, но потом во всех были прямые и простирались от горизонта к западу градусов на сорок или, может, и более. На самом севере показались позднее и оставались часами и были здесь плотнее. Красноты было также более на севере, и небо было синее»¹⁴.

В метеорологическом журнале, кроме отметок о ежедневной температуре, имеются записи о двойных звездах, сделанные Трубецким под впечатлением от работы В. Я. Струве, который с помощью 9 1/4-дюймового рефрактора совершил много открытий в звездном небе и опубликовал «Каталог всех известных двойных звезд». Журнал велся изо дня в день в течение 1844—1853 гг. В нем содержатся сведения о самых сильных морозах и самых жарких днях с указанием показаний термометра, о ливнях, наводнениях, жестоких ветрах, буранах, метелях, состоянии неба и т. д.

О выводах из своих наблюдений Трубецкой чаще всего сообщал Якушкину в Ялуторовск, чтобы подчеркнуть различие климатических зон Западной и Восточной Сибири. «Зима,— писал Трубецкой Якушкину 2 декабря 1846 г.,— у нас рано настала, и в

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ ЦГАОР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.

октябре были уже сильные морозы, по ноябрь весь был теплый... Старожилы уверяют, что климат здесь смягчается; может быть, позднейшие наши внуки и увидят в Сибири Италию, а с нас довольно и того, если зимы не так холодны будут, чтоб не пришло время, когда нечем будет топить»¹⁵.

Метеорологический журнал Трубецкого позволяет установить количество солнечных и дождливых дней в каждом году. Для целого десятилетия имеются ежемесячные данные о резких изменениях температуры, даются характеристики наиболее интересных метеорологических явлений. С середины 1849 г. (в год основания Главной физической обсерватории в Петербурге) Трубецкой начал вести ежедневные метеорологические наблюдения. Несколько заметок посвящено климату Европы, Азии, Австралии, Африки, Северной и Южной Америки.

Научные интересы Трубецкого не ограничивались только метеорологией. Его внимание привлекали и такие вопросы, как строительство гидравлических турбин, применение электричества вместо пара и гальванопластики в печатном деле, в судоходстве на сибирских реках. Трубецкой внимательно следил за исследованиями своих соотечественников на Амуре и в Приморском крае. Некоторые участники этих экспедиций были его гостями, а такой известный прогрессивный государственный деятель, как Николай Николаевич Муравьев-Амурский, нередко навещал декабриста и беседовал с ним о судьбах и путях освоения Дальнего Востока. Анализ переписки Трубецкого свидетельствует о том, что он был в курсе успехов русских плаваний в Тихом океане, следил за исследованиями в Русской Америке, за дипломатическими переговорами в Японии и Китае. Судя по недавно опубликованной обширной переписке декабриста, особенно тесные дружеские отношения его связывали с Якушкиным, Батеньковым, Н. А. Бестужевым, Пуцциным.

В 1856 г. декабристам было возвращено «дворянство и свобода проживать, где угодно в пределах империи, за исключением двух столиц». 1 декабря 1856 г. Трубецкой покинул Иркутск. К 1 марта 1857 г. он добрался до Нежина, а затем направился в

¹⁵ Трубецкой С. П. Материалы... С. 177.

Киев, где и обосновался. Трубецкой по-прежнему проявлял большой интерес к общественной и научной жизни России. В одном из писем этого периода читаем: «Жизнь — борьба, и борьба во всех отношениях»¹⁶. В письме к зятю Н. Д. Свербееву он писал 14 октября 1858 г. из Одессы: «Снеговые горы перенесли тебя, милый друг Николай Дмитриевич, воображением в Сибирь, а берега Ангары получили магнитную силу. Со своей стороны я скажу, что для меня тот край как родной, здесь я чувствую, что нужен, и если б не разлука со всеми вами милыми, то предпочел бы для себя Восток»¹⁷.

Между тем силы декабриста постепенно угасали. Он признавался дочери и зятю в марте 1859 г.: «Тяжело мне, тяжело!» А спустя несколько месяцев в письме к Е. И. Якушкину (сыну декабриста) встречаются еще более печальные строки: «Ряды наши редуют. Смерть косит и здесь и в Сибири». В конце июня в Дрездене скончалась дочь Саша, которую Трубецкой очень любил. Он долго не мог прийти в себя после смерти жены в октябре 1854 г., а тут еще один удар, после которого декабрист уже не оправился. 31 октября он писал Батенькову, который в то лето тоже тяжело болел, что ждет его приезда, чтобы обсудить вопрос о предстоящей отмене крепостного права. Отмену крепостного состояния он считал основой «нашей будущности».

«Вот я и заполитиковался,— заканчивал письмо к Батенькову Трубецкой,— да что делать, хоть кровь уже стынет в жилах, а сердце все еще горит тою же любовью к народу, к которому по воле провидения принадлежу и которому служил как умел.

Все наши общие знакомые желают Вас видеть, приезжайте, Гаврила Степанович: кушетка у меня есть для Вас, а объятия давно отверсты. Выздоровляйте и приезжайте!»¹⁸.

Батеньков приехал в Москву, а 22 ноября 1860 г. Трубецкой скончался. Гроб с телом ратника свободы несли на руках студенты до кладбища в Новодевичьем монастыре. По словам В. Е. Якушкина (внука декабриста), Трубецкой «пожертвовал личным счастьем и

¹⁶ Там же. С. 335.

¹⁷ Там же. С. 357.

¹⁸ Там же. С. 55.

счастьем горячо любимой жены ради любви к Отечеству, ради своих стремлений сделать русский народ свободным и счастливым»¹⁹.

Возвратившись из ссылки, он продолжал выступать против притеснений ученой мысли. По его мнению, особым гонениям подвергалась критика и статистика. В литературе и науке истребляли полемику, что вело к «застою и плесени». Множество предметов исключалось из круга научной и литературной деятельности. «На каждом шагу становишься в тупик, озираешься и спрашиваешь себя: пропустят ли это или не пропустят? Цензурные оглядки стесняют грудь, откуда исходит голос, и цепенеет рука, которая пишет. Известно, что современная наука и мысль более и более стремятся к единству, неразрывно связывая между собой все отрасли знания.

Теперь нельзя коснуться предмета, как бы невинен он ни был, без того, чтобы не заглянуть в другие области, а тут-то вас и застает цензор, тут-то и урезывает ваш труд ножницами или безжалостно отсылает вас к другим цензорам»²⁰.

Особенно трудно заниматься статистикой. «Гасильная система принимает у нас огромные размеры,— писал на склоне лет Трубецкой.— Она касается не одной литературы, но объемлет все, в чем только проявляется стремление к образованности, выходящей из тесной казенной рамы. Так, в 1849 году, в разгар реакционных мер, некоторые ревнители мрака дошли до того, что предлагали вовсе остановить выдачу паспортов в чужие края. Они предлагали ограничить пребывание за границей сначала 5-ю, а затем 2-мя годами, удвоить пошлину за заграничные паспорта. Для этих гасильников мало было того, что переселение в чужое государство вменялось русскому подданному в преступление, вопреки и прежним обычаям, и примеру всех прочих стран...»²¹

Так до своего смертного часа он и остался ратником свободы.

¹⁹ Трубецкой С. П. Материалы... С. 155.

²⁰ Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906. С. 202—203.

²¹ Там же. С. 203—204.

Николай Александрович Бестужев

(1791—1855)

Ни одна декабристская семья не внесла такого значительного вклада в развитие русской науки и культуры, как семья Бестужевых. «Нас было пятеро братьев,— писал Михаил Александрович Бестужев в 1869 г.— И все пятеро погибли в водовороте 14 декабря»¹. Но это написано по истечении десятилетий. А вот что писал через несколько дней после восстания на Сенатской площади Федор Петрович Литке, известный полярный исследователь, впоследствии один из основателей Русского географического общества и президент Петербургской Академии наук: «Заговорщики уже открыты, и, боже великий, кого мы видим между ними. Не обольется ли сердце твое, любезный Фердинанд, прочтя имя Бестужева, этого единственного человека, красы флота, гордости и надежды своего семейства, идола, общества, моего 15-летнего друга? Прочтя имена трех его братьев, прочтя имя Корниловича, анахорета, жившего только для наук?»²

Были сосланы на каторгу Николай, Александр, Михаил и Петр Бестужевы. Позже та же участь постигла Павла, который не был членом тайного общества, но на его столике в артиллерийском училище была найдена «Полярная звезда». И хотя книга принадлежала не ему, Павел с гордостью заявил, что он брат своих братьев. За это год просидел в Бобруйской крепости, а затем был переведен в крепость на Кавказе.

В необъятной теме «Декабристы и русская культура» особое место занимает беспримерная деятельность «на пользу наук и искусств» Николая Александровича Бестужева. Он писал повести и рассказы, опубликовал «Опыт истории Российского флота» и большое число географических работ. Обширный список его трудов, приводимый в конце книги, открывается статьей об электрических явлениях в атмосфере и завершается монографией «Гусиное озеро». И это закономерно, ибо прежде всего он считал себя

¹ Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 51.

² ЦГИАЭ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 452. Л. 8. Литке — Врангелю.

географом и физиком, а затем уже историком, литератором, художником.

Н. А. Бестужев родился 13 апреля 1791 г. Отец, Александр Федорович Бестужев, правитель канцелярии Академии художеств, «был человек образованный, преданный душою науке, просвещению и службе Родине»³. «Любя науку во всех ее разветвлениях,—вспоминал об отце Михаил Бестужев,—он тщательно и со знанием дела занимался собиранием полной, систематически расположенной коллекции минералов нашей обширной Руси, самоцветных граненых камней, камей, редкостей по всем частям искусств и художеств; приобретал картины столичных художников, эстампы граверов, модели пушек, крепостей и знаменитых архитектурных зданий, и без преувеличения можно было сказать, что дом наш был богатым музеем в миниатюре»⁴.

В доме Бестужевых бывали художники, писатели, натуралисты, в том числе знаменитый естествоиспытатель академик Николай Яковлевич Озерецковский, совершивший путешествия по Беломорью и Лапландии, создавший серию трудов о географических и физических исследованиях академических экспедиций. Его капитальный труд «Начальные основания естественной истории» явился крупным вкладом в науки о Земле.

Братья Бестужевы, часто присутствуя на беседах отца с учеными и художниками, «невольнo бессознательно всасывали всеми порами»⁵ любовь к наукам, искусству, просвещению. В большой библиотеке отца было множество географических сочинений, которые особенно привлекали внимание детей.

Наиболее близок к отцу был Николай Бестужев. Именно отец развил в сыне любовь к географии, физике, математике. По свидетельству сестры декабриста Елены Александровны Бестужевой, А. Ф. Бестужев дал прочитать старшему сыну сочинение М. В. Ломоносова «Рассуждение о большой точности морского пути». А вскоре он с отцом посетил Кронштадт, где впервые увидел морское судно. «Никто,—писал впоследствии Николай Бестужев,—не вообразит того впечатления, которое производит огромный корабль, пла-

³ Воспоминания Бестужевых. С. 205.

⁴ Там же. С. 206—207.

⁵ Там же. С. 207.

вающий па воде, вооруженный громадою пушек в несколько этажей, снабженный мачтами, превосходящими высочайшие деревья, перепутанный множеством веревок, из коих каждая имеет название и назначение, обвешанный парусами, невидными, когда подобраны, и ужасными величиною, когда корабль взмахнет ими, как крыльями, и полетит бороться с ветрами и волнами»⁶.

В 10 лет Николая Бестужева определили в Морской кадетский корпус. Сильное впечатление на него произвели лекции почетного члена Академии наук П. Я. Гамалеи, автора многотомных трудов, «ожививших самые сухие науки красноречивым слогом». «Будучи почти создан им,— рассказывал Николай Бестужев о влиянии на него ученого,— получа от него любовь к науке... я со своим выпуском был его последним учеником»⁷. В письме к своему другу М. Ф. Рейнеке он подчеркивал, что учился у многих учителей, но ни один из них не мог сравниться с Гамалеей в ясности изложения «в таких сухих науках, как навигация, астрономия и высшая теория морского искусства»⁸.

Николай Бестужев показал на выпускных экзаменах столь блестящие познания в науках, что был определен для продолжения образования в Парижскую политехническую школу. «Начало 1810 года, однако, открыло загадываемые впредь намерения Наполеона, и наше отправление не состоялось»,— писал впоследствии Николай Бестужев⁹.

В Морском кадетском корпусе судьба свела его с будущим полярным исследователем, офицером русского флота Константином Петровичем Торсоном и замечательным мореведом Михаилом Францевичем Рейнеке. (Правда, с последним он познакомился уже по окончании корпуса, в котором был оставлен воспитателем.) Летом 1812 г. Николай получил предложение капитан-лейтенанта Д. В. Макарова принять участие в плавании к берегам Русской Америки. По словам Михаила, он был «готов пуститься в далекие страны

⁶ Бестужев Н. А. Об удовольствиях на море // Полярная звезда. М. Гослитиздат, 1960. С. 399.

⁷ Воспоминания Бестужевых. С. 511.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

и предавался радужным мечтаниям, готовясь к кругосветному странствию»¹⁰. Вероятно, именно тогда он пережил те чувства, о которых позже рассказал в статье «Об удовольствиях на море».

«Послужит ли нам счастье обрести неизвестные страны?— писал Николай Бестужев.— Как изъяснить прелесть нового, неиспытанного чувствования при виде особенной земли, при вдохновении неведомого балластического воздуха, при виде незнаемых трав, необыкновенных цветов и плодов, которых краски вовсе незнакомы нашим взорам, вкус не может быть выражен никакими словами и сравнениями. Сколько новых истин открывается, какие наблюдения пополняют познания наши о человеке и природе с открытием земель и людей нового света! Не высока ли степень назначения мореходца, который соединяет рассеянные по всему миру звенья цепи человечества!»¹¹

Однако Макаров, пригласивший Николая Бестужева в число офицеров его корабля, поссорился с директорами Российско-Американской компании и был отстранен от руководства кругосветной экспедицией. К Бестужеву, покинувшему Морской кадетский корпус, обратился командир брига «Рюрик» Отто Евстафьевич Коцебу. Они встретились в Кронштадте, и Коцебу пригласил Бестужева сопутствовать ему в предстоящем вояже, а затем послал ему письмо, в котором повторял свое приглашение.

«Милостивый государь Отто Августович!— отвечал Бестужев лейтенанту Коцебу.— Получа Ваше письмо, спешу охотно подтвердить данное мною слово служить с Вами на бригае „Рюрике“ и, вручая Вам судьбу мою, поздравить как Вас, так и себя со счастливым началом преднамереваемого. Я признаюсь, что весьма нетерпеливо ожидал Вашего о том извещения и теперь совершенно начинаю предаваться моей радости, что буду в состоянии вырваться из сего бездействия, меня удушающего, и что сим случаем буду в состоянии стать на вид по дороге службы. Одно желание остается у меня то, чтобы оправдать хорошее мнение моих начальников и службою своею заплатить за выбор из среды многих моих товарищей»¹².

¹⁰ Воспоминания Бестужевых. С. 290.

¹¹ Бестужев Н. А. Об удовольствиях на море. С. 408.

¹² Воспоминания Бестужевых. С. 111.

Неизвестно, что помешало Бестужеву принять участие в предстоящем плавании, хотя он продолжал проявлять интерес к проблеме Северо-Восточного прохода до декабрьских событий 1825 г.

В 1815 г. Бестужев совершил первое плавание в Голландию, чтобы помочь русским войскам в устройстве переправ через большие реки. Но русская армия уже находилась в Париже. Голландия произвела глубокое впечатление на Бестужева: «Вместо топких болот, вместо городов, висящих на сваях над морем, как я заключал из неясных описаний Голландии, увидел море, висящее над землею, увидел корабли, плавающие выше домов, тучные пажити, чистые и красивые городки, прекрасных мужчин и прекрасных женщин»¹³.

Будущий декабрист взялся за изучение истории этой страны, при этом особый интерес проявив к периоду республиканского правления и к борьбе голландцев за независимость против испанского владычества. Он с восхищением писал о буржуазной революции XVI в., когда «голландцы показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестися дух людей свободных»¹⁴.

Когда русские моряки покидали Роттердам, их провожал почти весь город. «Русские привязали к себе всех жителей», — отмечал Бестужев. Действительно, прошагав от сожженной Москвы до Парижа, они принесли голландцам освобождение от наполеоновской тирании.

В «Записках о Голландии 1815 года» автор «обнаружил талант этнографа-наблюдателя»¹⁵.

В 1817 г. Бестужев снова отправился в плавание, на этот раз к берегам Франции. Его сопровождал брат Михаил Александрович, только что окончивший Морской кадетский корпус. Каких-либо записей об этом путешествии, принадлежащих перу Николая Александровича, до нашего времени не дошло. М. А. Бестужев неоднократно подчеркивал, что рейс из Кронштадта в Кале и обратно в Россию «лил обильною струею благотворную влагу для роста семян либерализма»¹⁶.

¹³ Бестужев Н. А. Записки о Голландии 1815 года. СПб., 1821. С. 2—3.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Гусев В. Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. С. 88.

¹⁶ Воспоминания Бестужевых. С. 239.

Семена свободолюбия во время пребывания во Франции «быстро пошли в рост и охватили своими корнями все ощущения души и сердца»¹⁷.

В 1818 г. Н. А. Бестужев вступил в масонскую ложу «Избранного Михаила», которая организационно была связана с Союзом благоденствия и к которой принадлежали Г. С. Батеньков, Ф. Н. Глинка и Ф. Ф. Шуберт, оказавший немалые услуги русской географии. Вскоре Николай Бестужев стал членом Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения, ставившего своей целью распространение образования в народе. Затем судьба привела его в Ученую республику, где он подружился с А. А. Никольским, впоследствии много сделавшим для того, чтобы труды декабриста о Забайкалье, написанные в годы селенгинской ссылки, увидели свет. Под редакцией Никольского вышло 9 из 13 частей «Записок, издаваемых Адмиралтейским департаментом», которые состояли в основном из статей географического характера. Никольский в течение многих лет посылал Бестужеву в Селенгинск письма и книги от его товарищей — Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке, П. Ф. Анжу и др.

Вскоре Бестужев был назначен помощником директора маяков Балтийского моря Л. В. Спафарьева. Будущего декабриста больше всего привлекало исследование морских островов Финского залива, которые, по его словам, в это время даже для моряков являлись загадочными землями. Ему удалось осмотреть лишь Готланд да некоторые прибрежные районы Финского залива.

Затем Бестужев был прикомандирован к Адмиралтейскому департаменту. По предложению адмирала Г. А. Сарычева 27 марта 1822 г. ему было поручено «составление выписок из морских журналов, касающихся до Российского флота»¹⁸. Бестужева давно влекла история мореплавания. «Прежде мореплавания,— писал он,— самая даже мысль не смела нестись далее столпов Геркулесовых и всякий раз смиренно ложилась к их подножию; пыне всякое новое изобретение, мысль, чувствование, понятие обтекают кругом целый свет, сообщаются, усваиваются и получают права

¹⁷ Воспоминания Бестужевых. С. 240.

¹⁸ ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 665. Л. 4.

гражданства везде, куда только ветры могут занести отважного человека. Теперь посредством мореплавания повсюду настлан широкий мост благодетельному просвещению, нет более препон для сообщений человеков»¹⁹.

Эта мысль нашла дальнейшее развитие в «Опыте истории Российского флота», над которым Бестужев напряженно работал в 1822—1825 гг. Во Введении к этому труду он рассматривал начало мореходства на Руси, плавания древних к стенам Царьграда, по Черному и Каспийскому морям, походы в Поморье и на Печору. Более подробно он останавливался на русском торговом мореплавании XVII в., которое развивалось только на Каспии и в Белом море. «Море сие,— писал он о Каспийском море,— простирается в длину от севера на юг на 1000, а по наибольшей стороне на 400 верст и, принимая в себя многие реки, не имеет ни соединения с другими морями, ни других истоков и составляет донныне загадку для естествоиспытателей, недоумевающих, куда сбывает вода, обильно приносимая величайшими в свете реками»²⁰. Вопрос о колебаниях уровня Каспия и в дальнейшем будет привлекать внимание декабриста.

Гораздо подробнее охарактеризовано Белое море. Бестужев считал его безопасным для мореплавания, «кроме простирающейся от севера на юг мели у западного берега от мыса Святого до Орлова и несколько южнее сего последнего, до реки Поноя»²¹. Это замечание было справедливо только в отношении промысловых судов, что касается военных кораблей, то их в плавании по Белому морю подстерегали немалые опасности. В период работы Бестужева над «Опытом истории Российского флота» предпринимались шаги по дальнейшему исследованию мелей Белого моря, но эти попытки были малоуспешны. Лишь в 1827—1832 гг. другу Бестужева, лейтенанту Рейнеке, удалось завершить промер глубин в Белом море и создать атлас, который целое столетие служил надежным навигационным пособием.

Кратко описав портовые города Колу и Архангельск, охарактеризовав состояние торговли на севере

¹⁹ Бестужев Н. А. Об удовольствиях на море. С. 408—409.

²⁰ Воспоминания и рассказы старого моряка. М., 1860. С. 181.

²¹ Там же. С. 182.

В XVII в., он отмечал, что северные моря издавна известны россиянам и что английские путешественники, искавшие Северный морской путь в Индию, еще в середине XVI в. встречали десятки поморских судов. Николай Бестужев подробно останавливался на великих русских географических открытиях в Сибири и на севере. Рассказав о плавании Федота Алексеева и Семёна Дежнева из Колымы вокруг Чукотского полуострова в Тихий океан, он поддерживал точку зрения академика Г. Миллера, что «ни прежде, ни после Дежнева никто из путешественников не был столько счастлив, чтобы обойти Северным океаном около Чукотского носа в Восточный океан»²². По мнению декабриста, «причина успеха его путешествия была случайная или теплота лета отдалила от берегов лед, заперший с тех пор навсегда проход, отделяющий Азию от Америки»²³.

Возможно, истоки подобных суждений Бестужева лежали в изучении русских карт, где нередко за мысом Шелагским к северу проводилась прямая линия с надписью: «Вечные льды». Но, что более вероятно, здесь сыграли роль сообщения руководителя экспедиции к Северному полюсу М. Н. Васильева. Его суда летом 1820 и 1821 гг. к западу и северо-востоку от Берингова пролива встретили непроходимые льды и не смогли пробиться ни по направлению к реке Колыме, ни в сторону Атлантического океана, хотя проникли на север дальше, чем это удалось Дж. Куку. Плавание Дежнева Бестужев оценивал как выдающееся географическое открытие, благодаря которому русским стали известны Ледовитое море и северная часть Восточного (Тихого) океана. Декабрист был убежден, что имя этого морехода «останется незабвенным в летописи открытий»²⁴. Дальше Бестужев рассказывал о путешествиях Михаила Стадухина, Василия Пояркова и о плаваниях по Ледовитому морю и Восточному океану.

Интерес представляет раздел о русских лесах, простиравшихся от Балтики до Тихого океана. Бестужев описывал границы их распространения на север и юг, оценивал пригодность их для кораблестроения и отмечал их постепенное исчезновение. «За триста лет пе-

²² Воспоминания и рассказы старого моряка. М., 186. С. 186.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ред сим Россия покрыта была лесами, особенно северная ее часть; остатки истребленных лесов в средней и южной служат свидетельством, что и сии части были лесисты. Но скотоводство южных народов, истреблявших леса для удобнейших пастбищ, и земледельчество жителей средней части России, считавших до времени Петра I за полезное высекать и выжигать роши для пашен и сенокосов, оставили нам только печальные памятники обширных лесов на обнаженных долинах, на коих очень чувствителен недостаток сего благодетельного произведения природы»²⁵.

Впоследствии, в ссылке, Бестужев будет более подробно изучать вопрос о влиянии лесов на климат. Но и это попутно сделанное наблюдение весьма важно. Оно свидетельствует о необычайной широте научных интересов Бестужева в области географии. 28 июля 1822 г. Бестужев читал на заседании Адмиралтейского департамента вступление к «Запискам о Русском флоте». Департамент рекомендовал напечатать его «в каком-либо периодическом издании»²⁶. В 1823—1825 гг. были заслушаны и одобрены новые главы «Исторических записок» Н. А. Бестужева, посвященные деятельности флота в начале XVIII в.²⁷

Летом 1824 г. Бестужев участвовал в плавании на фрегате «Проворный», где выступал в качестве историка, вахтенного офицера и дипломата. Отрывки из путевого журнала декабриста увидели свет в восьмой части «Записок, издаваемых Адмиралтейским департаментом» в 1825 г. В том же году «Плавание фрегата „Проворный“» вышло отдельной книгой с приложением трех карт.

Этот труд декабриста содержит множество записей о состоянии погоды и моря, заметки, относящиеся к мореходным наукам, в том числе к географии, сведения о маяках на протяжении всего маршрута плавания из Кронштадта в Гибралтар и обратно в Кронштадт, об устройстве портов, о морском телеграфе, музеях морской истории, ботанических садах и разных достопримечательностях. Круг интересов Бестужева чрезвычайно широк. В Копенгагене он прежде всего посещает обсерваторию, затем встречается с директором Гидрографического депо и датских маяков контр-адмиралом

²⁵ Там же. С. 191.

²⁶ ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 655. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 16.

Леввернером. Этот «76-летний старец с живостью 19-летнего юноши» восхищает декабриста своей ученостью, и прежде всего обширными сведениями по картографии. Его собрание карт и книг по географии моря поражает Бестужева своим изумительным выбором, в особенности «строгой точностью и верностью»²⁸.

Фрегат «Проворный» во время плавания в Каттегате был застигнут свежим ветром. Налетевший шквал разорвал один из парусов (грот), который спешно был отвязан и заменен новым. Шесть дней шторм трепал корабль в проливах. Лишь 3 июля 1824 г. «наконец выбрались в Немецкое море». Положение усугублялось тем, что в продолжение этого времени стояла туманная погода, которая «не позволяла взять ни одной обсервации»²⁹.

Кратко рассказал декабрист о пребывании во французском порту Бресте. «Сей рейд,— писал он,— закрыт кругом, подобно Свеаборгскому; вид города, построенного амфитеатром, великолепен и чрезвычайно украшается старинным замком, служившим дворцом славной Анне Бретанской. Одна башня, сказывают, восходит построением своим до времен Юлия Цезаря. Теперь она выкрашена белую краскою, чтоб стоящий перед нею телеграф был виднее, а из апартаментов Анны Бретанской сделаны казармы»³⁰.

С глубокой теплотой Бестужев писал о приморских жителях Бретани, назвав их «наилучшими мореходцами». Живя на скалистых берегах бурного моря с его опасными подводными и надводными камнями и в опасной близости от еще «более опаснейших соседей», бретонцы, по словам декабриста, приобрели удивительные способности к отважным плаваниям на своих судах, на которых они во время последней войны на виду у англичан смело пробирались между прибрежными скалами и мелями. «Бретонцы искренни, добродушны, гостеприимны и имеют все добрые качества, свойственные северным пародам»³¹. Эти замечания об отличиях этнического типа бретонцев высоко оценивают советские этнографы³².

²⁸ Бестужев Н. А. Выписка из журнала плавания фрегата «Проворный» в 1824 г. // Зап. Адмиралт. деп-та. 1825. Ч. 8. С. 36.

²⁹ Там же. С. 32.

³⁰ Там же. С. 36.

³¹ Там же. С. 77.

³² Гусев В. Е. Вклад декабристов... С. 88.

Более подробно Николай Бестужев останавливается на описании Атлантического побережья Франции и климатических особенностей Бретани. «Вся Нормандия, Бретань и прочие провинции до самой Испании окружены скалами и подводными камнями,— отмечал декабрист.— Берега, опоясывающие сии провинции, состоят из высоких известковых, меловых или грапитных утесов. Внутрь земли почва очень плодородна. Бретань в особенности славится чрезвычайно крупною клубникою, вывезенною из Хили. Климат Бретани дурен, дождлив и туманен, только и перемены дождя с солнцем часты. Причиною сему положение провинции при [Английском] канале, куда собираются все туманы и дожди, идущие из Атлантического океана в наши моря»³³.

Бестужев положил на карту берега в окрестностях Бреста, его рейд и выходы из канала и Атлантического океана. Эта карта увидела свет в 1825 г. и публикуется в нашем исследовании как одно из свидетельств неустанных трудов декабриста на поприще географии.

Не менее интересны гидрографические заметки Бестужева о Гибралтаре, вход в который открылся мореплавателям 5 августа 1824 г. Прежде чем войти в пролив, моряки спустились к берегам Африки до мыса Спартель и города Танжер. «Африканские горы дики и суровы,— писал Николай Бестужев,— густая атмосфера давит их, опоясывает облаками и закрывает вдали какую-то фиолетовую полосу»³⁴. Прилежащие к Гибралтару берега Африки были нанесены декабристом на карту, которая отличается высокой точностью. По его словам, вход в пролив, имеющий ширину от 14 до 20 верст, не составляет большого труда для парусных судов, поскольку изрядные глубины позволяют приближаться на недалекое расстояние к его берегам³⁵. Кораблям предпочтительнее держаться Африканского берега, потому что у противоположного, Европейского берега, начиная от мыса Трафальгар и до города Тарифы, имеются весьма опасные подводные камни и банки. В середине Гибралтарского пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном, по утверждению декабриста, всегда наблюдалось сильное те-

³³ Бестужев Н. А. Выписка из журнала... С. 75—76.

³⁴ Там же. С. 93.

³⁵ Там же. С. 87—88.

чение, направленное с запада на восток. По его мнению, вызвано оно было приливами и отливами в Атлантическом океане, которые направлены в проливе в сторону Средиземного моря.

«В замену сего течения,— продолжал Бестужев,— около обоих берегов есть по два на каждой стороне, так что одно всегда идет с приливом, другое обратно и при отливе так же. Черты, отделяющие сии течения от среднего и каждое между собою, очень заметны на поверхности воды. Независимо от среднего течения есть еще другое в некоторой глубине от горизонта воды, направление которого всегда идет к западу. Прилив идет в Средиземное море до Малаги, где делается вовсе неприметен»³⁶.

Бестужев охарактеризовал климат Гибралтара, невыносимо жаркий при холодных ночах и обильных росах. Лето продолжалось около 10 месяцев. Иногда в течение этого периода не выпадало ни одного дождя, и тогда все высыхало и сгорало. Лучшее время года здесь — зима: дни становились прохладнее, засуха сменялась перемежающимися дождями, растения и деревья оживали, земля покрывалась зеленью, воздух становился свежим и живительным, а водоемы наполнялись водой (большую часть года воду доставляют на ослах из Испании). Вместе с тем Бестужев отмечал, что климат в Гибралтаре вообще здоровый. Исключения составляют лишь периоды, когда дуют восточные ветры и «приносят с собою жаркую, удушливую и сырую погоду, которая, расслабляя человека, причиняет простуды, головные боли и другие припадки». «Говорят,— продолжал декабрист,— будто бы при этом ветре ничего не должно запасать впрок. разливать вина, солить мясо и проч., иначе все будет вскорости испорчено»³⁷.

Очерк о Гибралтаре интересен не только с научной точки зрения. Многие его страницы посвящены подвигам «конституционных испанцев» в их неравной схватке с французскими войсками. Эти социальные мотивы усилены, обострены и звучат как призыв к борьбе за свободу. Раздел книги о пребывании фрегата «Проворный» в Гибралтаре был напечатан Николаем Бестужевым в знаменитой «Полярной звезде», которую

³⁶ Бестужев Н. А. Выписка из журнала... С. 84.

³⁷ Там же. С. 101.

издавал его брат Александр совместно с Рылевым³⁸.

После четырехдневного отдыха в Гибралтаре фрегат «Проворный» снова вышел на просторы Атлантического океана. 6 августа моряки уже находились в Плимуте. Здесь их пять дней держали в карантине, но и затем английские власти не разрешили морякам сойти на берег. «Не имея права съезжать с фрегата,— писал Николай Бестужев,— нельзя ничего сказать о Плимуте». Декабрист вынужден был ограничиться лишь съемкой Плимутского рейда, карту которого он опубликовал в 1825 г.

Фрегат «Проворный» взял курс на Кронштадт, куда прибыл днем 17 сентября.

В продолжение всего плавания на судне установилась атмосфера откровенного обмена мыслями о современном состоянии и будущем Отечества. Многие офицеры разделяли свободололюбивые убеждения Бестужева. Не случайно более половины команды было привлечено к следствию по делу восстания на Сенатской площади, в том числе Епафродит Мусин-Пушкин, Василий Шпейер, Михаил Бодиско, Александр Беляев, Петр Миллер, Дмитрий Лермантов.

Вернувшись в Петербург, Бестужев активно включился в деятельность Северного общества. Вместе с тем декабрист успешно занимался и делами морской службы. Его путевые записки о плавании на фрегате «Проворный» были тепло встречены в Петербурге.

Как видно из переписки Ф. Ф. Беллинсгаузена с начальником Морского штаба, в январе 1825 г. адмирал Сарычев предложил Адмиралтейскому департаменту избрать в почетные члены Николая Бестужева. «Отличные его дарования, познания в науках и словесности, а равно полезные труды по морской части известны всем членам департамента и делают его по всей справедливости заслуживающим чести принадлежать к сословию нашему,— писал Сарычев. Таковой знак внимания нашего к сему достойному офицеру усугубит в нем ревность к оказанию дальнейших успехов на поприще службы и занятий ученых»³⁹.

Это предложение Адмиралтейский департамент «принял с удовольствием», и Ф. Ф. Беллинсгаузен

³⁸ Бестужев Н. А. Гибралтар // Полярная звезда. СПб., 1825. С. 614.

³⁹ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2410. Л. 1.

27 января 1825 г. обратился с просьбой к начальнику Морского штаба А. В. Моллеру дать согласие на баллотирование Бестужева в почетные члены. Через три дня согласие было получено.

30 января 1825 г. Бестужев был единогласно избран членом государственного Адмиралтейского департамента — коллегиального учреждения морского ведомства, — который ведал ученой деятельностью флота, в том числе подготовкой и снаряжением экспедиций, гидрографическими работами на морях, заведовал учебными заведениями, музеями, библиотеками, обсерваториями, издавал карты и сочинения по морской части. В «Записках» этого департамента впервые увидела свет и часть трудов декабриста.

Так Бестужев стал членом учреждения, чрезвычайно много сделавшего для развития русской географии. Его членами в то время были Сарычев, Головин, Крушевский, Беллинсгаузен, Рикорд, Литке.

Единогласное избрание Бестужева в почетные члены Адмиралтейского департамента явилось признанием его заслуг как географа, историка, гидрографа и литератора. Современники называли его «созвездием талантов», «красой и гордостью флота». По словам сестры Елены Александровны, его любило пол-Петербурга. За семь лет, с 1818 по 1825 г., он опубликовал свыше 25 работ по различным отраслям наук и художеств (многие рукописи были уничтожены после разгрома восстания на Сенатской площади ⁴⁰).

В середине 1825 г. Бестужев был определен директором музея при Адмиралтейском департаменте. «Тут, — писал о брате Михаил Бестужев, — открылось обширнейшее поприще для его умственной и технической деятельности»⁴¹. Архив и модели музея находились в хаотическом состоянии. Ему ничего не оставалось, как привести в порядок сваленные в кучу, покрытые пылью документы.

По свидетельству М. Ю. Барановской, Николай Бестужев «пополнил виды новооткрытых и освоенных русскими моряками земель, систематизировал по группам вывезенные оттуда уникальные предметы и составил указатель музея с кратким, но ясным описани-

⁴⁰ Литературное наследство. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60, кн. 2. С. 67.

⁴¹ Воспоминания Бестужевых. С. 52.

см земель и сконцентрированных в музее экспонатов»⁴².

Наряду с историческими исследованиями в научных интересах Бестужева одно из первых мест принадлежало географии и физике Земли. Со времени плавания в Голландию его увлекала метеорология, особенно электрические явления в атмосфере. Но по-настоящему эти проблемы стали занимать декабриста в годы ссылки. Напомним, что Бестужев, будучи последовательным сторонником республиканского правления в России, принимал участие в разработке плана восстания 14 декабря 1825 г.⁴³ В этот великий день Бестужев проявил мужество и отвагу, приведя на Сенатскую площадь гвардейцев.

По его словам, он сделал все, чтобы его расстреляли. Верховный суд приговорил Бестужева к «политической смерти», иными словами, к «положению головы на плаху», а затем к ссылке на каторжные работы. Эта же мера наказания, предусмотренная для «государственных преступников второго разряда», была определена и его брату, Михаилу Александровичу. 11 июля 1826 г. Николай I проявил «высочайшую милость»: для «внеурядников» — Пестеля, Рыльева, Каховского, Сергея Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина — колесование было заменено виселицей, а смертная казнь осужденных по первому разряду заменялась вечной каторгой. Вечная каторга узникам второго разряда была ограничена 20 годами. Лишь в отношении Бестужевых приговор верховного суда Николаем I был оставлен в силе. Они сослались на каторжные работы навечно.

13 июля 1826 г. на Кронштадтском рейде на борту корабля «Князь Владимир» с Н. А. Бестужева сорвали офицерский мундир, сломали над головой шпагу и вместе с одеждой бросили в море. Более года Бестужевых держали сначала в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости. В конце сентября 1827 г. они были отправлены в Читу, куда их «водворили» 13 декабря 1827 г.

В Читинском остроге начинается деятельность Н. А. Бестужева по созданию художественной портрет-

⁴² Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 41.

⁴³ Печкина М. В. 14 декабря 1825 г. М.: Мысль, 1975, С. 15.

ной галереи своих товарищей по заточению. Он принимает участие в занятиях казематной академии, выступая с лекциями по истории Российского флота. Декабристы (Лорер, Розен, Басаргин) называют Бестужева гениальным человеком, необыкновенно одаренным изобретателем, мастером с золотыми руками. Высокий авторитет и необычайно широкий круг интересов Николая Бестужева в литературе и искусстве, политике и механике, естествознании и истории не могли не оказать влияние на занятие декабристов в Чите и в особенности в Петровском заводе, где обсуждались новости не только политики, но и науки. И Читы и Петровский завод декабристы называли чудесной школой и основой своего «умственного и духовного воспитания» (Оболенский, Беляев)⁴⁴.

В первое время, по словам М. А. Бестужева, в Читинском остроге «читать было нечего, кроме „Московского телеграфа“ и „Русского инвалида“, которые давал комендант под большим секретом». Но постепенно через своих родственников и жен, последовавших за мужьями в Сибирь, узники получили все представлявшие интерес издания, выходившие в России и за границей.

В Петровском заводе составила обширная библиотека, в которой было около «полумиллиона книг» (Завалишин) и «большое число географических карт и атласов» (Якушкин). По словам Николая Бестужева, в годы заточения он не испытывал недостатка в духовной пище. «Живучи в каземате, в обществе,— писал он в 1851 г. своему другу И. И. Связеву,— мы складывались понемногу, а выписывали много, много журналов, и между ними много ученых, как русских, так и иностранных, между прочим, и Академические записки»⁴⁵. Бестужев признавался впоследствии, что во всех журналах и газетах прежде всего искал «новости по части наук» и все свое «время посвящал наукам, опытам, наблюдениям»⁴⁶.

Безусловно, наука в годы каторги занимала главное место в жизни декабриста. «Область наук невозбранима никому,— писал он брату Павлу,— можно отнять у меня все, кроме того, что приобретено наукою, и

⁴⁴ Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. С. 106—107.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 4. Л. 32. Бестужев — Связеву.

⁴⁶ Там же. Л. 92. Бестужев — Связеву.

первейшее и живейшее мое удовольствие состояло в том, чтобы всегда следовать за наукою»⁴⁷.

Еще в Чите Н. А. Бестужев начал работать над более простым, точным и дешевым хронометром, столь необходимым для определения местоположения корабля в море. В Петровском заводе, в казематах которого сначала не было окон, а затем «дали света на грош», он в светлое время суток продолжал заниматься изготовлением часов. Вечерами при тусклом свете свечи, по словам М. А. Бестужева, его брат читал новые книги и журналы, а ночью писал статьи о свободе торговли и промышленности, о температуре земного шара⁴⁸. Изучение климатических особенностей сначала Читы, а затем Петровского завода было наиболее доступной областью ученых занятий узников.

В письмах Н. А. Бестужева, отправленных им из каземата, содержатся заметки метеорологического характера. «У нас также осень была длинна,— сообщал декабрист 29 января 1837 г. из Петропавловского завода брату Павлу, жаловавшемуся на продолжительность петербургской осени,— хотя вообще здешняя метеорология совершенно противоположна вашей: когда у вас тепло — у нас жестокие морозы; а если во всей Европе зимы холодны, у нас на вершинах Гималаев все удивляются тому, что стужа не восходит выше 30°»⁴⁹.

Из дальнейшего текста этого письма становится очевидным, что декабристы для метеорологических наблюдений располагали не только термометрами, но и барометрами. «Не подивись,— продолжал Н. А. Бестужев,— что мы считаем себя жителями гималайскими: Тибетский хребет со своими Гималаями, Давалаши и другими еще высочайшими горами есть отец наших Яблонных, Становых и других хребтов, и мы если живем не на самой высокой точке Азиатского материка, по крайней мере близко к оной. По приближенным вычислениям нашим, по неверным барометрам, которые приехали из России попорченными, наша высота над морем около 1 1/2 версты; суди же, в каком разреженном воздухе существуем мы, несмотря на то что окружены болотами, или, лучше сказать, в физическом отноше-

⁴⁷ Там же. Д. 9. Л. 100.

⁴⁸ Воспоминания Бестужевых. С. 322.

⁴⁹ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л.: Изд-во политехторжана, 1933. С. 256,

нии они еще больше увеличивают разреженность воздуха»⁵⁰.

В переписке декабриста содержится немало оригинальных мыслей о влиянии рельефа местности на климат, об электрических явлениях в атмосфере. «Электричество,— писал декабрист 29 января 1837 г. брату Павлу,— здесь так сильно, что зимою нельзя ни до чего дотронуться, чтобы не выскочила искра; шуба твоя блещет, когда ты ее спимаешь; волосы сыплют искры и становятся дыбом, если чесать их гребенкою; дверь, крашенная масляною краской, светится, если проведешь по ней быстро рукою, и это напряженное состояние атмосферы вредно всем, имеющим слабые нервы. Не только все наши дамы (жены.— *В. П.*) страдают, но даже многие здешние уроженцы жалуются на непрерывное расстройство нервов. Сверх того, почва, почти составленная из железных руд, составляет для нас как бы „лейденскую банку“, в которой мы живем»⁵¹.

Это — первое в истории метеорологических наблюдений замечание об особенностях электрического состояния атмосферы в Забайкалье, совпадающих в общих чертах с теми, которые наблюдаются в наше время на внутриконтинентальных антарктических станциях. Интересно оно также тем, что декабрист чрезвычайно точно подметил то влияние, которое оказывают климатические условия на здоровье человека.

Символично, что самая первая известная научная статья декабриста относится к области метеорологии. Под названием «О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям» она была опубликована в 1818 г. в журнале «Сын Отечества». По мнению Н. А. Бестужева, ученые единодушны в том, что электричество участвует в атмосферных явлениях. Однако существующие мнения и теории весьма противоречивы и не могут быть признаны удовлетворительными.

Опираясь на проводимые им в течение нескольких лет наблюдения над электрическими явлениями в атмосфере, декабрист предпринимает попытку объяснить роль электричества в метеорологических явлениях. Он считал, что над земной поверхностью находится «электрическая атмосфера, которая существует около вся-

⁵⁰ Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л.: Изд-во полптка торжан, 1933. С. 256.

⁵¹ Там же.

кого наэлектризованного тела». Состояние этой «электрической атмосферы» влияет на образование облаков и тумана. При этом Бестужев отмечал, что солнце принимает «великое участие» в возбуждении атмосферного электричества, и, в частности, выпадение росы он объяснял как «падение паров при ослабевающем электричестве».

Проводя опыты с помощью скопструированной им машины, Бестужев приходил к выводу, что «электричество земное возбуждается от каковых-либо воздушных перемен». На это явление могут влиять различные причины: «Например, воздух, движущийся при умеренных ветрах, может производить электричество одного рода, раскаленный же солнечною теплотою учиняется сам проводником и тогда производит в земле электричество другого рода; низкие и болотистые места различно электризуются от сухих и песчаных, и так далее»⁵².

Николай Бестужев считал, что в изменениях количества электричества и в соотношениях электрических зарядов кроется главная причина атмосферных перемен, с этих позиций он и объяснял такие метеорологические явления, как дождь, снег, град, туман, гром, молния. На его взглядах сказалось стремление его современников-физиков видеть в электричестве универсальное явление, обуславливающее физические процессы, происходящие на Земле.

Следует подчеркнуть, что Бестужев не смотрел на предложенную им теорию как на истину в последней инстанции. «Не будучи сам глубоким ученым,— писал он,— могу легко ошибаться в мнениях моих; но со всем тем приглашаю господ испытателей природы повторить мои опыты и проверить их собственными, которые, если и докажут справедливость и ошибки в предлагаемом мною, то по крайней мере приведут к дальнейшим открытиям по сей части и усовершат то, что ждет еще усовершенствования»⁵³.

Декабрист в годы каторги весьма внимательно следил за успехами в изучении атмосферного электричества. Это видно из его письма к брату Павлу, отправленного из Петровского завода в январе 1837 г.:

⁵² Бестужев Н. А. О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям // Сын Отечества. 1818, Ч. 49, С. 314.

⁵³ Там же. Ч. 50, С. 33—34.

«Мы теперь читаем по временам различные теории ученых, выведенные из метеорологических опытов о северном сиянии, о граде, грозе, дожде и проч., а я, бедный человек, еще в 1818 году в „Сыне Отечества“, кажется в ноябре или декабре, поместил статью „О электричестве в отношении к воздушным явлениям“, где моя теория, изложенная перечневым образом и с робостью первого опыта, удивительно как отвечает нынешним требованиям. Я не мог тогда доказывать и не смел этого сделать, но имел предчувствие, что магнитность, электричество, гальванизм и даже притягательная сила суть не что иное, как только явления одной и той же силы. Это я сказал, оканчивая статью,— и что же? Ныне все это доказано: даже думают, что притягательная сила есть мать всех явлений...»⁵⁴

На протяжении многих лет Бестужев вновь и вновь возвращался к положениям своего первого метеорологического труда и отмечал, что все его выводы подтверждены современными исследованиями и предположения, сделанные за 30 лет, оправдываются. «Я скавал еще тогда,— писал Бестужев профессору Горного института И. И. Свиязеву, — что электричество, гальванизм, химизм, магнетизм суть развития одной и той же притягательной силы. Теперь, когда столько ученых во всех концах света, которые и не слыхивали о моей статье, написали в разных отрывках, статьях, сочинениях о результатах своих опытов, теперь никто не сомневается, что все эти силы суть одни и те же»⁵⁵.

Далее Бестужев напоминал, что в той же статье он охарактеризовал природу северного сияния, над объяснением которой теперь хлопочут «новейшие физики». Действительно, в статье о значении электрических явлений в атмосферных процессах декабрист определил «полярные сияния как безмолвное излияние избыточествующего электричества», что соответствует современным научным представлениям.

Полярные сияния, как и электрические явления в атмосфере, оставались в центре естественнонаучных интересов декабриста в Сибири. Известно, что Бестужев считал необходимым организовать систематические

⁵⁴ Бестужев Н. А. Статьи и письма. С. 257.

⁵⁵ ИРЛИ, Ф. 604. Оп. 1. Д. 4. Л. 169. Бестужев — Свиязеву.

наблюдения за полярными сияниями и просил содействия в этом вопросе Рейнеке. Ученый-моряк, оказавший важные услуги русской метеорологии созданием многих станций и обсерваторий на морях России, впоследствии включил предложения Бестужева в инструкции для наблюдений в морских портах.

На поселении в Селенгинске Бестужев пытался приступить к изучению взаимосвязи различных атмосферных явлений. Об этом свидетельствует приводимый ниже отрывок из неопубликованного письма декабриста от 2 августа 1851 г. к Свиязеву: «Природа очень проста в своих законах, и, кажется, этот закон один, но он проявляться может только в движении. Это немножко смело и темно, и пока не выражусь как-нибудь яснее, то я обращусь снова к электричеству просто. Мои наблюдения над барометром и термометром, хотя плохие, хотя прерываемые почасту отлучками по хозяйству, например, я теперь еду на покос за 15 верст и пробуду не менее 2 недель и проч., но все-таки наблюдения эти ведут меня кое к каким заключениям. Недалеко как две недели назад барометр спустился до 26^а и у нас был страшный проливной дождь, который наделал много вреда»⁵⁶.

Потоки воды, увлекая камни, песок и деревья, волнами катились в Селенгу. Затем давление упало еще на один дюйм, облака спустились до половины окрестных гор и неистово клубились. Следующим утром разразился необычайный ливень, который в течение получаса залил окрестности. Хотя дождь перестал, но давление продолжало падать и к полуночи достигло 25 дюймов и только затем стало повышаться. Судя по этому письму, Бестужева занимали вопросы изучения взаимосвязи электрических явлений в атмосфере с температурой, давлением и влажностью воздуха. Он сожалел, что не имеет и не может изготовить инструменты для наблюдения за атмосферным электричеством. В том же письме, которое в значительной части посвящено метеорологическим наблюдениям декабриста, он неоднократно возвращался к мысли о необходимости систематического изучения атмосферного электричества.

«...Во всех метеорологических наблюдениях, какие мне удавалось видеть опубликованными,— писал он

⁵⁶ ИРЛИ, Ф. 265. Оп. 2, Д. 235. Л. 10. Бестужев — Свиязеву,

Свиязеву,— есть все: и степень плотности воздуха по барометру, и термометрическое его состояние, и степень упругости паров, и склонение и наклонение магнитной стрелки, а главной, по-моему, причины всех этих явлений — электричество — вовсе не наблюдают»⁵⁷.

В другом письме Свиязеву Бестужев отмечал, что с большим удовлетворением читал в «Петербургских ведомостях» о переговорах директора Главной физической обсерватории академика А. Я. Купфера с западноевропейскими метеорологами о единстве наблюдений. В то же время он был глубоко огорчен тем обстоятельством, что наблюдения за атмосферным электричеством еще не стали предметом систематического и тщательного изучения и что это важное явление регистрируют лишь отдельные частные обсерватории, а не государственные геофизические сети⁵⁸.

Выйдя в 1839 г. на поселение в Селенгинск, Бестужев продолжал изучать особенности климата Забайкалья. Он стал вести метеорологические наблюдения. И хотя журнал с его записями, по-видимому, не уцелел, до нас дошли интересные сведения о климате Селенгинска, которые он сообщал в письмах к родным.

13 сентября 1838 г. «Климат здесь здоровый и превосходный в сравнении с нашим Петровским и вашим Петербургом. Чистый горный воздух, очищаемый быстрою рекою, отсутствие болот и песчаная почва, которая неприятна в другом отношении (песчаными бурями.— В. П.), устраняют болезни. Мы до сих пор едим дыни и арбузы, выращенные на открытом воздухе. Дни у нас стоят жаркие до сего числа; ночи были такие же, если б прохлада реки без всякой сырости не умеряла их. Не подумай же, однако же, из этого описания, что я хочу представить Селенгинск земным раем...»⁵⁹

25 октября 1839 г. «Осень стоит у нас на диво. Вот уже ноябрь на носу, а я еще не прятал своего носа в теплую шубу; бесснежье еще более обманывает ощущение к холоду. Уже близ двух недель несет по

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 23. Л. 54—55. Бестужев — Свиязеву.

⁵⁸ Там же. Л. 59. Бестужев — Свиязеву.

⁵⁹ Бестужевы Михаил и Николай: Письма из Сибири. Иркутск: Восг.-Сиб. кн. изд-во, 1933. С. 9—10.

реке шугу (по вашему салу), а она при полдневных оттепелях и не думает становиться. Некоторые протоки замерзли, образовались далекие забереги, и по ним я катаюсь на коньках и люблюсь через хрустальную поверхность льда, как под моими ногами играют на солнце мириады разноцветных рыбок»⁶⁰.

15 ноября 1839 г. «Осень... здесь была необыкновенно хороша; и теперь выдаются дни очень хорошие, хотя холода восходят иногда до 25° и более»⁶¹.

20—21 мая 1840 г. «Ныне необыкновенная засуха с весны, до сих пор продолжают [лесные] пожары, кончающиеся обыкновенно с обильными дождями. Сегодня мы были порадованы дождичком, который шел и не более часу, но все-таки помочил сколько-нибудь и поможет всходам хлеба и травы»⁶².

Селенгинск не походил на земной рай для земледельца. Николай Бестужев писал впоследствии в «Гусином озере», что характерной чертой климата Забайкалья являются частые засухи. Лишь весна 1852 г. «обещала нам хорошие урожаи». По его словам, «хлебы, травы взошли прекрасно, однако по 12-летней привычке природа до начала июня отказала нам в дождях, а потому все всходы выгорели»⁶³.

Однако и последующие годы были неблагоприятными для земледельцев. «Не знаю, как у Вас,— писал Николай Бестужев Ивану Пущину 24 июня 1854 г.,— а наше лето совершенно не похоже на лето. С марта началась весна; в апреле в тени бывало 22°, но с мая начались холода: 27-го был мороз 5°; 10 июня, в самое солнцестояние, пал иней и мороз в 1°; потом прошли проливные дожди, затопившие подвалы, погреба, смывшие все огороды и испортившие все дороги. Зато проглядывали теплые дни, знойные, как в Африке. Засухи были таковы, что кругом горели леса, и я должен был целую неделю жить между огнем и сильными ветрами, чтобы потушить пожар, грозивший истреблением всего нашего покоса и займки, на нем стоящей. И теперь едва держу перо в обожженной руке»⁶⁴.

⁶⁰ Там же. С. 17.

⁶¹ Там же. С. 21.

⁶² Там же. С. 41.

⁶³ Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. СПб., 1861. С. 504.

⁶⁴ Бестужев Н. А. Статьи и письма. С. 271.

Бестужев подметил, что частые лесные пожары и нерациональное истребление прежних дремучих лесов повлекли за собой уменьшение запасов вод, которые питали реки и ручьи. «Болота высохли,— писал он сестре Елене,— речки пересохли, источники иссякли». Все это привело к резкому изменению климатических условий, к частым засухам и связанным с ними недородам, хотя в прежние годы урожаи были почти баснословные⁶⁵.

Влияние метеорологических условий на урожай, на созревание трав стало предметом изучения Бестужева. (При этом преследовались не только научные, но и определенные практические интересы, так как Бестужев получил надел земли и его обработкой добывал средства к существованию.) Но еще раньше этими вопросами занялся его друг, участник Первой русской экспедиции к Южному полюсу Торсон.

Исследователи наших дней, располагающие обширными и многолетними метеорологическими данными, считают, что «первая половина лета в Забайкалье характеризуется малоблагоприятными климатическими условиями для развития сельскохозяйственных культур»⁶⁶. Эту особенность климата Забайкалья одними из первых подметили Бестужев и Торсон. Более того, они первыми обратили внимание на незначительное количество осадков, особенно зимой, на большую сухость воздуха, на частые песчаные бури и заморозки.

Бестужев пытался выявить взаимосвязь сейсмических и гидрометеорологических явлений и, ведя собственный метеорологический журнал, отмечал поразительное согласие «убыли и прибыли воды» в реке Селенге с землетрясениями, которые часто наблюдались в окрестностях Селенгинска⁶⁷.

Декабрист следил за известиями о погоде в различных районах земного шара и пытался сравнить ее ход с ходом атмосферных процессов в Селенгинске. «С некоторой поры,— писал он брату Павлу 26 апреля 1844 г.,— здесь климат совершенно изменился, и не знаю, придет ли эта атмосферная революция в прежний порядок. Во всей Европе жалуются на перемену

⁶⁵ Бестужевы Михаил и Николай: Письма из Сибири. С. 24.

⁶⁶ Щербакова Е. Я. Климат СССР. Л.: Гидрометеиздат, 1971. Вып. 5: Восточная Сибирь. С. 225.

⁶⁷ Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. М.: Военмориздат, 1946, С. 221.

климата; где беспрестанные холода, где нет вовсе зимы, где дождь, где дождь и наводнение, а где засуха. У нас, где климат всегда в известную пору года был ровен, дуют беспрестанные жестокие ветры и вследствие того нескончаемая засуха»⁶⁸.

Даже при той скудной информации о погоде, которая поступала в Селенгинск (газеты и журналы в ту пору доставлялись в Сибирь на почтовых тройках спустя несколько недель и даже месяцев после их выхода в свет), Бестужев отметил аномальные особенности атмосферных процессов в начале 40-х годов XIX в. Привлекали они внимание многих метеорологов, в том числе А. И. Воейкова.

Бестужев высоко оценивал успехи отечественной метеорологии, поэтому он приветствовал создание регулярной, постоянно действующей геофизической сети, издание ее наблюдений и основание Главной физической обсерватории как знаменательное событие в научной жизни России. Бестужев писал Свиязеву: «Есть труженики науки, которых имя приятно звучит в слухе каждого образованного человека: таковы имена Струве, Купфера, тем более что они наши русские ученые, у которых приезжают иностранцы учиться. Заведование физической и магнитной обсерваторией, свод метеорологических наблюдений по всей России — труд огромный, труд неоценимый для науки и для человечества, которое добивается приподнять завесу, за которою природа хранит свои тайны. Живучи даже здесь, я знаю, каких хлопот стоит свод наблюдений от устроенных по всему пространству России магнитных обсерваторий...»⁶⁹.

По мнению декабриста, в научных исследованиях, и в особенности в геофизических, следует умело сочетать анализ и синтез. Наблюдавшееся в науке увлечение только анализом явлений вело к «ложным умозаключениям». Следовало, по словам Бестужева, помнить, что «синтез оказал много услуг науке, указав путь, по которому она должна следовать». Он говорил о необходимости обобщения метеорологических наблюдений в целях разработки теоретических проблем и приложения их на пользу Отечества. «Частные замет-

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 4. Л. 166. Н. А. Бестужев — П. А. Бестужеву.

¹⁹ Там же. Д. 23. Л. 54, Бестужев — Свиязеву.

ки,— продолжал декабрист,— как бы они ни были многочисленны, без синтеза не могут согласоваться, потому что не могут сами по себе относиться к необходимому закону как к общей связи всех явлений... Думаю, что время от времени надобно сгруппировать опыты и приводить их в какую-нибудь (синтетическую форму) для дальнейших исследований»⁷⁰. Бестужев понимал, что закономерности геофизических процессов могут быть выведены на основе исследования причинности и взаимосвязи природных явлений во всей их сложности и многообразии.

Рассмотренными метеорологическими изысканиями Бестужева не исчерпывается его вклад в русскую геофизику. Еще не найдены его тетради со статьями об атмосферном электричестве, написанными в годы казни и ссылки, не установлено и местонахождение его метеорологического журнала...

В июле 1839 г. Н. А. и М. А. Бестужевы одними из последних покинули казематы Петровского завода. Местом своего поселения они избрали Селенгинск, где уже проживал их друг Торсон. Бестужевым выделили по 15 десятин земли в 15,5 версты от города, в живописной Зуевской пади. Вот как описывал местность Н. А. Бестужев: «...два хребта гор тянутся по обе стороны до самой Селенги, в вершине пади течет ручей, который бежал в прежние времена в Селенгу, но ныне, не добежая середины, исчезает под землею. Кругом ключика растут тальниковые кусты, перемешанные красным смородником, который называют здесь кислицей. Выше в горы есть прекрасные места для прогулки: леса, наполненные шиповником и другими пахучими кустарниками, где брусника рождается изобильно. Оттуда же [открывается] прекрасный вид на Гусиное озеро, которое протягивается верст на 40 в длину и верст на 20 в ширину»⁷¹.

Живя в Селенгинске, Бестужев мог отлучаться лишь на 15 верст. Чтобы выгнать овец на принадлежавший ему надел, декабристу следовало всякий раз обращаться за разрешением к петербургским жандармским властям. Нелепостей в его положении было много, но самая досадная состояла в том, что на поселении он больше всего страдал от недостатка пищи своей.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 23. Л. 54. Бестужев—Связеву.

⁷¹ Бестужевы Михаил и Николай: Письма из Сибири. С. 45.

му любознанию⁷². «Впрочем,— писал он И. И. Свиязеву,— к лишениям мне не привыкать стать, но то беда, что духовной пищи, к которой я привык, мне недостает»⁷³.

Бестужевы выписывали вместе с соседями три журнала и две газеты, но этого было крайне мало, чтобы следить за успехами науки. Недостаток средств не позволял «иметь вполне» книги и журналы. «Сверх того,— писал он Свиязеву,— и голос мой не может быть слышен на таком отдаленном расстоянии и в таком положении»⁷⁴.

Н. А. Бестужев изучал нравы и хозяйство бурят, вел метеорологические наблюдения и обследовал окрестности. Он проникал в чащобы и поднимался на возвышенности, куда заходили лишь смелые охотники. Делал это Бестужев с намерением выяснить различие или сходство здешних гор с горами вблизи Читы и Петровского завода, которые с разрешения казематного начальства ему удалось обследовать. Результаты своих первых географических изысканий он изложил в письме к брату Павлу:

«Странный характер имеют здесь все вообще горы: они округлены и засыпаны песком от подошвы до вершины. И этот песок произошел не от разрушения самих гор, но, видимо, нанесен водою; часто просеченные дороги на большой глубине обнажают взору бесконечные и параллельные слои песку, илу, хрящу, крупных обломков, голышей и часто в иловатых или песчаных слоях на больших глубинах обломки дерева. Все носит на себе печать страшного водяного переворота: сильного и долгого течения вод, замывших первозданные горы и образовавших огромные песчаные сугробы со всеми признаками направления воды. Камень виден только на вершине гор да на таком месте, где крутизна не позволяла держаться песку. Я не могу теперь припомнить характера гор, виденных мною по ту сторону Байкала, но по сию сторону везде тот же песок от Байкала до Читы и, может быть, далее; так что Яблонный хребет, разделяющий Забайкалье на две половины, до самой вершины представляет то же явление, и оба ската его одинаковы»⁷⁵.

⁷² ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 15. Л. 199. Бестужев — Свиязеву.

⁷³ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 235. Л. 15. Бестужев — Свиязеву.

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 15. Л. 199. Бестужев — Свиязеву.

⁷⁵ Бестужевы Михаил и Николай: Письма из Сибири. С. 14—15.

Бестужев много раз говорит в своих письмах, что одно из любимых его занятий состоит в скитаниях по горам Забайкалья. Он обследовал Селенгу и реки Темник, Убукун, Загустай, изучал следы недавних землетрясений, тщательно осматривал в разломах горные породы. Особенно влекло Бестужева Гусиное озеро, которое простиралось в длину на 30, а в ширину на 15 верст и видом напоминало «половину луны». В июне 1852 г. в сопровождении проводника-бурята он предпринял обход Гусиного озера, на северном берегу которого никто, кроме кочующих бурят, не бывал.

Уже в первый же день дождь и гроза заставили путешественников искать пристанище в юрте бурята, с которым за чаем и рассказами засиделись до глубокой ночи. Утром Николай Бестужев добрался до северного берега Гусиного озера. Путь лежал сначала через обломки острых камней, затем через обширное болото, где увязали выше колена в грязи. Под вечер путешественники добрались до бурятского кочевья, где и остановились на ночлег. Буряты сначала пели песни, а затем рассказывали сказки. Николай Бестужев записал их и включил в состав своей монографии «Гусиное озеро»⁷⁶.

Отсюда декабрист предпринял поход вверх по реке Ахур вместе с несколькими попутчиками, собиравшимися искать месторождения золота. Вот как описывал путь Бестужев: «Тайга, в которой нет никакой тропинки, густота сучьев, которые хлещут по глазам, а пожалуй, и проткнут насквозь, если зазеваешься; валежник, перегораживающий поминутно дорогу, кусты смородины, сквозь которые с трудом продирается лошадь, так что спелые ягоды прыщут во все стороны; болота, чрез которые нельзя проехать верхом, а надо отпустить одну лошадь, а то она увязнет и со всадником, а потом перебираться с кочки на кочку самому, погружаясь время от времени по пояс: вот путешествие по тайге. Прибавьте к этому, что на другой день нашего путешествия пошли дожди, так что на нас не было сухой нитки в продолжение пяти дней»⁷⁷.

⁷⁶ Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. С. 527—528.

⁷⁷ Там же. С. 549.

Пристанищем служили балаганы охотников на белок, сделанные из коры лиственниц. Они больше защищали от ветра, чем от дождей, но зато в них можно было всегда найти кусок сухого дерева, чтобы развести костер, обогреться и обсушиться.

На следующий день дождь продолжался. Поднимаясь к верховьям Ахура, шли почти все время болотами и только к вечеру поднялись на вершину горного хребта, откуда открылась великолепная картина. Бестужев увидел Селенгинские горы, покрытые снегом Тункинские гольцы, голубое пятно Байкала, Кругоморскую дорогу, охраняемую величественными вершинами, и множество других гор, над которыми гремела гроза и висели косые полосы далекого дождя.

Путешественники ночевали в кедровом лесу, где, по словам проводника, водились медведи. Однако звери не потревожили их, и они направились по реке Загустай к вершине ближайшей горы. Перевалив через нее, спустились по речке Убукун в долину. Отсюда Бестужев продолжал свое «кругоозерное путешествие» один. Речки вздулись от дождей. Гусиное озеро разлилось сильнее обычного. Опять пришлось брести по колено в воде и нередко увязать по пояс в грязи.

Вскоре Бестужев добрался до южного берега Гусиного озера, где увидел открытый пласт каменного угля. «Сожалею,— писал он,— что я не сведущ в минералогии и ботанике, а потому не могу описать Вам подробно почвы и растения. Со всем тем в общих чертах могу сказать, что оба берега, с прилежащими частями восточного и западного, каменисты; на южном берегу преобладает галька, круглая, окатанная водою; на северном — угловатый щебень, сносимый с гор весенними водами и дождями. Увалы как на той, так и на другой стороне состоят из переслоев глины, щебня мелкого и крупного, песчаника и местами валунов гранита, порфира и кварца»⁷⁸.

Во время путешествия по южному берегу озера Бестужев снова встретился с бурятами, присутствовал на их праздниках, конных скачках, состязаниях борцов. Обо всем этом он затем блестяще рассказал в труде «Гусиное озеро». По единодушному признанию этнографов, Бестужев дал «внимательное и детальное описание» различных занятий и быта бурят, в том числе

⁷⁸ Там же. С. 565.

устройства и убранства юрт, одежды и пищи, промыслов и ремесел, гаданий и игр, религиозных верований и нравственных понятий, свадебных обрядов и законов гостеприимства. Кроме того, декабрист нарисовал «своего рода этническую карту Гусиного озера», перечислив места обитания нескольких бурятских родов⁷⁹. Характеризуя жизнь, быт, культуру и хозяйство бурят, Николай Бестужев выступал как гуманист, что было присуще всем представителям движения декабристов.

Монография «Гусиное озеро», являющаяся крупным вкладом декабриста в отечественное озероведение, интересна географическим очерком о юго-восточной части Забайкалья. В нем дано одно из первых в литературе описаний Селенгинских гор, окаймляющих с юго-востока Байкал, с вершинами, вечно покрытыми снегом. «Горы,— писал Николай Бестужев,— с обеих сторон нисходят к озеру увалами, нередко подходящими к самой воде; но странность этих увалов та, что они не принадлежат горам и не составляют их продолжения, а более походят на волны самой почвы и направляются почти везде перпендикулярно к длине озера»⁸⁰.

Особенно подробно декабрист останавливался на выветривании горных пород, на пыльных бурях, которые поднимают северные ветры и несут на юг облака песка, засыпая им «мало-помалу склоны гор» и город Селенгинск, где «во многих домах есть по три забора, поставленных один над другим для защиты от вторжения неприятного гостя»⁸¹. Он обратил внимание на то, что горные системы имеют северо-восточные направления и что они в основном сложены гранитами. Он же обрисовал черты забайкальского ландшафта. Особенно его интересовали землетрясения и влияние сейсмических явлений на образование разломов.

Охарактеризовав такие реки Забайкалья, как Селенга, Темник, Загустай, Убукун, Бестужев отметил, что они питаются в основном за счет дождей, которые во второй период лета нередко вызывают наводнения. Он дал подробнейшее описание солонцов и соленых озер, считая их минеральными источниками лечебного свойства, что подтверждено современными исследова-

⁷⁹ Гусев В. Е. Вклад декабристов... С. 98.

⁸⁰ Бестужев Н. А. Рассказы и повести старого моряка. С. 468,

⁸¹ Там же. С. 492.

ниями. Он же обратил внимание на наличие в окрестностях Гусиного озера полезных ископаемых.

Весьма подробно Бестужев проанализировал причины понижения и повышения уровня Гусиного озера, которые совпадали с подобными явлениями на Байкале. Он справедливо подмечал, что понижения уровня отдельных замкнутых водоемов имеют место и в других районах земного шара, в том числе во Франции, в Бразилии, Абиссинии. Особенно интересовало декабриста понижение уровня Каспийского моря, и он пытался вывести общие закономерности этого явления.

Монографию «Гусиное озеро» в целом следует рассматривать как опыт комплексного географического исследования, в котором дана характеристика рельефа и ландшафтов, рек и озер, флоры и фауны, климата и погоды, хозяйства и населения одного из районов Забайкалья. Весьма важно, что труд прорвался через полицейские и цензурные заграждения, увидев свет в одном из лучших научных журналов середины XIX в. — «Вестнике естественных наук». Кроме того, были опубликованы статьи декабриста о «сибирском экипаже» и о бурятском хозяйстве. Необходимо подчеркнуть, что это было предпринято в то время, когда существовал строжайший запрет на публикацию трудов «государственных преступников».

В то же время Бестужев конструировал дешевый хронометр, теоретические основы которого были изложены в сочинении «О часах», не увидевшем света. Судя по его письму к Свиязеву, ему удалось достигнуть точности, отличавшей английские инструменты, какими располагал друг его детства Ф. П. Литке во время кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» для проведения «маятниковых» (гравиметрических) измерений. «Мне бы можно было, — писал Бестужев, — помириться с моими часами, если английские, лучшего мастера, грешат так же, как и мои. Но тогда я войду в общую категорию. Зачем же переделывать то, что уже есть. Разве только потому, что мои проще и дешевле»⁸².

Эта высокая требовательность к себе проходит через все ученые изыскания Бестужева. В селенгинской ссылке он создал капитальный труд «Система Мира», который бесследно исчез, как затерялся его метеорологический журнал, а также письма к Рейнеке. Сохра-

⁸² ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Д. 10. Л. 99. Бестужев — Свиязеву.

нились лишь кония одного письма⁸³ от 8 мая 1852 г. и все письма Рейнеке к селенгинскому изгнаннику. Судя по ответам Рейнеке, письма Бестужева представляли собой научные трактаты по проблемам географии, климатологии, механики, приборостроения, гравиметрии. Их утрата является большой потерей для русского естествознания.

— Бестужев не дожил до амнистии. Он умер 15 мая 1855 г. и похоронен в Селенгинске рядом со своим другом Торсоном. В лице Бестужева Россия потеряла видного исследователя, который «чуждался привилегий и известности и желал только пользы науке, а потому и человечеству». Его дела и труды останутся навсегда в памяти потомков как пример беззаветного служения своему Отечеству.

Константин Петрович Торсон (1793—1851)

Константин Петрович Торсон родился 27 сентября 1793 г. В 1803 г. его зачислили в Морской кадетский корпус. Спустя три года Торсон был произведен в гардемарины и участвовал в плавании между Кронштадтом и Петербургом. В 1808 г. он служил на гребном флоте и отличился в боевых действиях против шведов у острова Пальво, за это ему был присвоен чин мичмана. В следующую навигацию, как видно из послужного списка Торсона, он «был на фрегате „Богоявление“ в сражении 30 июля противу шведского фрегата, за что и получил от коллегии благодарность».

Торсон храбро сражался с наполеоновскими захватчиками, участвовал в заграничном походе. За «проявленное мужество и находчивость в занятой неприятелем Либаве», куда он был послан на катере за пресной водой, был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Вскоре морской министр де Траверсе объявил Торсону благодарность за «поспешное доставление» пороха в город Кольберт. Ему была пожалована также медаль на голубой ленте в память об участии в Отечественной войне 1812 г.

⁸³ Воспоминания Бестужевых. С. 507—520.

Несколько лет он служил в Балтийском флоте, а в 1819 г. был включен в состав Первой русской экспедиции к Южному полюсу Ф. Ф. Беллинсгаузена.

Выйдя в самом начале XIX в. на просторы Мирового океана, русский флот получил возможность приступить к решению важнейших географических задач своего времени. Среди них первое место занимала проблема Южного материка, который тщетно искал Джеймс Кук. Перед знаменитым мореплавателем эта часть света, по словам И. Ф. Крузенштерна, «погрузилась в бездну океана и, подобно бредням и сновидениям, не оставила по себе никаких следов».

В конце 1818 г. русским правительством было принято решение об отправке экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив. При этом инициатива исходила не из морского ведомства, а из более высоких правительственных сфер. В архиве Военно-Морского Флота, в фонде ученого комитета Морского штаба, сохранился вариант письма Беллинсгаузена к Николаю I от 13 февраля 1829 г., в котором, в частности, отмечалось, что «Александр благословенный поручил мне исполнить собственную мысль и волю в южном полушарии».

Известна записка Александра I министру финансов Гурьеву об отпуске из государственного казначейства 100 тыс. руб. для подготовки судов, отправляющихся к Южному полюсу и в Берингов пролив. Трудно предположить, что идея такого обширного научного предприятия родилась в том же кабинете. Возможно, разгадка вопроса об истинном инициаторе этой полярной экспедиции кроется на страницах зашифрованного дневника маркиза де Траверсе, который хранится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Ключ к шифру пока не найден. Однако документально известно, что именно под руководством де Траверсе осуществлялась разработка задач экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив. Она рассматривалась русским правительством как крупнейшее в мире научное предприятие в целях «приобретения полнейших познаний о нашем земном шаре». В этой работе принимали участие О. Е. Коцебу, руководитель Адмиралтейского департамента Г. А. Сарычев и И. Ф. Крузенштерн.

Адмиралтейским департаментом была подготовлена инструкция, которая предписывала мореплавателям

«производить полезные для наук наблюдения», прежде всего метеорологические, океанографические и магнитные. В частности, предусматривалось исследование особенностей климата, полярных сияний, состояния атмосферы и ее изменений, включая изучение «высших и низших ветров в сравнении с дующими близ поверхности моря». Большое внимание должно было уделяться изучению льдов, айсбергов, течений, приливо-отливных явлений, температуры и солености морской воды на различных глубинах. Важной задачей является сбор этнографических, ботанических, зоологических, минералогических коллекций. «Также стараться,— говорилось в инструкции,— собирать любопытные произведения природы для привезения в Россию в двойном числе, для Академии и для Адмиралтейского департамента, равно собирать оружия диких, их платья и украшения, что более любопытно»¹.

По хорошему отзыву «известных морских капитанов» Торсон в 1819 г. был принят в состав участников первого отряда, направлявшегося к Южному полюсу на судах «Восток» и «Мирный». Торсона определили вторым лейтенантом и вахтенным офицером.

4 июля 1819 г. корабли экспедиции покинули Кронштадт. «Восток» и «Мирный» сделали кратковременную остановку в Дании, где должны были взять двух естествоиспытателей, но ученые Мертенс и Кунде отказались от участия в плавании, поставив тем самым южный отряд в трудное положение. 28 июля моряки на Портсмутском рейде встретились со шлюпом «Камчатка» под командой В. М. Головнина, возвращавшимся из кругосветного плавания. Через месяц экспедиция покинула Англию и направилась к югу.

Во время перехода через Атлантический океан Беллинсгаузен отмечал: «Постоянная прекрасная погода доставила нам удобный случай заниматься астрономическими наблюдениями. Офицеры Завадовский, Торсон, Лесков, Демидов и астроном Симонов производили наблюдения секстантом работы известного мастера в Лондоне Троутона, и я употреблял таковой же секстант... На обоих шлюпах, исключая лейтенанта Лазарева,

¹ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов на шлюпах «Восток» и «Мирный». М.: Географиз, 1949. С. 49.

капитан-лейтенанта Завадовского и меня, до сего путешествия никто из наших офицеров не имел случая заниматься астрономическими наблюдениями, но в бытность нашу в Лондоне каждый купил себе самый лучший секстант, и все старались превзойти друг друга как в узнании и точной поверке своих инструментов, так и в измерении расстояния Луны от Солнца, и, не дошед еще до Рио-Жанейро, все сделались хорошими наблюдателями»².

В дальнейшем Беллинсгаузен несколько раз ссылался на результаты определений Торсона. В частности, 9 декабря 1819 г. офицеры «Востока» во главе с Беллинсгаузеном на широте $46^{\circ}24'57''$ измеряли расстояния от Луны до Солнца, по которым устанавливали долготу местонахождения судна. По Торсону, она оказалась равной $42^{\circ}7'22''$, причем лишь незначительно отличалась от измерений знаменитого астронома И. М. Симонова и показаний хронометров, находившихся на корабле.

2 ноября южный отряд прибыл в Рио-де-Жанейро, где застал шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», направлявшиеся в Берингов пролив. Через три недели «Восток» и «Мирный» двинулись в Южный Ледовитый океан. Прежде всего отряд осмотрел остров Южная Георгия. Взяв курс на Сандвичеву Землю, экспедиция открыла группу островов Траверсе, названных Беллинсгаузеном в честь своих спутников — Лескова, Торсона и Завадовского. Первый неизвестный остров увидели утром 22 декабря, а спустя день открыли еще один. Вот как Беллинсгаузен описывал его открытие: «Когда пасмурность и снег прекратились, мы увидели на северо-востоке высокий берег, коего вершина скрывалась в облаках; поутру на рассвете открылся остров, совершенно очистившийся от тумана, а на середине острова высокая гора; вершина ее и скаты покрыты снегом; крутизны, на которых снег и лед держаться не могут, имеют цвет темный. Остров круглый, в окружности двенадцать миль, по крутому каменному берегу неприступен, прекрасная погода позволила нам сделать полуденное наблюдение, и широта места нашего оказалась $56^{\circ}44'18''$ южная, долгота $27^{\circ}41'51''$ западная. По сему наблюдению гора на середине остро-

² Там же. С. 76.

ва в широте $56^{\circ}44'18''$ южной, долготе $27^{\circ}11'51''$ западной»³.

Правда, в книге Беллинсгаузена отмечено, что это обретение он назвал островом Высоким, «потому что он отличается от прочих своей высотой»⁴. Последняя строка, вероятно, принадлежит не Беллинсгаузену, а редактору его книги Л. И. Голенищеву-Кутузову, который в то время являлся председателем ученого комитета Морского штаба. Он осуществлял на этом посту «ужесточенно» охранительную политику и погубил не один труд, которым наша география могла бы гордиться. В частности, он повинен в том, что не были опубликованы и затем бесследно исчезли «Записки о Новой Земле» Николая Иринарховича Завалишина, брата известного декабриста, и записки Василия Степановича Хромченко о его плаваниях и исследованиях берегов и островов Русской Америки. Именно Голенищев-Кутузов потребовал, чтобы от редактирования путешествия Ф. Ф. Беллинсгаузена был отстранен Аполлон Александрович Никольский⁵, человек весьма близкий семье Бестужевых, неприменный секретарь Вольного общества любителей российской словесности. Очевидно, именно Голенищев-Кутузов «переименовал» остров Торсона и во многих случаях вычеркнул имя «государственного преступника», но, к счастью, не во всех главах. Так, остался неизменным текст путешествия Беллинсгаузена, относящийся к 29 декабря 1819 г. Описывая остров Сандерса, открытый Куком, путешественник отмечал, что его окружность составляет немногим более 30 верст, что он высок, обрывист, «покрыт льдом и снегом, но не так, как остров Торсона, хотя находится южнее»⁶.

Эти строки весьма важны. Они — бесспорное доказательство того, что 23 декабря именем Торсона был назван один из островов группы Траверсе. Но это свидетельство подкрепляется еще одним документом. В Государственном Историческом музее в Москве сохранился альбом художника Павла Николаевича Ми-

³ *Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные плавания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов на шлюпах «Восток» и «Мирный».* М.: Географиз, 1949. С. 95—96.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ ЦГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 20. Л. 41.

⁶ *Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания...* С. 99.

хайлова, участника плавания к Южному полюсу. На одном из листов альбома изображена группа «островов маркиза де Траверсе». Рядом с небольшим островом Лескова виден окутанный облаками остров Торсона.

После записи об острове Торсона имя декабриста не упоминается в третьей главе труда Беллинсгаузена, хотя имена других офицеров шлюпа «Восток» встречаются сравнительно часто. Не упоминаются и астрономические определения Торсона.

На вмешательство Голенищева-Кутузова в текст путешествия Беллинсгаузена обратил внимание командир шлюпа «Мирный» М. П. Лазарев: «Всему виноват Логин Иванович Кутузов, взявшийся за издание оно-го,— писал он своему другу А. Л. Шестакову 26 января 1834 г.— Отдал в разные руки, и, наконец, вышло самое дурное повествование весьма любопытного и со многими опасностями сопряженного путешествия. Я не знаю, в каком виде представил оно-е Беллинсгаузен, но ясно вижу, что слог в донесении моем к Беллинсгаузену после разлучения нашего и по прибытии в Порт-Жаксон изменен совершенно, а кто взял на себя это право, не знаю»⁷.

Книгу «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане», которая состояла из 59 тетрадей, кроме Голенищева-Кутузова, просматривали цензор морского ведомства и библиотечарь Морского кадетского корпуса. Одни «чужие руки» изъяли имя Торсона, другие оставили текст Беллинсгаузена в неприкосновенности, например четвертую и пятую главы, где имя декабриста упоминается наиболее часто. Во время первого плавания в Южном Ледовитом океане Торсон проявил себя пытливым исследователем. Напомним, что Торсон ежедневно нес вахту, управлял шлюпом «Восток», вел метеорологические и геомагнитные наблюдения (склонение компаса). И хотя вахтенный журнал «Востока», как и корабельный журнал «Мирного», впоследствии исчез (по-видимому, погиб вместе с архивом Беллинсгаузена), эти наблюдения вошли в состав «Двукратных изысканий в Южном Ледовитом океане».

Следует особо подчеркнуть, что этот капитальный труд не является путевым дневником только Беллинсгаузена. Напротив, Беллинсгаузен неоднократно подчеркивал, что использовал материалы и данные

⁷ Лазарев М. П. Документы. М.: Вoenмориздат, 1952. С. 150.

М. П. Лазарева, И. И. Завадовского, К. П. Торсона, Я. Прядина, И. М. Симонова, П. Н. Михайлова, А. С. Лескова и других участников плавания. И, говоря об участии Торсона в южнополярном плавании, необходимо прежде всего отметить открытия и исследования всей экспедиции.

Обследовав Сандвичевы острова, экспедиция устремилась на юг. Температура воздуха опустилась ниже нуля. «С самого рассвета до полудня,— отмечал Беллинсгаузен 5 января 1820 г.,— мы проходили множество ледяных островов и мелкого льда. Вахтенный офицер, стоя на баке, устремлял крайнее внимание, чтобы не задеть льды»⁸.

16 января 1820 г. экспедиция впервые приблизилась к «льдинному материку»⁹ и тем самым открыла шестую часть света. Спустя пять дней «Восток» и «Мирный» снова подошли к ледяному барьеру Антарктического континента и не могли увидеть его пределов. По словам Беллинсгаузена, усмотренное мореплавателями ледяное поле «было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 января, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли»¹⁰.

К такому же выводу пришел командир шлюпа «Мирный» Лазарев, который писал, что 16 января, достигнув $69^{\circ}23'$ ю. ш. и $2^{\circ}35'$ з. д., он со своими спутниками встретил «матерый лед чрезвычайной высоты» (ледяной барьер Антарктического материка). Лазарев рассматривал его с высоты мачты (салинга) и убедился, что «матерый лед простирается так далеко, как может только достигнуть зрение» с помощью зрительной трубы. «Отсюда,— писал он,— продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда встречали льдинный материк, не доходя 70° »¹¹.

В последние годы некоторые авторы датируют открытие Антарктиды не 16(28) января, а 15(27) января на том основании, что даты у Беллинсгаузена приведены по морскому счету времени. В действительности хронология Беллинсгаузена не вызывает сомне-

⁸ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания... С. 205.

⁹ Лазарев М. П. Документы. М.: Военмориздат, 1952. С. 151.

¹⁰ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания... С. 112.

¹¹ Лазарев М. П. Документы. С. 151.

ний. Дело в том, что в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота имеются документы, которые вносят абсолютную ясность в этот вопрос. В них говорится, что число месяца морских суток считается только в шканечных журналах, во всех же делах, даже в самих выписках из журналов, счисление ведется согласно гражданскому времени.

Чтобы убедиться в том, что это правило, заведенное за 60 лет до рождения Беллинсгаузена, не было им нарушено, нами была сопоставлена датировка событий в книге «Двукратные изыскания» с донесениями российских посланников в Англии и Бразилии и было выявлено точное совпадение событий не только по дням, но и по часам. В этом поиске нам оказал большую помощь Архив внешней политики России, предоставивший в наше распоряжение дипломатическую переписку об экспедиции Беллинсгаузена. Однако возвратимся к делам экспедиции.

Во время плавания в Южном Ледовитом океане офицерами экспедиции было сделано большое число астрономических определений. Разумеется, делал их и Торсон. На этом самом важном этапе путешествия его имя исчезло за словами «вахтенный офицер», «наши лейтенанты», «некоторые офицеры», хотя каждые сутки он записывал в журнал долготу и широту, температуру и давление воздуха, направление и силу ветра, состояние неба и моря, типы встреченных льдов и названия летавших над шлюпом птиц.

5 июля шлюп «Восток» находился у небольшого острова Принца Кумберленда. «...Приближаясь к северной оконечности, послал лейтенанта Торсона на ялике осмотреть берег, который местами порос кустарником,— писал Беллинсгаузен.— Астроном Симонов, штаб-лекарь Берх, лейтенант Демидов поехали с лейтенантом Торсоном. Лейтенант Лазарев послал ялик со штурманом»¹². Окружность острова, находившегося на 19° 11' 3" ю. ш. и 141° 17' з. д., составляла около 15 верст. «Торсон, Симонов, Берх и Демидов объявили, что сей узкий берег состоит из кораллов разных цветов,— продолжал Беллинсгаузен,— лес же растет невысокий, кривой, они настреляли морских птиц, с собою привезли довольно крупных морских ежей, коих

¹² Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания... С. 187.

иглы, или колючки, в шесть дюймов длины, лилового цвета, подобны грифелям»¹³.

8 июля открыли остров, поросший кокосовыми рощами, лесом и кустарником. Он находился на 17°49' ю. ш. и 141°1' з. д. Его длина составляла около 30 верст, а ширина — 7 миль. Остров назвали именем Моллера, вместе с которым служил Беллинсгаузен. Как и во время первого южнополярного плавания, Торсон снова командовал вахтой и управлял шлюпом «Восток». Если в Южном Ледовитом океане нужно было остерегаться столкновений с ледяными островами, то в тропическом поясе Тихого океана не меньшую опасность представляли коралловые рифы. И, не усмотри он один из них, неизвестно, возвратилась бы экспедиция в Россию. «18 июля после полуночи облака разошлись, луна светила и ветер был умереннее, — писал Беллинсгаузен. — В начале второго часа ночи бдительностью вахтенного лейтенанта Торсона в ночную трубу усмотрен бурун прямо перед носом шлюпа; мы тотчас поворотили, а с рассветом опять пошли к берегу»¹⁴.

Утром путешественники увидели небольшой коралловый остров, который Беллинсгаузен назвал именем вице-адмирала А. С. Грейга. Он был самым высоким из всех открытых ранее островов и находился на 16°11' ю. ш. и 146°19' з. д. Заметив, что у его северного берега море тихо и бурун весьма незначителен, Беллинсгаузен решил послать на берег лейтенанта Торсона и художника Михайлова. К ним присоединились астроном Симонов, штабс-лекарь Берх и лейтенант Лесков. «Они нарубили разных сучьев от растущих деревьев, которые все мягкой породы, наломали кораллов, набрали раковин и улиток, застрелили малого рода попугая, величиною с воробья, у которого перья прекрасного синего цвета, ноги и нос красные, совершенно подобные сафьяну; застрелили также малую горлицу серо-зеленого цвета, набрали несколько грецкой губки, обложенной мелкими кораллами.

Лейтенант Торсон по возвращении объявил, что приметил следы людей и даже места, где разводили огонь, но жителей не видел. Видели разных малых береговых птиц, малых ящериц, небольших черепах, которые уползали в воду и прятались в кораллы. В лагуне бы-

¹³ Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания... С. 187.

¹⁴ Там же. С. 200.

ла вытащена на берег старая лодка; вероятно, на сей остров, подобно как и на многие другие, жители больших островов приезжают для промысла»¹⁵.

Грядут коралловых островов, которую открыла и описала экспедиция к Южному полюсу, а также предшествовавшие ей русские кругосветные мореплаватели, Беллинсгаузен назвал островами Россиян. Дальнейший путь через океан корабли «Восток» и «Мирный» прокладывали таким образом, чтобы «принести возможную пользу географии».

22 июля 1820 г. суда экспедиции бросили якорь в Матавайской бухте Таити, великолепные виды которого привели путешественников в восторг. Еще не успели убрать паруса, как корабли были окружены лодками островитян, предлагавших кокосовые орехи, бананы, лимоны, апельсины, ананасы, плоды хлебного дерева, яблоки, кур и яйца. Беллинсгаузен приказал «под надзором Торсона» закупать все плоды и фрукты и расплачиваться стеклярусом, бисером, зеркальцами, иголками, ножницами возможно щедрее, чтобы каждый островитянин остался доволен своим торгом. В одно из посещений шлюпа «Восток» король острова Помари подарил Торсону, Лескову и другим офицерам отрезки таитянской ткани¹⁶.

27 июля моряки простились с Таити. Плывая на север, через четыре дня они открыли остров, который назвали именем М. П. Лазарева. 3 августа лейтенанты Торсон и Лесков, находившиеся на салинге, различили в зрительные трубы поросший лесом берег. Вскоре корабли приблизились еще к одному ранее неизвестному острову, который был назван по имени шлюпа «Восток».

«Над островом,— писал Беллинсгаузен об этом открытии,— непрерывно вилося бесчисленное множество фрегатов, бакланов, морских ласточек и еще особенно-го рода, неизвестных мне, черных морских птиц величиною не более голубя. Как остров не был еще известен, то, вероятно, человеческая нога не прикасалась к сему берегу и ничто не препятствовало птицам здесь гнездиться... Природа, общая всем мать, бдительно печется о всех творениях, доставляет сим птицам безопасное место, где они размножаются спокойно, и сей

¹⁵ Там же. С. 201.

¹⁶ Там же. С. 222.

остров предназначен, кажется, в особенный удел морским птицам»¹⁷.

8 августа экспедиция открыла остров Александра. За недостатком времени на обретенную землю не высаживались, Беллинсгаузен лишь приказал спустить на воду ялик и отправил Торсона с подарками для жителей, которые вышли в океан на своих лодках¹⁸.

11 августа суда экспедиции взяли курс к берегам Австралии. Спустя восемь дней путешественники открыли два острова, присвоив им имена художника Михайлова и профессора астрономии Симонова.

«Хотя обретенные острова еще не известных весьма лестно для каждого мореплавателя и вообще споспешествует распространению географических сведений,— отмечал Беллинсгаузен,— при всем том, не желая на пути к Порт-Джексону пойти на новые обретенные, дабы они нас не задержали, я спешил в сей порт для приготовления шлюпов к настоящей цели нашей, т. е. к плаванию в Южном океане»¹⁹.

Четыре месяца Беллинсгаузен и его спутники провели в тропической и субтропической зонах Тихого океана. Некоторые исследователи в связи с этим выдвинули версию, будто экспедиция Беллинсгаузена имела своей целью захват территорий в этом районе. Учитывая всю серьезность подобного заключения, мы провели тщательный анализ документов, могущих пролить свет на этот вопрос. Как выяснилось, ни один из них не свидетельствовал в пользу упомянутой версии. Более того, русское правительство категорически отвергало идею присоединения каких-либо земель в Тихом океане, хотя в то время исследования наших соотечественников распространились на все материки, а их суда были в состоянии достичь любого района Мирового океана, свободного ото льдов.

9 сентября шлюп «Восток» вошел в залив Джэксона. Здесь экспедиция провела более 50 дней, готовясь ко второму, завершающему этапу плавания в южнополярной области. Из книги Беллинсгаузена известно, что, находясь в Австралии, Торсон занимался астрономическими определениями. В частности, он сделал 390 измерений расстояния Луны от Солнца, по кото-

¹⁷ *Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания...* С. 233.

¹⁸ Там же. С. 236.

¹⁹ Там же. С. 246.

рым определил долготу мыса Русских на северном берегу залива Джэксона, найдя ее равной $151^{\circ}21'$ з. д.

31 октября 1820 г. экспедиция покинула порт Джэксон. 17 ноября она находилась у острова Маквария (Маккуори), который радовал глаз великолепной зеленью (на той же широте остров Новая Георгия был покрыт вечным льдом). На следующий день Беллинсгаузен, Торсон и Михайлов сошли на берег, где побывали у австралийских промышленников и пополнили зоологическую и ботаническую коллекции (впоследствии они были переданы Академии наук).

2 декабря 1820 г. началась сильная буря. «Порывы ветра набегали ужасные,— писал Беллинсгаузен,— волны поднимались в горы... и быстро неслись, море покрылось пеною, воздух наполнился водяными частицами, срывааемыми ветром с вершин валов, и брызги сии, смешиваясь с несущимся снегом, производили чрезвычайную мрачность, и мы далее двадцати пяти сажен ничего не видели. Таково было наше положение при наступлении ночи!»²⁰

К счастью, в то время шлюпы успели покинуть район ледяных островов и вышли в свободное ото льдов море. Путешественники впоследствии признавались, что встреча с ледяным островом в такой шторм была бы равносильна гибели.

Буря продолжалась и весь следующий день. Паруса и такелаж покрылись слоем льда, который кусками падал на палубу. Лишь в ночь на 5 декабря ветер стал стихать и можно было надеяться, что опасность миновала. Но спустя две недели шлюпы «Восток» и «Мирный», находясь среди обширных ледяных островов, попали в полосу тумана и снова оказались «в опаснейшем положении». Экспедиции пришлось отступить на север. Беллинсгаузен неоднократно подчеркивал, что он решительно заходил во льды или не «убавлял парусов среди льдов», потому что «совершенно надеялся на усердную бдительность вахтенных лейтенантов и проворство служителей»²¹. Каждый день несли свою вахту Торсон, Демидов, Игнатьев, Лесков.

31 декабря 1820 г. в пятый раз экспедиция пересекла Южный полярный круг, но была остановлена обширнейшим ледяным полем. В 3 часа дня путешествен-

²⁰ Там же. С. 283.

²¹ Там же. С. 296.

ники увидели па северо-востоке чернеющее пятно. «Я,— писал Беллинсгаузен,— с первого взгляда узнал, что вижу берег, но офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений»²². Дали знать на шлюп «Мирный», что видят берег. Вскоре сквозь тучи пробился солнечный луч. Он прорезал пасмурность и осветил крутые черные скалы, на которых не было снега. «Невозможно выразить словами радость, которая явилась на лицах всех при восклицании: „Берег, берег!“— писал Беллинсгаузен.— Восторг сей был неудивителен после долговременного единообразного плавания в непрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах... Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега...»²³

Лед не позволил высадиться на берег. Прибывший лейтенант Лазарев, обозрев берега и мысы, заверил руководителя экспедиции, что это не часть материка, а остров, который и называли именем Петра I.

В солнечный день 17 января 1821 г. путешественники снова на юго-западе увидели землю, к которой не смогли подойти ближе чем на 40 миль. Перед ними вдалеке лежал берег, над которым возвышалась цепь гор, местами покрытых снегом. Открытую землю называли Берегом Александра. Беллинсгаузен считал, что «берег обширен или по крайней мере состоит не из той только части, которая находилась пред глазами нашими»²⁴. По определениям моряков, самая высокая часть Берега Александра находилась на 68° 43' 20" ю. ш. и 73° 9' 36" з. д. Вероятно, в этих определениях участвовали все офицеры и штурманы экспедиции, в том числе и Торсон.

20 января 1821 г. суда экспедиции взяли курс к берегам Новой Шетландии, известие об открытии которой Беллинсгаузен получил уже в Австралии.

Спустя пять дней русские приступили к исследованию Новой Шетландии и открыли острова Шишкова, Михайлова, Мордвинова, Рожнова, Тейля, Елены, Смоленск, Бородино, Малый Ярославец, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо. Не обнаружив признаков соединения Новошетландских островов с южным матерым берегом, Бел-

²² *Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания...* С. 305.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 312.

линсгаузен отдал приказ следовать в Рио-де-Жанейро, куда корабли благополучно прибыли 27 февраля 1821 г.

«2 марта при рассвете увидели на рейде небольшой голландский фрегат, который салютовал крепости и флагманскому кораблю,— писал командир шлюпа „Восток“.— Я отправил лейтенанта Торсона поздравить капитана с прибытием и предложить мои пособия в случае какой-либо нужды, ибо мы имели всего в избытке и уже возвращались в Отечество. Лейтенант Торсон донес мне, что сей фрегат короля нидерландского „Адлер“ отправлен из Голландии в Батавию и на пути зашел к Рио-Жанейро, чтобы освежить служителей. Командир капитан-лейтенант Даль на предложение лейтенанта Торсона объявил, что у него повреждение в беген-рее; фрегат „Адлер“ с шлюпом „Восток“ одного размера, а потому я тотчас, без всякой переделки, велел отбуксировать к нему наш беген-рей»²⁵.

Во время стоянки в Рио-де-Жанейро путешественники устроили на Крысьем острове временную обсерваторию. В ней Торсон выполнил 315 астрономических определений для вычисления долготы этого острова²⁶. Русские путешественники присутствовали на одном из заседаний народного собрания, депутаты которого требовали введения конституции в стране. На следующий день собрание было разогнано, войска открыли огонь по «волнующейся толпе», при первых выстрелах было убито несколько человек²⁷. Нетрудно предположить, что это событие произвело на будущего декабриста глубокое впечатление.

В 6 часов утра 24 июля 1821 г. шлюпы «Восток» и «Мирный» салютовали Кронштадту. На этом закончилась продолжавшаяся 751 день Первая русская экспедиция к Южному полюсу. Позади осталось 86 475 верст, или, по словам Беллинсгаузена, «в 2¹/₄ раза более больших кругов на земном шаре»²⁸. Уже в первой половине августа 1821 г. все офицеры (в списке вторым, вслед за лейтенантом Игнатьевым, значился Торсон) были награждены орденом Св. Владимира 4-й степени. Всем участникам экспедиции «без изъ-

²⁵ Там же. С. 327—328.

²⁶ Там же. С. 335.

²⁷ Там же. С. 329—330.

²⁸ Там же. С. 343.

ятия» (от денщиков до командиров кораблей) было назначено двойное жалованье до тех пор, «пока в службе находиться будут». В том числе К. П. Торсону было определено 1440 руб. ежегодно к тому окладу, который он получал до сих пор. Все эти награды были выданы за «отличное исполнение порученной... экспедиции в разных морях вокруг света и особливо к Южному полюсу»²⁹.

Во всех документах подчеркивались выдающиеся достижения экспедиции к Южному полюсу. Они действительно превзошли ожидания. Третий лейтенант шлюпа «Восток», Лесков, вместе с Торсоном принятый в экспедицию по рекомендации «известных морских капитанов», 21 марта 1823 г. писал начальнику Морского штаба о том, что начало XIX в. ознаменовано для флота счастливыми событиями: «Российские мореходцы неоднократно обтекали земной шар и первые разрешили важный вопрос, открыв землю под 70 градусом южной широты, о существовании которой после путешествия Кука перестали уже думать»³⁰.

Открытие ледяного материка было важнейшим, но не последним открытием Первой русской экспедиции к Южному полюсу. Ею было обретено 20 островов в тропическом поясе Тихого океана, остров Петра I и Берег Александра в Южном Ледовитом океане и восемь островов «в южном умеренном поясе» (в их числе остров Торсона). По словам декабриста В. П. Романова, экспедиция к Южному полюсу принесла России славу, которой она всегда будет гордиться, «и, сделав множество полезных наблюдений, поставила имя Беллинсгаузена наряду с именами знатнейших мореходцев»³¹.

Через несколько месяцев после возвращения из плавания начальник Морского штаба Моллер в письме к Адмиралтейств-коллегии предложил направить Торсона из Кронштадта в Петербург, поскольку «он нужен здесь для окончания дел по вояжу к Южному полюсу»³². Этот недавно обнаруженный нами документ

²⁹ ЦГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 477. Л. 1; Д. 478. Л. 4; Д. 479. Л. 5.

³⁰ ЦГАВМФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 2596. Л. 3.

³¹ Романов В. Предназначение путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудзонского залива // Моск. телеграф. 1825. Ч. 18. С. 96.

³² ЦГАВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 479. Л. 34.

неоспоримо свидетельствует о том, что Торсон наряду с командирами кораблей Беллинсгаузенем и Лазаревым принимал участие в оформлении отчетов, карт и материалов Первой русской экспедиции к Южному полюсу. После «окончания дел по вояжу» Торсон получил еще более важное поручение: 30 октября 1822 г. по приказанию Моллера он откомандировывался в Петербург для «занятия составлением записок Южной экспедиции»³³.

К сожалению, судьба записок о плавании к Южному полюсу, которые составлял Торсон, неизвестна. Не удалось обнаружить и документы о представлении их в Адмиралтейский департамент. Возможно, ко времени восстания на Сенатской площади они еще не были закончены, а после 14 декабря 1825 г. были уничтожены. Лишь достоверно известно, что в Сибири Торсон составил в «литературно отделанной форме воспоминания о плавании к Южному полюсу». Однако опубликовать их, как и другие сочинения, декабристу не удалось.

Необходимо отметить, что по окончании южнополярного плавания Торсон был аттестован Беллинсгаузенем как человек благородного поведения, а «в должности лучший морской офицер»³⁴. А вот что писал о нем М. А. Бестужев: «Торсон был баярд идеальной честности и практической пользы; это был рыцарь без страха и упрека на его служебном и частном поприще жизни. Обладая неимоверною силою воли в достижении благородных целей, он вместе с сим владел огромным запасом терпения при неудачах...»³⁵.

После переезда в Петербург Торсон еще теснее сблизился с Н. А. Бестужевым. «Они,— вспоминал М. А. Бестужев,— все время их пребывания в [Морском] корпусе жили в одной комнате, спали бок о бок, служили в одном и том же Кронштадте, помещались на одной квартире и одно или два лета служили вместе на брандвахтенном фрегате. По переводе Торсона главным адъютантом к морскому министру Антону Васильевичу Моллеру и брат вскоре переведен был в Пе-

³³ Там же. Оп. 1. Д. 1252. Л. 1.

³⁴ Восстание декабристов. М.; Л.: Наука, 1984. Т. 14. С. 197.

³⁵ Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 258.

Петербург в должность историографа и начальника Морского музея, следовательно, жили в одном городе, виделись часто, поступили почти одновременно в тайное общество, вместе погибли (политически), вместе жили в каземате, в Селенгинске, и, наконец, Торсон умер на руках у брата»³⁶.

В Петербурге Торсон много сил отдавал разработке проектов, направленных на техническое оснащение русского военно-морского флота. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что все они были подчинены стремлению коренным образом улучшить мореходные и боевые качества кораблей. Для проведения работ по улучшению такелажа и оснащения судов Торсон получил линейный корабль «Эмгейтен». Его помощником стал М. А. Бестужев. В свое время они вместе изучали французский язык, физику, механику, зачитывались морскими путешествиями и историческими трудами, осваивали «прочие специальные науки», касающиеся морского дела. «Его рассказы и наставления,— вспоминал М. А. Бестужев,— глубоко врезались в мою душу... Целая зима проведена была в холодных зданиях Адмиралтейства, чтобы подготовить такелаж по новому положению; целая весна в вооружении корабля и в исчислении бесконечных таблиц нового штата, от которого глаза наши едва не ослепли»³⁷.

Однако, когда «Эмгейтен», выражаясь современным языком, был переоборудован и переоснащен, командование линейным кораблем поручили не Торсону, а капитану 2-го ранга П. Ф. Качалову. При этом в присутствии Торсона Моллер принял на свой счет все благодарности, забыв о настоящих тружениках.

«Уязвленный, и так неделикатно, в самое сердце, тем лицом, которое вызвало его для помощи на новом своем поприще, всегда осторожный, Торсон разразился перед ним всем пылом своего негодования и грозился донести государю о противозаконном поступке министра. Немецкий министр растерялся и начал извиняться перед ним, как школьник, сделавший непозволительную шалость, и, чтоб вознаградить Торсона или, лучше сказать, удалить его, потому что начал тяготиться присутствием этого неподкупного Катона, он предло-

³⁶ Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951, С. 258.

³⁷ Там же. С. 272.

жил ему принять начальство над ученою экспедициею»³⁸.

Действительно, такая экспедиция готовилась морским ведомством. Она должна была состоять из двух кораблей — брига и фрегата. Торсону было поручено самому следить за их строительством, самому подобрать персонал экспедиции и составить инструкцию, в которой определялись бы задачи и продолжительность плавания.

Судя по свидетельству М. А. Бестужева, Торсон дал Моллеру свое согласие: «Как ни странна подобная сделка, до которой унизился государственный сановник, управляющий министерством, по из этого обстоятельства Торсон ясно увидел, что ничего путного ожидать нельзя и что чем скорее, тем лучше его [Моллера] оставить. Сверх того, предложение было так заманчиво, так хорошо соответствовало его постоянному направлению к пользе наук и славе Отчизны, что он согласился, что дал обещание молчать. Но накипевшее негодование не могло скоро уходить. В частых беседах со мною Торсон раскрывал душевные раны, и жалобы с горечью изливались на существующие злоупотребления, на гнетущий произвол, на тлетворное растление всего административного организма»³⁹.

Итак, разработкой задач экспедиции, которая снаряжалась к Северному полюсу, занимался Торсон вместе с М. А. Бестужевым. По его словам, инструкция, которую представил Торсон морскому министру, «была утверждена высочайшею волею». Однако пока не удалось обнаружить документы, которые раскрывали бы ее содержание, — ведь это географическое предприятие считалось секретным, поэтому о нем мог знать очень небольшой круг людей. Возможно, все документы были уничтожены вместе с другими делами секретного архива Морского министерства. О том, что готовившаяся научная экспедиция не предавалась огласке, видно из переписки Ф. П. Врангеля с Литке. «На Охте строятся два брига, — писал Врангель, — для экспедиции в Берингов пролив для каких-то изысканий навстречу Парри или на Север — настоящая цель оной хранится еще во мраке секрета. Командирами прочут капитан-

³⁸ Там же. С. 273.

³⁹ Там же. С. 274.

лейтенанта Торсона и лейтенанта Андрея Моллера»⁴⁰.

Через несколько дней Врангель почти слово в слово повторил это сообщение и снова назвал Торсона как предполагаемого начальника секретной экспедиции. Суда действительно строились. 23 сентября 1825 г. было уже начато «дело об отправлении военных транспортов „Моллера“ и „Сенявина“ к колониям Российско-Американской компании...» В этом документе, составленном Сарычевым на имя Моллера, содержится просьба главного правления Российско-Американской компании рассмотреть в Адмиралтейском департаменте вопрос о назначении «особой экспедиции» для описи берегов Русской Америки. Снаряжение такой экспедиции, по мнению директоров компании, необходимо тем более, что «ныне конвенциями с великобританским и вашингтонским кабинетами определены границы владений наших в тамошнем крае»⁴¹.

Адмиралтейский департамент выразил согласие с мнением главного правления о необходимости отправки «особой экспедиции» и решил, что ее задачей должно быть составление описи берегов и островов Северо-Западной Америки, а также «восточного берега Азии от Петропавловской гавани до Берингова пролива»⁴².

30 октября 1825 г. хозяйственная экспедиция Адмиралтейств-коллегии пыталась добиться назначения командиров для строящихся на Охте судов и указания о закупке товаров и припасов, но получила резолюцию Моллера: «Рано еще». 7 декабря просьба была повторена. Последовала новая резолюция, которая гласила: «По неясности еще отправление судов в дальний вояж отставлено»⁴³.

Это был период междоусобицы, наступивший после смерти Александра I. В сложной обстановке того времени Моллер решил выждать. Через неделю произошло восстание на Сенатской площади. Вскоре стало ясно, что намечаемые кандидатуры командиров судов имеют «прикосновение» к 14 декабря. Торсон был арестован. Прошло еще два месяца, и командирами судов были

⁴⁰ ЦГИАЭ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 452. Л. 84.

⁴¹ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 688. Л. 1. М. А. Бестужев писал, что Моллер поручил Торсону составить инструкцию («Воспоминания Бестужевых», с. 299), но в делах Морского министерства ее пока обнаружить не удалось.

⁴² ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 688. Л. 2

⁴³ Там же. Л. 4.

позначены Литке и Станюкович. Под их командой ученая экспедиция отправилась в кругосветное плавание и провела большой комплекс исследований в северной и тропической частях Тихого океана. Планам Торсона так и не суждено было сбыться. Все его стремления принести пользу России потерпели неудачу. Торсон всюду видел «наглую несправедливость» и пытался с нею бороться, вступив в тайное общество. «Я,— писал он следственному комитету,— желал видеть исправление злоупотреблений в моем Отечестве и введение чрез кроткие меры конституционного правления, я убедился, что такое общество до времени должно существовать втайне, и, полагаясь на благоразумие человека, бывшего мне другом, я вступил в общество»⁴⁴. И далее: «Ясно вижу, что мне должно быть первой жертвой такого исправления»⁴⁵.

Торсон подчеркивал в своих показаниях, что для себя не желал ни власти, ни богатства, а думал лишь о пользе Отечеству, чтобы в России «законы были в силе». Он не сомневался, что если их движение, которое, как ему казалось, обретало «всю силу бури», потерпит неудачу, то его ждет смерть. Но ему горько было сознавать, что вместе с ним погибнут его планы сделать флот России великим и сильным. И все же, когда Торсон находился в Свеаборгской крепости, ему было разрешено составить записку о техническом перевооружении русского флота. Однако созданный Комитет образования флота отверг проекты декабриста, как «мало содержащие новизны». На самом деле многие его идеи отчасти уже были воплощены при перевооружении и оснащении линейного корабля «Эмгейтен», а затем нашли дальнейшее развитие в трудах М. П. Лазарева, С. О. Макарова и других флотоводцев и кораблестроителей. Не случайно знаменитый корабельный мастер П. Ершов 21 мая 1844 г. просил Н. А. Бестужева сообщить о «местопребывании доброго Константина Петровича Торсона». Торсон был приговорен верховным судом к каторге на 20 лет (указом от 22 августа 1826 г. срок был сокращен до 15 лет).

10 декабря 1826 г. Торсон, переведенный перед тем из Свеаборга в Петропавловскую крепость, вместе с де-

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 14. С. 201.

⁴⁵ Там же. С. 203.

кабристами Иваном Александровичем Анненковым, братьями Никитой и Александром Муравьевыми по высочайшему повелению был отправлен в Сибирь «для употребления в каторжную работу в Нерчинских рудниках». Все они были закованы в цепи. В Омске они повстречались с членом Северного тайного общества Степаном Михайловичем Семеновым, сосланным в административную ссылку. Он снабдил Торсона и его товарищей меховой одеждой и продуктами на дальнюю дорогу.

28 января 1827 г. Торсона водворили в Читинский острог. Он жил в большой камере, названной «Великим Новгородом», вместе с Анненковым, Розеном, Завалишиным и другими декабристами. «Государственных преступников» доставляли в Читку небольшими партиями в течение почти полутора лет. 13 декабря 1827 г. прибыли Н. А. и М. А. Бестужевы.

Когда сложилась своеобразная «казематная академия», Торсон рассказывал своим товарищам о плавании к Южному полюсу и о существовавшей в России «запретительной системе», введенной по предложению министра финансов Е. Ф. Канкрин. К сожалению, ни конспект, ни само сочинение не разысканы до сих пор. Декабрист А. П. Беляев вспоминал: «В Чите мы одно время занимались изучением земледелия и вообще хозяйства, читали по этому предмету книги с Константином Петровичем Торсоном, который основательно изучил этот предмет и написал несколько проектов об улучшении экономического положения России. Они были замечательны по своей строгой отчетливости, новизне взгляда и показывали, какими разносторонними сведениями обладал этот человек»⁴⁶.

Когда декабристов перевели в Петровский завод, Торсон получил отдельную комнату. Здесь он подготовил сочинение о развитии отношений с Китаем, но эта работа, как и многие труды декабриста, бесследно исчезла. Андрей Евгеньевич Розен писал, что Торсон каждую среду проводил со своими товарищами по заточению, занимая их рассказами о плавании в Антарктику и вокруг света, «читал нам свои записки, сообщал труды по механике»⁴⁷.

⁴⁶ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом, 1805—1850. СПб., 1882. С. 310—311.

⁴⁷ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 258.

В воспоминаниях и записках декабристов имеется немало свидетельств о напряженной научной деятельности Торсона в Чите и в Петровском заводе, в том числе над описанием путешествия к Южному полюсу и вокруг света. Кроме того, Торсон занимался конструированием моделей различных машин для сельского хозяйства, в том числе косилок, сеялок, молотилок, веялок.

В октябре 1833 г. через коменданта С. Р. Лепарского Торсон отправил в Петербург предложения по упрощению шотландской молотильной машины. Они были изложены в трех записках: «О молотильной машине», «Описание молотильной машины», «Подробное изложение состава каждой части молотильной машины», по приказу Николая I направленных в Вольное экономическое общество, а матери декабриста, согласно просьбе сына, было пожаловано 500 руб. ассигнациями ⁴⁸.

В 1835 г. Торсон был отправлен на поселение в крепость Акшу, расположенную недалеко от границы с Монголией. Вскоре после обоснования на новом месте декабрист составил подробное описание окрестностей Акши и адресовал его Н. А. Бестужеву в письме от 1 декабря 1836 г. Приведем его полностью.

«Местоположение Акши точно живописно, прелестно: крепость и ее форштаты, или просто селения, лежат в долине на берегу одного из протоков реки Онона, который вьется у подошвы гор, разбросанных по обоим берегам с таким разнообразием, что художник-живописец нашел бы для себя сотни предметов; натуралист, приехавший летом, придет в восхищение, встречая одни горы, покрытые сосною, березою и другими деревьями климата северного, на других покатоности усеяны дикою яблонею, диким персиком; острова на протоках реки покрыты черемухою, шиповником, а поля различными цветами и ягодами; между первыми много красной и белой смородины, множество желтых лилий, дающих ароматный запах воздуху; между вторыми отличается земляника, какой по вкусу и запаху, кажется, я нигде не встречал подобной. В такое время года, куда ни пойти, везде прелестно, а останься жить... и тут невольно вспомнишь басню Дмитриева „Приез-

⁴⁸ Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. С. 136—137.

жий и монах". Когда первый с колокольни хвалил виды, то чернец, вздохнувши, сказал: „Да, хорошо, только для проходящих". Все эти виды прелестны для ландшафта, а земледельцу надо еще кое-что, а что именно, начну по порядку.

Местоположение Акши высокое, гористое; не в дальнем расстоянии начинаются горы, на которых и летом снег не тает, а от всего этого здесь воздух большею частью сухой, зимою вообще, можно сказать, снегу бывает мало; весною почти всегда бывают продолжительные ветры от северо-запада, и утренники продолжают весь май, нередко доходят до половины июня, от этого высушивает и выдувает землю, так что если с весны не будет хороших дождей, то травы худы и всходы хлебов едва заметны даже в июне; когда же снегу было много или рано случатся дожди, тогда к маю и порядочные травы. Иногда дожди начинаются около половины июня, погонят все растения, хлеба бегут сильно в солому, долго не цветут и не наливаются, что по-здешнему называется „хлеба нежатся". Когда же начнут цвести, то налив зерна тянется долго, и нередко в половине своего развития, около 6 августа, является первый мороз, тогда на низких местах побивает жатву, на высоких временами остается невредима. Но когда лето было жаркое и дождливое, то на скате гор хлеба хорошие, успевают созревать, но в долинах доходят. Когда в продолжение лета мало дождей и жарко, в это время на низких местах жатва созревает, а на высоких почти пропадает от сухости почвы; впрочем, в течение лета, какая погода ни была, по большей части поселяне получают жатву частью зрелыми, частью померзшими зернами. Здесь лугов много, их не травят с весны скотом, но со всем тем покосы начинаются около 22 июля, тогда как у нас в России, даже в северных губерниях, начинают с иванова дня, т. е. почти месяцем ранее.

Жнитво начинается по большей части с 6 августа или с 15-го, т. е. после первого мороза. Долго продолжающиеся утренники и засухи с весны не всегда доставляют порядочный урожай в огородных овощах, а все это, можно сказать, не обеспечивает достаточным образом трудов и благосостояния земледельцев.

По таким причинам, можно сказать, земледелие здесь в плохом состоянии; под хлеб всегда распахивают новую землю в июне или июле и на ней сеют следую-

щую весну, и после двух жатв, но больше после одной оставляют поле отдыхать. Землю пахут мелко, плохими орудиями, боронуют плохо, от этого нередко хлеб зарастает травой. Для посева хлеба если землю вспашут вместо июня или июля в сентябре, то весною посеянные зерна почти пропадают от сильного роста травы, и это оттого, что на земле, дурно вспаханной с осени, корни трав нисколько не перегниют и весною своим ростом заглушают посеянный хлеб; весною хотя пахут снова и боронуют, но это не помогает: для молотбы нет ни овина, ни гумна — нет сомнения, что хлеб можно молотить и несущенный, но непонятно, для чего не делают гумна, тем более что каждое селение окружено лесом и без дельного труда стоило бы настлать пол. Кончив жатву в августе, все ожидают, когда реки покроются льдом, чтоб на нем молотить, и это бывает около половины ноября; в таком положении люди, нуждающиеся в хлебе, по снятии жатвы начинают в своих избах на полу молотить вальками, какими катают белье, тут множество зерен проваливается сквозь пол, множество остается в колосе, и небольшая часть поступает на пользу хозяина; другие же и этого не делают и молотят просто на земле, которая еще не замерзла. В этом случае в колосе остается едва ли не половина зерна, а вымолоченное так перемешано с землею, что трудно сказать, хлеб ли это или земля. Разумеется, что зерно после начинают провеивать, пересыпая из лукошка в лукошко, отвеивают мякину, но земля и песок остается с зерном; при этой работе куры и даже свиньи не отходят и подбирают все, что просыпается мимо. Видя такие труды и потери, я спрашивал, для чего не сделают себе гумна с полом из колотых плах, ибо каждый видит, что в своей избе на полу молотить хорошо, только нужно, чтобы не было щелей. На это общий ответ был: „Правда, на деревянном полу гораздо лучше, да здесь никто не делает“ и проч. Это то же, что „наши деды так жили“.

Скотоводство здесь, я думаю, в таком же состоянии, как было во времена патриархов: каждый гонится, чтоб иметь большое стадо, но как его прокормить и как сбечь, об этом мало думают. Здесь хлопочут только об том, чтоб стада их круглый год могли жить на полях, т. е. существовать, не требуя трудов человека; и сено идет только тому скоту, который в доме, или в крайних случаях, когда на полях, в снегу от корму начинает ос-

лабевать, тогда самых тощих берут на сено. Когда снегу выпадает столько, что скот не может, ногами разрывая его, доставать травы, или когда с осени поля покроются гололедицею, тогда животные гибнут тысячами. Года 3 тому, как зимою был очень глубокий снег, тогда у одного из 300 овец осталось едва 150. Молока от здешних коров так мало получают, что, ежели от которой сделают 10 ф. масла в год, такую хвалят как лучшую.

Рукодельных искусств я не нашел почти никаких: шерсть прядут для себя на веретенах, и то плохо; льну не сеют, коноплю хотя сеют, но готовят так плохо, что везде называли бы ее паклею, а не пенькою. Мне принесли пуд пеньки, из которой при выческе около половины отошло в кострицу. Плотники плохие, порядочного столяра нет, кузнеца также. Железо петровского изделия продается около 10 р. пуд, гвозди и другие вещи привозят с Нижегородской ярмарки и продают дорого. К довершению скажу, что это место хотя окружено лесом, но сухого бревна или доски достать нельзя, надо самому все запасти, и, можно сказать вообще, если кто с осени не заготовит на целый год мяса, свеч, масла и проч., то после ничего не останется. Вот тебе абрис относительно климата и местного произведения стороны»⁴⁹.

В статье «Декабристские материалы Пушкинского дома» В. В. Данилов назвал письмо Торсона «Сельскохозяйственным и географическим описанием крепости Акши на берегу реки Онона». И это не единственный случай. Нередко письма декабристов представляли собой настоящие научные трактаты. Достаточно напомнить о письмах А. А. Бестужева-Марлинского к немецкому ученому А. Эрману, Н. А. Бестужева к известному гидрографу М. Ф. Рейнеке, профессору Горного института И. И. Свиязеву, секретарю ученого комитета Морского штаба А. А. Никольскому.

А сколько тонких наблюдений и удивительно ярких мыслей хранят письма Басаргина, Розена, Штейнгеля, М. А. Бестужева, Трубецкого, Якушкина и многих других декабристов, в том числе Лунина, вслед за Штейнгелем занимавшегося вопросами летосчисления, о чем свидетельствуют составленные им календарь и пасхалия по 1900 г. Поэтому попытки некоторых ис-

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 604. Оп. 1. Ед. хр. 15, Л. 129—131 об.

следователей рассматривать письма декабристов лишь как упражнения в эпистолярном жанре неправомерны.

Вскоре из Акши с разрешения петербургских властей Торсон переселился в Селенгинск. Здесь он приступил к изготовлению молотильной машины и занялся земледелием. В 1837 г. декабрист написал статью «Общий взгляд на распространение и изобретение машин», которую послал сестре в Петербург, но иркутские власти напомнили Торсону о запрете «государственным преступникам» посылать свои сочинения. (В таких случаях и приходила на выручку эпистолярная форма.) В последние годы жизни Торсон создал труд «Опыт натуральной философии о мироздании». 4 декабря 1851 г. он скончался.

После смерти Торсона его сестра, находившаяся в Селенгинске, через генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева отправила в Петербург в III отделение два тюка рукописей брата, которые большей частью содержали проекты «об улучшении мореходства». Найдя, что сочинения Торсона «небрежно написаны и не представляют одного целого», III отделение отправило их обратно, с тем чтобы родственники привели их в порядок и переписали. Но переписать два тюка рукописей, среди которых находились описание путешествия к Южному полюсу и труд «Опыт натуральной философии о мироздании», оказалось невозможным. Впоследствии архив Торсона был передан декабристу Розену, но, судя по письму его к Е. П. Оболенскому от 21 января 1859 г., записок о плавании к Южному полюсу среди бумаг уже не было.

Будем надеяться, что дальнейшие поиски позволят пролить свет на судьбу воспоминаний декабриста о путешествии в Антарктику и труда «Опыт натуральной философии о мироздании», находка которых, несомненно, представляла бы исключительный интерес для истории отечественного естествознания и русского общественного движения.

Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863)

Среди декабристов-естествоиспытателей особое место занимает Гавриил Степанович Батеньков. Он внес большой вклад в изучение природы и экономики не только Сибири, но и России в целом. О том, насколько

глубоко он занимался проблемами естествознания, свидетельствует тщательный анализ капитального труда Александра Гумбольдта «Космос», которому декабрист посвятил несколько работ.

Батеньков родился 25 марта 1793 г. и был 20-м ребенком в семье. Его «учителем в гимназии и впоследствии добрым другом» был отец великого русского ученого Д. И. Менделеева, И. П. Менделеев¹.

«Древние греки и римляне с детства сделались мне любезны,— писал декабрист следственному комитету,— но природные склонности влекли к занятиям другого рода. Я любил точные науки и на 15-м году возраста знал интегральное исчисление почти самоуком»². Но родители не имели средств определить мальчика в Московский университет, в стенах которого воспиталась целая плеяда декабристов.

Вскоре Батеньков поступил в Петербургский кадетский корпус, где подружился с Владимиром Раевским, человеком смелых, передовых убеждений. Они проводили вместе целые вечера. Ощущение надвигавшейся решительной схватки с Наполеоном не покидало друзей — «приближалась страшная эпоха 1812 года». И хотя они ненавидели фронтową службу, оба мечтали о подвигах во имя защиты Отечества. «Мы,— писал Батеньков,— развивали друг другу свободные идеи и желания наши... С ним в первый раз осмелился я говорить о царе яко о человеке и осуждать поступки цесаревича. В Сибири, моей родине, сие не бывает... Идя на войну, мы расстались друзьями и обещали сойтись, дабы позже привести идеи наши в действо»³. И далее: «Он,— вспоминал Батеньков,— казался мне как бы действующим лицом в деле освобождения России и приглашал меня на сие поприще»⁴.

Батеньков участвовал в преследовании войск Наполеона. 27 января 1813 г. он громил французские войска под Варшавой. 1 мая освобождал Краков, 7 августа во время сражения при селении Крейнбау командовал двумя орудиями и был ранен в левое плечо, а спустя несколько недель снова вернулся в строй. 4 октября

¹ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков/Под ред. акад. М. В. Нечкиной. Новосибирск: Наука, 1965. С. 18.

² Восстание декабристов. М.: Наука, 1984. Т. 14. С. 93.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 94.

1813 г. «во время вылазки неприятеля из крепостей Виттенберга и Магдебурга чрез расторопность спас и доставил к армии артиллерийские снаряды, будучи меж неприятельскими войсками, за что награжден чином подпоручика»⁵. 20 декабря 1813 г. вступил во Францию. Битвы следовали одна за другой. 20 января 1814 г. Батеньков отличился в генеральном сражении и был «за оказанное отличие награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом». 30 января 1814 г. при местечке Монмирале, прикрывая отступление корпуса, получил 10 штыковых ран. Его считали погибшим, но он возвратился в свой полк. Затем Батенькову пришлось участвовать во втором походе во Францию.

«Война,— писал Батеньков следственному комитету,— представила мне поучительную картину, но я выходил из строя за ранами, должен был непрестанно лечиться и продолжал свое образование... Военной славы не искал, мне всегда хотелось быть ученым или политиком. Во время двух путешествий за границу мысли о разных родах правления практическими примерами во мне утвердились, и я начал иметь желание видеть в своем Отечестве более свободы»⁶.

Вернувшись в Россию из второго заграничного похода, Батеньков 7 мая 1816 г. оставил военную службу, которая весьма тяготила его. Он отправился в Петербург, чтобы заняться «опять в тишине точными науками». Правда, он мечтал и о путешествии в Арктику:

В стране Борея вечно льдистой,
Где нет движенья веществу,
Где магнетизм владеет чистый,
Все смерти дань, как божеству,
Где солнце полгода сияет,
Но косо падая на льдах,
Луч яркий в радужных цветах
Скользит и тотчас замерзает⁷.

Однако экспедиции в полярные страны в тот год Россией не снаряжались. И Батеньков принял иное решение. В октябре 1816 г. он «с честью выдержал экзамен» в институт корпуса инженеров путей сообщения.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ Там же.

⁷ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина, Э. Г. Толя. М.: Б-ка: СССР им. В. И. Ленина, 1936. С. 58.

В том же году Батеньков отправился в Сибирь, чтобы заняться там работой и заботиться о престарелой матери.

В годы юности Батеньков был особенно дружен с Алексеем Андреевичем Елагиным, женатым на племяннице В. А. Жуковского Авдотье Петровне. Елагина, в доме которой после амнистии Батеньков провел последние годы своей жизни, сохранила его архив.

Батеньков довольно долго жил в Томске, где, по его словам, «из семи или восьми человек составили правильную масонскую ложу, и истинно масонскую, ибо, кроме добра, ни о чем не помышляли». Друзья его звали в Петербург, в Москву, но он не желал расставаться с любимой Сибирью. «Нет, мой милый,— писал Батеньков Елагину.— Нелегко оставить Сибирь... привязанность к той стороне, где, кажется, сама природа бросает только крошки безмерного своего достояния, где живут в казнь за преступление и имя которой, как свист бича, устрашает, привязанность к этой стране Вам непонятна»⁸.

И все-таки, когда обострились отношения Батенькова с сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем (отцом знаменитого декабриста), он решил вернуться в столицу. По дороге он встретился с преемником Пестеля Михаилом Михайловичем Сперанским, который пригласил опального чиновника к себе в сотрудники. Это случилось в апреле 1819 г. «Он,— писал Батеньков о Сперанском,— с первого свидания полюбил меня, и с сего времени моя жизнь получила особенное направление. Мы обратились в Иркутск. Он начал употреблять меня в дела и действительно обратил в юриста. Практика и образцовые творения сего мужа были для меня новым источником учения. Я сделался знатоком теории законодательства и стал надеяться достигнуть первых гражданских должностей. В издании сибирского учреждения был первым сотрудником... Во все время я видел в Сперанском человека необычайного ума и твердости, никогда не жаловался он на свою ссылку... При всей простоте обращения он всегда являлся на неприступной высоте»⁹.

⁸ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина, Э. Г. Толя. М.: Б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1936. С. 58.

⁹ Восстание декабристов. Т. 14. С. 94.

По поручению Сперанского Батеньков разработал проект укрепления берегов Ангары (с учетом скорости ее течения). Затем совершил несколько поездок в район Кулутука, южного берега Байкала, селения Посольского, Селенги и Кяхты. С известным полярным исследователем Матвеем Матвеевичем Геденштромом он разработал проект новой Кругобайкальской дороги, который был осуществлен лишь спустя четыре десятилетия, а впоследствии по трассе, намеченной будущим декабристом, была проложена железная дорога. Дружба Батенькова с Геденштромом, человеком большого ума, доброго сердца и недюжинной смелости, занимает особое место в его научной биографии. Несмотря на неудовольствие генерал-губернатора, Батеньков переехал жить в дом Геденштрома.

«Батеньков был довольно большого роста, сухощав, брюнет, с золотыми очками по близорукости; в фигуре его ничего не было замечательного, но рот и устройство губ поражали своей особенностью. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но так и ожидаешь — вот-вот услышишь насмешку, сарказм. Дар говорить о чем угодно занимательно, весело и говорить целые часы — эта способность была изумительна! Готовность его на ответы и возражения не имела равного. Батеньков был незлобивого характера, добрейшего сердца. Ученость его была замечательна; он очень легко и много писал стихов; я много читал его басен, но и тут только сатира и сарказм, более на известные лица и нравы»¹⁰, — писал о нем его современник. А вот еще одно свидетельство о Батенькове как о «человеке блестящих способностей, обладавшем бойким пером и необыкновенным даром слова»¹¹.

Сперанский привлек Батенькова к разработке известной сибирской реформы, в процессе подготовки которой в 1820—1821 гг. он составил семь важнейших документов, в том числе «Положение о приведении в известность земель Сибири».

В канцелярию сибирского генерал-губернатора сходилось большое число донесений с Камчатки о русских исследованиях на севере Тихого океана, кругосветных

¹⁰ Стогов Э. Очерки, рассказы и воспоминания // Рус. старина. 1878. Т. 23. С. 524.

¹¹ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Рус. старина. 1905. Июль. С. 249.

плаваниях, наконец, о поездках иностранных путешественников по Сибири. Все это, безусловно, расширяло круг географических интересов Батенькова. Он собрал описания Тобольской, Томской и Иркутской губерний, составленные землемерами Антоном Лосевым, Степаном Зверевым, Василием Филимоновым. На этих документах имеются исправления и пометки, сделанные декабристом.

Среди его бумаг сохранились данные о распределении русского крестьянского населения и поселенцев по уездам и губерниям Сибири, о росте посевных площадей в 1810—1819 гг., о состоянии горных заводов и рудников, местной промышленности, о населении и его этническом составе.

В 1820 г. Батеньков написал очерк «О Якутской области», сохранившийся среди бумаг декабриста в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Он содержит общую географическую характеристику Якутии. Весьма подробно описаны Якутск, его положение, пути сообщения области. Особое внимание уделено гидрологическому режиму рек Лены, Вилюя, Алдана, Индигирки, Колымы и условиям судоходства по ним. Батеньков рассматривает климатические условия, леса, горы, почвы, вечную мерзлоту Якутии. В заключение изложены «средства улучшить положение народов, обретающихся в Якутской области», где проживало 72 597 человек.

В 1822—1823 гг. Батеньков в нескольких частях журнала «Сын Отечества» опубликовал обширную статью (точнее, серию статей под общим заголовком) «Общий взгляд на Сибирь», которая является важнейшим географическим трудом декабриста. В первом разделе рассматривается вопрос о внешних границах страны. Характеризуя изученность пограничных областей Сибири, Батеньков отмечал, что они подробно исследованы лишь в немногих местах. И еще менее изучены внутренние области.

В первую очередь он останавливается на северных пределах Сибири, включая берега Ледовитого моря. «По трудности астрономических наблюдений в полярных странах, по редкому посещению их людьми, имеющими для сего достаточные сведения и средства,— писал Батеньков,— многие места на означенных берегах еще не определены с точностью. На географических картах некоторые из них часто более нежели на целый

градус по широте были иногда понижаемы, иногда повышаемы. Погрешности в долготе оказываются еще значительнее. Наконец, вовсе неизвестна часть берега от Шелагского мыса или после новых в сей стране покушений — от мыса Козмина к востоку до Северного мыса»¹².

Восточными пределами Сибири Батеньков называл берега Восточного (Тихого) океана и Охотского моря. Он считал, что в общем виде о восточных границах известно то же, что и о северных, поскольку немногие места Русского побережья Тихого океана означены с точностью по астрономическим наблюдениям. Вместе с тем очертания Камчатского полуострова несколько раз по-разному изображались на картах. По его мнению, целесообразно исследовать не только север и восток Сибири, но и пустыни Приамурского края.

«Западную границу Сибири составляют Уральские горы,— продолжал Батеньков.— В южной части занимают оне значительные пространства; далее к северу состоят из высоких скал и, постепенно склоняясь, прерываются на севере ближе Ледовитого моря. Полуденная их часть была обитаема россиянами прежде еще покорения Сибири, но как тогдашние заселения не были значительны, то и можно было полагать границу Сибири там, где начиналось трудное чрез хребет сообщение. Впоследствии с распространением в сей части горных промыслов население оной весьма умножилось. Связи продовольствия требовали подробного разграничения; разделенные пункты вод не могли быть к сему способными, и граница Сибири отнесена была на запад, к подошве Уральских гор. В таковом положении оставалась она до усмирения башкирцев и до открытия губерний. Тогда, напротив, перенесена на восток и назначена позади всех возвышений, к Уральскому хребту принадлежащих, и позади тех хлебородных плоскостей, кои для продовольствия нагорных жителей необходимы. Таким образом, на высотах Уральских гор, в южной их части, образовались губернии Пермская и Оренбургская. Там западная граница Сибири определена с точностию»¹³. К северу же, где граница Сибири отделяется Тобольской губернией от

¹² Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь // Сын Отечества, 1822. Ч. 81. С. 3.

¹³ Там же. С. 4.

Вологодской и Архангельской и проходит по самому хребту, она мало исследована. Батеньков в заключение раздела отмечал, что границы Сибири изучены лишь только в немногих местах и еще менее исследована внутренность страны.

Следующая глава посвящена районированию Сибири. Батеньков анализировал некоторые особенности климата Сибири и его влияние на развитие земледелия. Он не видел необходимости в точном математическом определении климата по линии Полярного круга, поскольку места, расположенные на одной и той же широте, характеризуются различными природными условиями, в зависимости от чего хлебопашество в одних районах распространяется до 60° , а в других пресекается в значительно более южных пределах.

По мнению Батенькова, гражданское устройство Сибири должно строиться не по широтным зонам, хотя создание «управления Севером» дало бы возможность «приноровить административную деятельность к обычаям, добрым нравам и преданиям коренных жителей». Вместе с тем обширность северных территорий, отсутствие путей сообщения, зависимость в продовольственном отношении от южной части страны делают невозможным существование «отдельного управления Севером».

Батеньков считал, что административное деление Сибири следует приблизить к естественному разделению страны, с учетом природных особенностей. «Сибирь состоит из гористых мест и равнин,— отмечал он.— Все горы надвинулись от юга. Обложив верховья рек Иртыша и Оби и оставив на свободе дальнейшее их течение, тянутся они главным хребтом на восток по монгольской границе и во многих местах достигают высот, покрытых вечным снегом. Начиная от запада, первый отрог их к северу, косвенным направлением приближаясь к реке Енисею, сопровождает ее и образует на левом берегу отличительный рубеж между двумя главными частями Сибири. Отделяясь от правого берега Енисея, горы встречают реку Ангарау, пересекают ее порогами, сопровождают обе Тунгуски и расстилаются по северу. Другой отрог, облекая озеро Байкал, проходит по берегам рек Лены и Витима; третий, еще восточнее, поднимается большим хребтом и, пересекая всю Сибирь, отделяет воды, текущие в Ледовитое море, от текущих в Восточный океан. Наконец,

горы, волнуясь на востоке, спускаются в Камчатку и продолжают в море грядою Курильских островов.

Напротив сего, западная часть Сибири состоит из пространных равнин и степей, имеет невысокие пригорки и токмо берега больших рек, преимущественно правые, составляют значительные возвышения, кои сами большею частию стелются в виде возвышенных равнин.

Таким образом, разделение Сибири на Восточную и Западную то же почти значит, что разделение на гористую и ровную.

Направление рек непосредственно зависит от положения гор: реки заимствуют качества мест, их окружающих. В Восточной Сибири текут они по каменному дну, быстры, все почти порожисты и наполнены шиверами. В Западной, напротив, немногие текут по хрящу; большая же часть по дну иловатому, между берегами глинистыми и песчаными; пороги и шиверы там неизвестны.

Самое низкое место при подошве Уральских возвышений образует ложе реки Тобола, сливающейся с рекою Иртышом и посредством оной с Обью. Здесь находится главная логовина западных рек, и хотя по переизбытку количества протекающих вод Иртыш преимуществует над Тоболом, Обь над Иртышом, но тем не менее можно сказать, что Обь и Иртыш вливаются в логовину Тобола, упавая с высот Алтайских и увлекая воды Нор-Зайсана и Телецкого озера.

Одна токмо река Енисей пересекает всю Сибирь постоянно в одном направлении, от юга к северу, и составляет главную логовину на обширном пространстве земли. С запада приемлет она в себя малые только реки; большие текут с востока; из них важнее всех Ангара, исходящая из озера Байкала»¹⁴.

Дальше Батеньков останавливался на том особенном разделении страны, которое производят реки, означая общие отличительные свойства каждой части умеренного пояса. Западнее реки Тобола расположены возвышенные и хлебородные равнины. И хотя встречаются места болотистые, но, по всей вероятности, они могут быть приведены в лучшее состояние. Между Тоболом и Иртышом также находятся хлебородные мес-

¹⁴ Там же. С. 6.

та, изобилующие озерами и подверженные потоплению от весеннего разлива рек.

По особенностям рельефа Батеньков разделял Сибирь на две части — Восточную (гористую) и Западную (ровную). Весьма подробно охарактеризованы реки и рассмотрена пригодность для более широкого развития земледелия, в частности, равнин к западу от Тобола, «низких плоскостей» между Тоболом и Иртышом, «великой степи» в междуречье Иртыша и Оби. По словам декабриста, южные районы сухи и бесплодны, имеется множество пресных и соленых озер, а сами места совершенно безлесны.

«К северу степь сия под именем Барабинской,— продолжал декабрист,— состоит из земель топких, солонцеватых, изобилующих горькою солью, испещрена озерами, но имеет и реки; производит березовый лес, довольно, впрочем, редкий, обильна пастбищами и на небольших возвышениях способна к хлебопашеству... Между Обью и Енисеем лежит царство металлов: южные горы содержат в себе серебро, медь и свинец; север преизобилует железом. Полуденная часть сей полосы гориста и камениста, средняя состоит из умеренных возвышений и составляет главную житницу Сибири. Хлебопашество находится здесь в самом цветущем состоянии далее даже 58° широты. Во многих местах пчеловодство составляет равномерно преизбыточный промысел»¹⁵.

Далее Батеньков кратко охарактеризовал земледелие в полосе, лежащей между Енисеем и озером Байкал, где горы и сопки покрыты дремучими лесами. Землепашество в этих местах мало распространено, но там, где распаханы земли, получается обильная жатва. То же можно сказать о верховьях Лены, но ниже по течению сей реки и далее от нее к востоку все места входят в разряд северных. Самый восточный и по произрастаниям самый бесплодный мыс, или, лучше сказать, полуостров, занимают чукчи, народ кочевой и почти независимый.

Батеньков особенно подробно останавливался на Западной Сибири. Он отмечал, что хотя озеро Байкал не занимает в ширину большого протяжения, но тем не менее «сообщение чрез оное не всегда удобно, в тече-

¹⁵ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь//Сын Отечества. 1822. Ч. 81. С. 8.

ние пескольных месяцев крайне затруднительно, а иногда и невозможно. Окружающие его едва приступные горы и быстрые, внезапно от дождей и тающих на высотах снегов поднимающиеся потоки довершают затруднение, и потому можно некоторым образом оправдать название заморской стороны, данное землям, лежащим к востоку от Байкала.

Забайкальский край пересекается еще высокими горами, известными под именем Яблонового хребта, и составляет самое высокое место во всей Сибири. Поэтому, несмотря на то что занимает южнейшую часть и что земли там необычайно плодородны, а зима необыкновенно коротка, хлебопашество в оном не всегда надежно: несвоевременные морозы на высотах нередко похищают самые лучшие надежды земледельца. Особенно этому бедствию подвержены земли, лежащие на восточной стороне Яблонового хребта.

Отсюда происходит естественная зависимость сих мест от находящихся на западе Байкала, и при всей трудности сообщений едва ли возможно отделить управление Забайкальское от Иркутского. Сей край, подобно находящемуся между Обью и Енисеем, изобилует металлами»¹⁶.

В состав Сибири Батеньков включал и Камчатку. «Край сей,— писал он,— от Охотского с западной стороны отделяется морем, замерзающим зимою при берегах, покрытым до июля плавающими льдами и во все краткое лето беспрестанными почти туманами; на север же страну суровую, необитаемую и небезопасным сообщением. Если б морские наши путешествия в Восточный океан производимы были чаще и постояннее, то Камчатка едва ли бы не с большею удобностию принадлежала к С. Петербургской, нежели к Иркутской, губернии.

Имея в виду сии общие основания, нетрудно понять гражданское разделение Сибири»¹⁷.

Батеньков отмечал, что прежнее и нынешнее административное деление Сибири не отвечает ее хозяйственным потребностям. Из трех сибирских губерний (Тобольская, Иркутская и Томская) особенно неудачно была образована Томская, «пределы которой, по-

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 14.

видимому, определены были простым воззрением на расстояния», без учета существующих путей сообщения.

В результате северные районы по Енисею и его притокам оказались «вне пределов ближайшего действия» губернской администрации. Более того, целый округ оказался отделенным от Томска землями, находившимися в ведении горного ведомства, не говоря уже о том, что со значительной частью губернии почти не существовало удовлетворительных транспортных путей. Батеньков находил «нужным постановить новое разделение Сибири, то есть образовать по системе Енисея еще одну губернию, собрать воедино разрозненные части губернии Томской».

Таким образом, Батеньков смело перекраивал существующие внутренние административные границы Сибири на основе учета состояния хозяйства и путей сообщения, что было новым словом в районировании России, которое нашло дальнейшее развитие в «Русской правде» и проекте конституции Н. М. Муравьева.

Один из разделов капитального труда декабриста посвящен этническому составу населения Сибири. Батеньков отмечает, что присоединение Сибири «не было сопровождаемо опустошениями». Казаки и землепроходцы не принуждали коренных жителей «переменять веру, обычай, язык».

В исследовании подробно рассмотрены места расселения и количественный состав национальностей Сибири. По роду занятий и образу жизни Батеньков делил народы Сибири на три разряда: оседлые, кочевые (полуоседлые) и бродячие. обстоятельное изучение этнического состава народов Сибири Батеньковым было выполнено в связи с работой над «Уставом об управлении инородцами». В этом документе, впоследствии получившем силу закона, будущий декабрист наметил меры по поднятию общественной и культурной жизни сибирских народностей до уровня русского населения и по облегчению перехода от кочевого и бродячего образа жизни к оседлому, к занятиям земледелием, обеспечив их «особым пространством» (типа волостей).

По словам академика С. В. Бахрушина, составители «Устава» были воодушевлены «прекрасными принципами». И действительно, «Устав» Батенькова находился в удивительном согласии с «Русской правдой» Пе-

стеля, свидетельствуя о том, что прекрасные принципы отражали гуманизм декабристов и их глубокое внимание к судьбам малых народов.

Весьма подробно рассмотрел Батеньков ход заселения русскими Сибири и дал характеристику численного состава населения в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Якутской, Камчатской областях и в Охотском приморском управлении. В это исследование была полностью включена ранняя работа «Табель населения Сибири по климатам». Она интересна прежде всего попыткой разделения Сибири по климатическим особенностям на Северную, Среднюю и Южную полосы. К Северной полосе декабрист относил Березовский уезд Тобольской губернии, Нарымский и Туруханский уезды Томской губернии, Якутскую область, Гижигу, Охотск и Камчатку, сделав при этом оговорку, что Охотск, Гижигу, Камчатку и «полуденную часть Якутской области, прилежащую к Становому хребту, следовало бы по положению причислить к Средней полосе», но он счел нужным отнести их к Северной «по неспособности к плодородию». Всего в Северной полосе проживало 198 177 человек, в том числе 15 900 русских. В состав Средней полосы Батеньков включил Туринский, Тюменский, Тобольский и Тарский уезды Тобольской губернии, Каинский, Томский, Енисейский уезды Томской губернии и Киренский уезд Иркутской губернии. Всего в Средней полосе проживало 382 011 человек, из них русских — 328 820.

В примечаниях Батеньков писал, что «в Средней полосе часть уезда Туринского, а именно комиссарство Пелынское, часть уезда Тобольского, а именно комиссарство Денщиковское, часть Енисейского уезда, прилежащая к Туруханскому, также и часть Киренского, прилежащая к области Якутской, могли бы быть по положению их и по бесплодию отнесены к полосе Северной, но поставлены в Средней — по маловажности населения и во избежание раздроблений».

К Южной полосе были отнесены Ялutorовский, Курганский, Ишимский, Омский уезды Тобольской губернии, Бийский, Кузнецкий, Красноярский уезды Томской губернии, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Иркутский, Нерчинский уезды Иркутской губернии. В Южной климатической полосе проживало 1 021 892 человека, из них русских — 911 385. Население всей

Сибири, по данным Батенькова, относящимся к 1820 г., составляло 1 602 010 человек, из них 1 156 105 русских. (В таблицу распределения населения по климатам не были включены войска.)

Свое обозрение Сибири Батеньков заканчивал классификацией земель, разбив их на четыре группы: 1) тундра и топи; 2) степи и солончаки; 3) плоскогорья и «горы средней величины»; 4) высокие горы. «Сибирь,— писал он,— содержит в себе богатый запас земель, обеспечивающий изобилие наших земледельцев на неисчислимое время»¹⁸.

Специальный раздел Батеньков посвятил состоянию изученности не только Сибири, но и всего земного шара. «Как ни велики наши успехи в землеописании,— писал он,— при всем том во многих частях света, включая Европу, находятся еще обширные страны, неизвестные донныне, подробное и правильное измерение земель в самой Европе не везде было предпринято и совершенно. Много требуется времени, способов и усилий для совершения сего полезного, но трудного дела!

Обращаясь в особенности к Азии, мы встретим целые страны до того нам неизвестные, что самые наименования их и взаимное положение означаются ошибочно и с противоречиями; так, например, вся средняя полоса Азии, сопредельная российским владениям и потому заслуживающая особенное наше внимание, едва известна нам по разнообразным рассказам и описаниям путешественников, часто несамовидцев.

Сего не можно, однако же, сказать о Сибири. Для общего понятия о целом составе и частях ее мы давно уже имеем удовлетворительные сведения.

Не говоря о древнем землеописании, то есть об относящемся к тому состоянию Сибири, в коем находилась она в течение многих веков до занятия россиянами и о коем дошедшие до нас памятники возбуждают любопытство, но не удовлетворяют одного, первые наши завоеватели сего края были также и первыми его землеописателями»¹⁹.

¹⁸ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь//Сын Отечества, 1822. Ч. 81. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 21.

Этот вывод декабриста подтвержден многочисленными современными публикациями «отписок», распросов и челобитных русских землепроходцев. Казалось бы, по словам декабриста, от простых казаков и промышленников XVI и XVII вв. едва ли можно было ожидать важных услуг в распространении знаний человеческих, но, напротив, находясь в беспрестанном движении для обретения новых земель, «русские замечали все встречавшееся на пути их и сообщали свои замечания с довольною точностию».

«Первые в Сибири путешествия были совершаемы по рекам,— отмечал Батеньков.— Сие и не могло быть иначе по трудностям и неверности сообщений. Хотя пространство между реками не везде было обозреваемо, но взаимное положение частей, определяясь течением рек, представляло достаточное уже о сей стране понятие.

Север прежде сделался известным» ²⁰.

Эта замечательная мысль декабриста подтверждается современными исследованиями. Русские были знакомы с северо-западом Сибири еще, по-видимому, в XI в., а может быть, даже и раньше. Недавно трудами советских археологов обнаружено славянское поселение XII в. на острове Вайгач, т. е. на границе между Европой и Сибирью. А в 1364 г. новгородцы прошли Обью от верхнего течения до моря и, разумеется, сделали немало важных приобретений для науки, и прежде всего географии. «Более ста пятидесяти лет продолжались сии открытия, тем более примечательные, что россияне, подобно древним, открыли моря, достигая из внутренних земель до берегов их. Морскими путешествиями, предпринятыми впоследствии, дополнены токмо, поверены и точнее определены сии открытия» ²¹.

Предвосхищая Герцена, Батеньков одним из первых русских революционеров определил великое значение великих географических открытий в Сибири. «Таким образом, Сибирь была уже, так сказать, обрисована на географических картах; нужно было для означения подробностей призвать в помощь топографию. Начало прошедшего столетия, толико обильное

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

великими примерами попечительности нашего правительства, составляет первую эпоху новейшей сибирской топографии. Правительство предвидело, что обширное пространство земель, горы, леса, болота и самый недостаток населения суть важные препятствия к правильному измерению земель, и потому решилось употребить для сего чрезвычайные меры.

Еще до 1714 года учрежден был в Сибири землеописательный корпус под названием Геодезического и особые училища для приуготовления юношества на службу сего рода, сперва в Tobольске, а потом в Иркутске и Охотске.

Предметы сих училищ имели тесную связь с науками, относящимися к мореплаванию. Отсюда следует заключить, что в самом начале при измерении земель предполагалось было употребить астрономические способы.

Но недолго пользовалась Сибирь сими средствами. Цель учреждения геодезических училищ вскоре изменилась. Воспитанники их назначались не для одного землеописания, но вступали в службу морскую, лесную, горную и т. п., хотя успехи их до того были значительны, что в С. Петербург для определения штурманами на Балтийское море отправлено в разные времена до 40 человек.

В Tobольске геодезического училища давно уже нет; в Иркутске и Охотске училища такие уничтожились или, точнее сказать, получили другое назначение. К довершению сей потери случившимися в главных сибирских городах пожарами истреблены все произведения прежних геодезистов, и о степени успехов их ничего не можно ныне сказать достоверного. Впрочем, никакого нет сомнения, что нынешние географические карты Сибири ежели не самым началом их, то по крайней мере важными поправками и означением многих подробностей обязаны сему заведению»²².

Батеньков высоко оценивал научное значение Второй камчатской экспедиции, самого грандиозного географического предприятия. Вместе с тем, несмотря на

²² Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь//Сын Отечества. 1822. Ч. 81. С. 28.

то что еще в 1783 г. русское правительство предприняло попытку произвести измерение земель всего государства, в Сибири это столь грандиозно задуманное научное предприятие не получило должного размаха и ограничилось исследованием всего лишь Тюменского уезда и некоторых незначительных мест Иркутской губернии (всего около 672 тыс. десятин). Правда, время от времени местными землемерами производилось описание водяных сообщений, измерение дорог, но все это было ничтожно мало.

«Таким образом, топография Сибири далеко еще не достигла желаемого совершенства, и по сие время не имеем мы верных и подробных карт сего края,— писал Батеньков.— Даже те измерения двух уездов Тобольской губернии, о коих выше сего упомянуто, во многом несовершенны. Они не поверены астрономическими наблюдениями, не содержат в себе некоторых пужных подробностей и положены на план без поправок и приведений, на математических исчислениях основанных и для точности карт необходимых...

Отсюда происходит несходство между собою издаваемых карт сей страны: положение рек, гор, озер и пр. означает на них почти произвольно и основывается на одних описаниях, а нередко на одних догадках. Нетрудно понять также, почему местное начальство при великом обилии земель находится всегда в затруднении указать, какие именно из них свободны и могут быть обращены в частную собственность или для новых поселений.

Творения иностранцев еще более несовершенны. Целую книгу можно составить из замечаний о неверностях, в них заключающихся. В новейших их произведениях часто встречаем повторение прежних ошибок, сведения неосновательные, вообще же невнимание к известным уже источникам и недостаток их собрания»²³.

В заключение этого раздела декабрист намечал обширную программу дальнейших исследований в Сибири, начиная с Тобольской губернии и кончая Камчаткой. Он подчеркивал, что «внутренность Сибири представляет еще обширное поле для упражнений топографа. Небесполезно было бы умножить число астрономи-

²³ Там же. С. 31—33.

ческих наблюдений, и по многим отношениям желательно точнее определить сей богатый запас земель, обеспечивающий положение наших земледельцев на неисчислимое время»²⁴.

Создание обширного исследования «Общий взгляд на Сибирь» связано с работой Батенькова над «Положением о приведении в известность земель Сибири». Батеньков вновь и вновь подчеркивал, что география Сибири «далеко еще не достигла желаемого совершенства и по сие время не имеем мы верных и подробных карт сего края»²⁵. Составленные ранее карты к началу XIX в. устарели, положение большинства пунктов Сибири не было определено астрономическими наблюдениями, а положение рек, гор, озер основывалось «нередко на одних догадках». Все это затрудняло административную деятельность и хозяйственное освоение земель, поскольку «местное начальство» не имело представления, «какие именно из них свободны и могут быть обращены в частную собственность или для новых поселений». Именно этой задаче и был подчинен разработанный Батеньковым грандиозный проект изучения Сибири, который имел «хозяйственную цель». Вместе с тем в нем было уделено большое внимание «усовершенствованию географических познаний о сей стране».

В «Положении о приведении в известность земель Сибири» Батеньков отмечал, что ввиду безуспешности попыток подробного картирования земель Сибири, предпринимавшихся на протяжении целого столетия, снаряжается особая землеописательная экспедиция, находящаяся в полном подчинении сибирского генерал-губернатора. Она обеспечивается «учеными пособиями так, чтоб сделанные до сего времени в науках открытия могли быть к делу сему приложены по крайней возможности»²⁶. Экспедиция должна была состоять из 12 офицеров и 50 топографов. На ее содержание ежегодно намечалось расходовать 116 тыс. руб., не считая жалованья участникам экспедиции и единовременных затрат на инструменты и различное снаряжение.

²⁴ Батеньков Г. С. Общий взгляд на Сибирь // Сын Отечества. 1822. Ч. 81. С. 31—33.

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. Батенькова. Картон 12. Д. 12. Л. 1.

Землеописательная экспедиция должна была иметь целью «приведение в известность количества и положения земель, способных к заселению и устройству разных заведений, дабы можно было решительно определить:

1) какие земли надлежит оставить для нынешних заселений,

2) до какого количества и где можно умножить заселения,

3) какие земли надлежит сохранить в запасе для государственных потребностей,

4) какие можно раздать в частное владение, наконец,

5) определить удобство взаимных сообщений всех сих мест»²⁷.

Экспедиции предстояло исследовать полосу земель Сибири, лежащую в климате, пригодном для земледелия, точнее, от южных границ до 60° с. ш. Во время съемок в каждой губернии Батеньков предлагал организовать две постоянные обсерватории. При этом одна из них должна была находиться в городе, а другая переезжать вместе с экспедицией. Кроме астрономических наблюдений, для точного определения долгот и широт и проверки инструментов для ученых изысканий обсерваториям следовало вести «наблюдения над барометром и термометром» и определять «склонение и наклонение магнитной стрелки».

Учитывая обширность территории, которую экспедиции предстояло обследовать, главное внимание Батеньков предлагал уделить картированию наиболее заселенных мест, а для малонаселенных составить общие географические описания. Экспедиция должна была определить астрономическими наблюдениями положение городов, крупных населенных пунктов, направление главнейших рек.

Топографической съемкой предполагалось «привести в известность положение гор, холмов и возвышений, озер, болот, рек, ручьев, оврагов, губернских и уездных границ, лесов с разделением на роды, мест пашенных, лугов, дорог, означить различие грунтов, песчаного, солонцеватого, каменистого и проч., отли-

²⁷ Там же. Л. 6.

чить места, потопляемые разлитием вод. Одним словом, привести в точную известность как положение, так и качество земель и все на оных усадьбы и урочища. Измерить высоту гор и их склонов»²⁸. Кроме того, должны были составляться общие описания. На исследование каждой губернии отводился срок в шесть-семь лет.

Начальнику экспедиции следовало вести «барометрические и термометрические наблюдения, равно и все прочие ученые замечания, касаясь и гидрографии, через наблюдение половодий и измерения быстроты течений. Одним словом, стараться, чтоб пребывание его в Сибири принесло сколько можно более пользы по всем предметам наук и точность искусств»²⁹.

Весь проект Батенькова проникнут заботой о развитии производительных сил Сибири. В августе 1821 г. Сперанский передал его в Главный штаб. Однако здесь проект не нашел поддержки и был переправлен в Сибирский комитет, который рекомендовал ограничить исследование Сибири лишь съемкой наиболее плодородных земель.

В 1822 г. Батеньков опубликовал «Известие о двух путешествиях экспедиции, отправленной из Нижне-Колымска». «Я удивляюсь,— писал декабрист,— что поныне ни в одном из наших журналов не сообщено о сем немаловажном для наук путешествии. Иностранные журналисты, кажется мне, стараются более своим читателям доставлять отечественных новостей, и нередко мы, русские, через их посредство узнаем о подвигах наших соотечественников на поприще наук и открытий»³⁰.

Батеньков описал первые две санные поездки Колымской экспедиции: «...к мысу Шелагскому и к северу от Медвежьих островов» в поисках загадочной Северной матерой земли. Автор обращал внимание на то, что путешественников чаще всего останавливали тонкий лед, разводья и полыньи, что такие же тонкие льдины замечены в торосах к северу от Медвежьих островов. «По сим наблюдениям состояния льда на-

²⁸ Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. Батенькова. Картон 12. Д. 12. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Батеньков Г. С. Известие о двух путешествиях экспедиции, отправленной из Нижне-Колымска // Сев. арх. 1822. Ч. 3. № 6. С. 152.

**Владимир Иванович
Штейнгель**

**Федор Николаевич
Глинка**

**Николай Александрович
Бестужев**

**Гавриил Степанович
Батеньков**

**Дмитрий Принарович
Завалишин**

**Сергей Петрович
Трубецкой**

**Михаил Карлович
Кюхельбекер**

**Николай Васильевич
Басаргин**

**Павел Иванович
Пестель**

**Кондратий Федорович
Рылев**

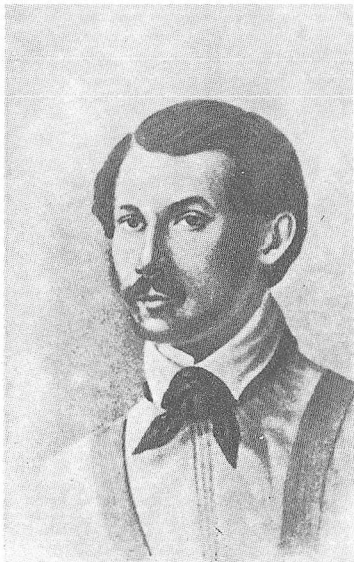
**Михаил Александрович
Фонвизин**

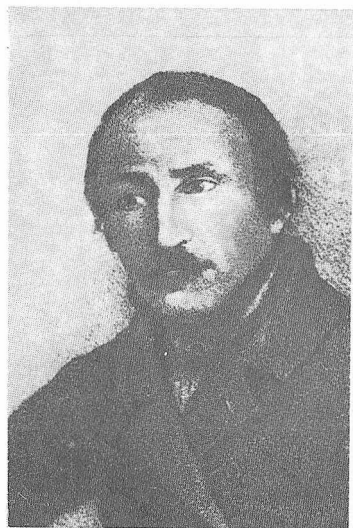
**Михаил Сергеевич
Лунин**

**Михаил Александрович
Бестужев**

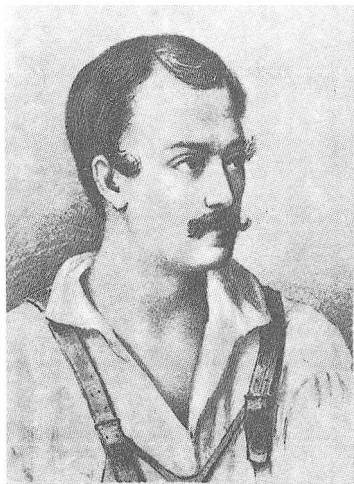
**Александр Александрович
Бестужев (Марлинский)**

**Андрей Иванович
Борисов**

**Петр Иванович
Борисов**

**Александр Иванович
Якубович**

**Михаил Фотиевич
Митьков**

**Иван Дмитриевич
Якушкин**

**Андрей Евгеньевич
Розен**

Трубецкой С. П.

Тетради с записями С. П. Трубецкого, озаглавленные „О жирных веществах“ и „исследование законов химических соединений“.

Начато 8.12 Окончено _____
На 56 листах

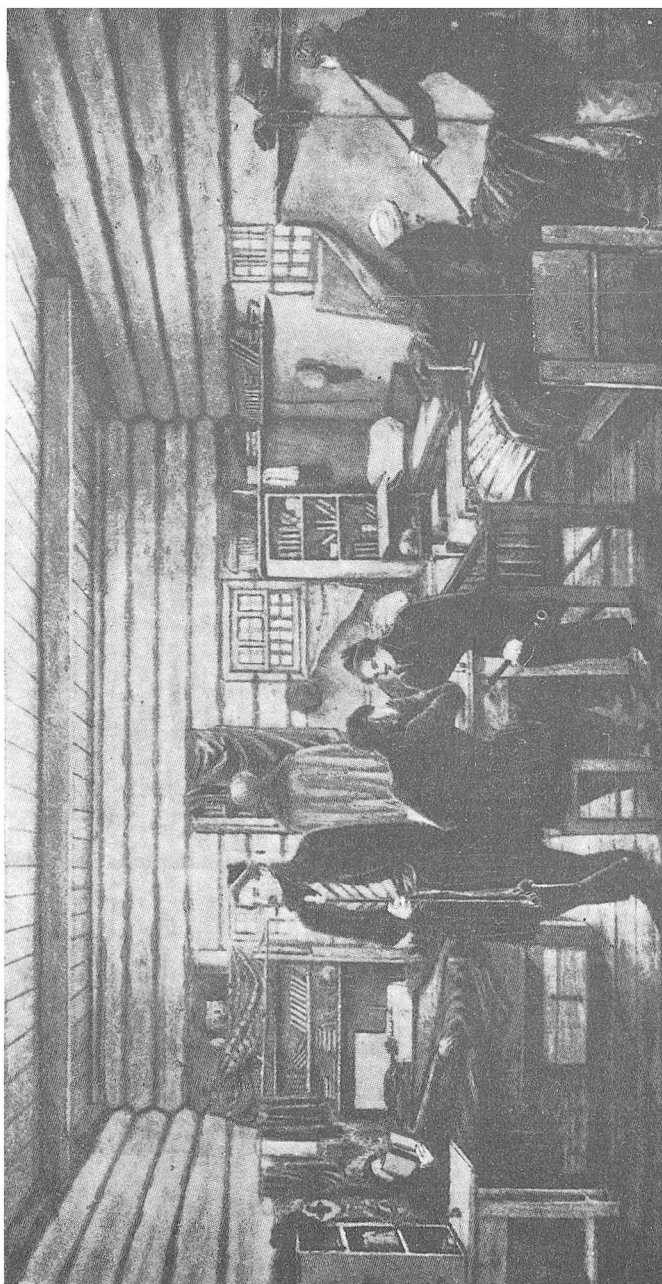
Обложка архивного дела
Тетради с записями С. П. Трубецкого
о «Жирных веществах»
и «Исследование законов химических соединений»

Трубецкой С. П.

Записи метеорологических и
астрономических наблюдений Тру-
бецкого С. П.

Начато 1832г. Окончено 1852г.
На 186 листах

Обложка архивного дела
«Записи метеорологических и астрономических наблюдений
С. П. Трубецкого»

чальник экспедиции выводит заключение, что, вероятно, в близости от сего места не находится большой земли, которая могла бы удерживать стремление ветров и течение воды, однако же нет сомнения, что существуют неизвестные острова, подобные Медвежьим»³¹.

Таким образом, декабристы первыми усомнились в существовании большой матерой земли, слухи о которой начали распространяться после путешествия Михаила Стадухина и с особой силой разгорелись в связи с открытиями Якова Санникова и других сибирских промышленников. Они обратили внимание на такое интересное событие, как встреча экспедиции с первым ледяным островом, высота которого местами превышала 20 м³². Его поверхность была всхолмлена. По словам Врангеля, «иные торосы уподоблялись кругообразным горам-шарам, другие — остроконечным сопкам. Таким образом, образовался настоящий гористый остров, цвет льда белый, иногда с весьма темным отсветом, пресного вкуса и совершенно похож на лед, образующийся летом в высоких горах. Сопки сего ледяного острова показались нам издали за действительные каменные горы, даже находясь на оных, порубали мы глубокие ямы, чтобы увериться в их составах. Такой лед называют здесь древним, говоря, что он летом плавает и достигает дна морского»³³.

Затем на основе донесений Врангеля и Анжу Батеньков составил две статьи — «Обозрение успехов двухлетних путешествий» и «Общее обозрение успехов путешествий, произведенных в 1821 и 1822 годах экспедициями, отправленными на берег Ледовитого моря». В этих статьях, написанных в конце 1822 г. либо в самом начале 1823 г., освещены ход экспедиции Анжу и Врангеля, результаты их исследований в целях описи северных берегов Сибири и Чукотки, а также поездки по льду в поисках гипотетических земель, «якобы виденных издали промышленником Яковом Санниковым и сержантом Степаном Андреевым».

³¹ Там же.

³² Корнилович А. О. Известие об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 годах // Сев. арх. 1825. № 3. С. 351.

³³ ЦГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 189. Л. 5.

Сопоставление статей Батенькова с перепиской Сперанского по поводу экспедиций Врангеля и Анжу, хранящейся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, показывает их почти дословное совпадение. Скорее всего, отчеты сибирского губернатора о работе Колымской и Янской экспедиций и программа их действий в 1823 г. были составлены Батеньковым и без изменений подписаны Сперанским. В этом еще более убеждает «Отрывок из письма к начальнику отряда Северной экспедиции лейтенанту Ф. П. Врангелю», опубликованный Батеньковым в журнале «Сын Отечества» за 1823 г.³⁴

После того как вместо предполагаемой обширной Земли Санникова Анжу открыл крохотный остров Фигурина, Батеньков высказал предположение о существовании «необширных возвышений в других местах океана». Свое письмо он заключал следующими словами: «Желаю, весьма желаю, чтобы Вы успели осмотреть и остальную часть неизвестного берега до Северного мыса. Нетерпеливо ожидаем возвращения Вашего, сколько вопросов для Вас приготовлено. Спешите к нам, Вас ожидают читатели и слушатели, а также признательность начальства и соотечественников»³⁵.

Из материалов следственного дела декабриста известно, что в 1823 г. граф Аракчеев потребовал, чтобы Батеньков «служил у него»³⁶. Его назначили членом Совета военных поселений и определили оклад 10 тыс. руб., что по тем временам обеспечивало ему безбедное существование. Декабристу было поручено заняться законодательством о военных поселениях.

Граф, по признанию декабриста, из своего подчиненного «непременно желал» сделать царедворца и строгого начальника, но мысли Батенькова приобретали все более революционное направление: «Зрелище военных поселений и Западной Сибири, угнетаемой самовольным и губительным правлением, общее внутреннее неустройство, общие жалобы, бедность, упадок и стеснение торговли, учения и самых чувств возвы-

³⁴ Батеньков Г. Отрывок из письма к начальнику отряда Северной экспедиции лейтенанту Ф. П. Врангелю // Сын Отечества. 1823. Ч. 82. С. 84.

³⁵ Там же.

³⁶ Восстание декабристов. Т. 14. С. 94—95.

шенных, неосновательность и бездействие законов — все, с одной стороны, расположило не любить существующий порядок, с другой же — думать, что революция близка»³⁷.

В январе 1825 г. во время пребывания в Москве Батенькову впервые пришла мысль о неизбежности революции, и он принял решение — ему «должно в ней участвовать и быть лицом историческим»³⁸. Он разработал «план атакующего общества», одной из важнейших задач которого считал «ученую отрасль, которая действовала бы на нравы»³⁹.

В 1825 г. Батеньков жил в селе Грузино. Он много размышлял о современном состоянии России и ее будущем, о деятельности администрации. Он полагал, что она, «не быв утверждена на политической свободе, не может быть прочна и не может достигать своего назначения»⁴⁰. Учреждение министерств, по мысли Батенькова, привело в конце концов к тому, что «вскоре вся администрация представила собой огромные и праздные канцелярии министров»⁴¹. «Словом, — писал в заключение раздела Батеньков, — верховное правительство в последние годы рассыпалось, потеряло все единство и представляло собой нестройную громаду»⁴².

Рассмотрел декабрист и систему налогов, которую назвал обширным полем злоупотреблений и народного бедствия. Он гневно осуждал казенную винную монополию, последствием которой было то, что крестьяне частью уменьшили, частью бросили хлебопашество, а введение этой меры умножило «разврат и корыстолюбие чиновников»⁴³. Эти мысли затем были изложены декабристом в его письмах из Петропавловской крепости на имя Николая I и генерал-адъютанта Левашова.

В ноябре 1825 г. Батеньков подал прошение об отставке и был принят в члены Северного общества. Он считал необходимым привлечь к участию в революции солдат и много потрудился над конституцией

³⁷ Там же. С. 94.

³⁸ Там же. С. 95.

³⁹ Там же. С. 96.

⁴⁰ Там же. С. 131.

⁴¹ Там же. С. 132.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 135.

для России. Батеньков выступал за освобождение крестьян от крепостной зависимости. Декабристы высоко оценивали деятельность Батенькова и в случае победы предполагали назначить его секретарем революционного правительства.

Батеньков был арестован через две недели после восстания. В течение двух месяцев он настойчиво отрицал принадлежность к движению декабристов, утверждая, что его связи с ними носили сугубо приятельский или деловой, но отнюдь не политический характер. Убедившись, что расправы не избежать, он сделал, наконец, откровенное признание: «Постыдным образом отрицался я от лучшего дела в моей жизни. Я не только был член тайного общества, но член самый деятельный. Предприятие, план его, цель покушения — все мне принадлежит или во всем я принимал великое участие. Дела сие докажут.

Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим. Оно, выключая разве немногих, состояло из людей, коими Россия всегда будет гордиться. Ежели только возможно, я имею полное право и готовность разделять с членами его все — не выключая ничего. Болезнь во время следствия, по всей справедливости, не должна бы лишать меня сего права. Цель покушения не была ничтожна, ибо она клонилась к тому, чтобы ежели не оспаривать, то по крайней мере, привести в борение права народа и права самодержавия, ежели не иметь успеха, то по крайней мере оставить историческое воспоминание. Никто из членов не имел своекорыстных видов.

Покушение 14 декабря не мятеж, как, к стыду моему, именовал я несколько раз, но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытописаниях и в глазах других просвещенных народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них: ибо хотя по несоразмерности и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не далее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался»⁴⁴. Эти строки глубоко раскрывают значение движения декабристов.

Начиная со второй половины марта 1826 г. в своих показаниях Батеньков неоднократно подчеркивал, что он являлся главнейшим лицом и политическим деятелем

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 14. С. 90—91.

лем в движении и восстании декабристов. Он был убежден, что его приговорят к смертной казни и в его лице погибнет «один из первых знатоков России в государственных видах»⁴⁵.

В своих показаниях Батеньков отмечал, что жизнь народов, по его мнению, состоит «не в единообразной покорности мертвым законам или переменчивому произволу, но в непрерывной моральной борьбе свободы с властолюбцем»⁴⁶. Батеньков продумал «план системы народного просвещения», а также критиковал политику правительства в области «науки и образования»⁴⁷.

По мнению современников, своими смелыми заявлениями Батеньков «просил смерти». Именно этой меры и требовали некоторые члены верховного суда над декабристами, в том числе и бывший сибирский генерал-губернатор Сперанский, некогда очень высоко ценивший Батенькова. Батеньков был приговорен к 20 годам каторжных работ. Но декабриста ждали более тяжкие испытания, чем каторга. Его упрятали в секретный каземат Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Батеньков, которого, по-видимому, Николай I считал самым опасным из оставшихся в живых декабристов, 20 лет просидел в одиночке. Ему нельзя было обменяться даже несколькими словами со своими стражами. Читать не разрешали ничего, кроме Библии. Он разучился говорить. Его раны страшно ныли, и он кричал по ночам от нечеловеческой боли. Вся глубина трагизма его положения видна из написанного им в крепости стихотворения «Одичалый»:

Скажите, светит ли луна,
И есть ли птички, хоть на воле,
Ужель и люди веселятся,
И думают, и говорят...

В конце 20-х годов из Сибири в Петербург приехал Геденштром. Задавшись целью проникнуть в каземат к Батенькову, он познакомился с офицером Преображенского полка, который командовал караульной ротой в Петропавловской крепости. Как-то Геденштром признался своему знакомому в том, что ему очень хочется повидать своего друга Батенькова. Однако офи-

⁴⁵ Там же. С. 135.

⁴⁶ Там же. С. 136.

⁴⁷ Там же. С. 137.

пер не мог придумать способа: слишком усиленной была охрана.

Наконец, Геденштрому пришла в голову мысль побывать хотя бы за стенами Петропавловской крепости. Во время очередного своего дежурства офицер, выдав Геденштрома за своего денщика, провел его в Петропавловскую крепость. «Вот бы тебе одеться преобразенским солдатом, стать бы на часы в коридор казематов, ты мог бы видаться целый час!» — шутя заметил офицер. Пожалуй, это была единственная возможность, по связана она была с исключительным риском для обоих участников столь необычайно смелой затеи. «Добрый капитан решился, — вспоминал Геденштром, — а я рад пуститься на все — лишь повидаться. Приготовил я себе солдатский мундир, обстригся и в один из караулов капитана пошел с ним денщиком. Около полуночи я был солдатом и лежал между спящими солдатами. По крику унтера: „Смена внутренних!“ — я взял ружье и стал с другими»⁴⁸.

Так Геденштром оказался часовым во внутреннем помещении казематов Петропавловской крепости, а спустя несколько минут, разыскав камеру Батенькова, уже обнимался со своим другом. Словно мгновение, пролетел час долгожданной встречи.

Геденштром узнал, что Батенькова должны были отправить в Сибирь, но этому категорически воспротивился Сперанский. Он вошел с докладом к царю, где изложил свою точку зрения: если Батенькова отправить из крепости на каторгу, то он понесет слишком тяжкое наказание, ибо сам «составлял положение о ссыльных».

«Пробыв двадцать лет в секретном заключении всю свою молодость, не имея ни книг, ни живой беседы, чего в наше время не мог перенести, не лилась жизни или по крайней мере разума, я не имел никакой помощи в жестоких душевных страданиях...»⁴⁹ Так впоследствии вспоминал декабрист о страшных днях одиночного заточения. Только в 1845 г. декабристу разрешили выписать «Литературную газету»,

⁴⁸ Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания // Цит. по: Рус. старина. 1878. Т. 23. С. 528.

⁴⁹ Цит. по: Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск: Наука, 1965. С. 64.

«Отечественные записки», «Русского инвалида», «Журнал Министерства внутренних дел».

Наконец, заключенному дали бумагу, перо, чернила и разрешили писать. В своих записках, в основном посвященных истории России, он подчеркивал, что, заковыкая в кандалы не только руки, но и умы лучшей части русского народа, правители России готовят «собственное свое уничтожение»⁵⁰.

В последний год заточения в Петропавловской крепости Батеньков создал «Тюремную песнь», которую исследователи оценивают как «подлинный гимн познанию, могуществу человеческой мысли и воплощение восторга красотой и гармонией Вселенной»⁵¹. Она заканчивается строфами, проникнутыми верой в торжество разума и творческих сил:

Еще я силен и творящих
Храню в себе зачатки сил,
Свободных, умных, яснозрящих
Не подавит меня кумир.

Только в феврале 1846 г. Батенькова выпустили из Алексеевского равелина и отправили на поселение в Томск. Сопровождавшему его жандарму было приказано строго наблюдать за тем, чтобы Батеньков никуда не отлучался и «не имел разговоров ни о своей жизни, ни даже о своем имени». Он не застал в живых своего друга Геденштрома, который умер за год до его освобождения.

После 20 лет страданий жизнь начиналась снова. По словам Гавриила Степановича, он чувствовал себя новорожденным младенцем. В Томске Батенькова приняли сердечно. Его старые знакомые позаботились о том, чтобы он не пуждался в самом необходимом. Он медленно приходил в себя после перенесенных испытаний. Встречавшиеся с ним в те годы И. И. Пущин и М. Н. Волконская свидетельствовали, что, несмотря на все пережитое, «он сохранил свое спокойствие, светлое настроение и неисчерпаемую доброту». После объявления амнистии в 1856 г. Батеньков переселился в село Петрищево Тульской губер-

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 133. Л. 15.

⁵¹ Мейлах Б. Р. Из неизданного литературного наследия декабристов // Декабристы и русская культура. Л.; М.: Наука, 1976. С. 219.

нии и некоторое время жил в семье своего покойного друга Елагина.

Внимание декабриста продолжали привлекать проблемы изучения и развития путей сообщения в Сибири. Среди бумаг Батенькова сохранился проект прокладки железнодорожного пути между Петербургом и Тобольском, Тобольском и Архангельском, а также предложение о соединении каналом Оби и Енисея, что, по его мнению, связало бы всю Сибирь. «Проложение через Сибирь железнодорожного пути,— писал он в 1859 г.,— значило бы присоединение огромной пустынной страны к образованному миру и довершение кругосветного пути. Такая мысль, хотя и далекая от осуществления, не может не произвести восторженного чувства. С первого раза она вызывает исполинский прием человеческого духа...

Чтобы решиться на это дело, надо решиться на реализацию означенной идеи без всяких положительных данных, в полной свободе на широком поле математической и физической географии»⁵².

Далее декабрист подчеркивал, что выбор места постройки магистрали должен производиться с учетом топографических и экономических условий. Батеньков рассматривал три варианта транссибирской железной дороги, должной соединить Петербург с Тихим океаном. Весьма важно, по его мнению, проведение дороги через районы Севера, которые «снова оживляются», но устройство железнодорожного полотна по причине глубоких снегов, суровых климатических условий представляет главное затруднение.

Затем он подробно анализировал среднесибирский и южносибирский варианты. Он считал, что, прежде чем решить вопрос о выборе трассы, следовало заняться изучением Сибири, так как в настоящее время никто не может дать достоверных и подробных «сведений», касающихся страны необыкновенной и пустынной, какова есть Сибирь». Прежде всего надо наметить вопросы для создания ее «общей географии», обратить особое внимание на исследование Нерчинского края, побережья Охотского моря, речных систем Май и Алдана, входящих в бассейн Лены. «Это,— писал Батеньков,— и составляет главный пред-

⁵² Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. Батенькова. Картон 5. Д. 3. Л. 3.

мет научных изысканий тамошнего отдела Географического общества»⁵³.

Не только вопросы изучения родной Сибири волновали ученого. Он посвятил несколько статей разбору капитального труда А. Гумбольдта «Космос», которым интересовались многие декабристы.

Умер Г. С. Батеньков в 1863 г. и похоронен в имении Елагиных, в селе Петрищеве Тульской губернии.

Владимир Павлович Романов

(1796—1864)

В. П. Романов родился 12 июля 1796 г. в городе Александрия Херсонской губернии в дворянской семье. В 1810 г. его определили в Морской кадетский корпус, а уже в 1811 г. он был произведен из кадет в гардемарины. В. П. Романов участвовал в перевозке русской гвардии из Франции в Кронштадт, за что был произведен в мичманы. Уже в чине лейтенанта он в 1818 и 1819 гг. плавал к берегам Испании и обратно в Кронштадт. На рейде Кадикса он спас шесть тонущих испанцев, а на рейде Копенгагена — пять датчан.

В 1818 г. Романов был назначен в плавание на фрегате «Проворный» к берегам Испании. Офицерам вменялось в обязанность замечать все новое и полезное, что может послужить на пользу географии и мореплаванию. По окончании суток они должны были «означать как счисляемый, так и по астрономическим наблюдениям определенный пункт»¹. Экспедиция была снабжена картами морей, через которые предстояло плыть фрегату «Проворный». Офицерам надлежало больше «брать пеленгов видимых берегов», чтобы выявить как несходство, так и наибольшую достоверность карт. Одновременно следовало собирать сведения о ветрах, приливах, вести магнитные наблюдения, записывая их в журнал.

«Наконец, — говорилось в инструкции, — чтоб по возвращении вашем можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без за-

⁵³ Там же. Л. 4.

¹ ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 663. Л. 4.

мечания ничего, что случится вам видеть что-нибудь нового, полезного или любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях»².

Плаванием на фрегате «Проворный» началась деятельность Романова как географа. Он вернулся в Кронштадт с записками об Испании, отрывки из которых были опубликованы во второй части «Отечественных записок» за 1820 г. Они посвящены описанию города Кадикса, его жителей, их занятий, развлечений, нравов. В них содержится много интересных наблюдений этнографического характера.

Записки увидели свет, когда Романов находился на корабле «Кутузов», шедшем из Кронштадта к берегам Русской Америки. Он собрал сведения об островах, их первооткрывателях, о северо-западных берегах Америки и жителях тех мест — индейцах племени калошей. К сожалению, до нашего времени дошел лишь единственный отрывок из описания путешествия Романова. Он был опубликован в 1825 г. в журнале «Северный архив», на страницах которого печатали свои труды многие декабристы. Он носит название «О колюжах или калошах вообще» и посвящен описанию хозяйства и обрядов одного из индейских племен, обитавшего на северо-западном берегу Русской Америки. Романов отмечал, что хотя русские давно ведут промыслы в северной части Тихого океана, но «первые путешественники не имели способов» собрать сведения о калошах (колюжах).

«Колюжи, — писал Романов, — росту среднего, взгляд моложавый, волосы черные, жесткие и прямые, губы несколько толстоватые, тело смуглое. Раскрашивание лиц почитается у них главным щегольством. Кроме сего, накидывают они на плечи четырехугольный лоскут сукна или лосины, а головы пудрят орлиным пухом»³.

Романов отмечал необыкновенную храбрость индейцев и восхищался тем, что с детства они приучали себя стойчески переносить боль и даже в морозы ходить босыми. Особенно искусны калоши в изготовле-

² ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 663. Л. 6.

³ Романов В. П. О колюжах или калошах вообще // Сев. арх. 1825. № 17. С. 111.

нии лодок-однодеревок, которые могут поднимать до 50 человек. В то же время они великолепные резчики по дереву и рисовальщики⁴.

Одним из первых с заметками Романова познакомился Н. А. Бестужев, о чем известно из следственного дела декабриста. «До 1823 года,— отвечал Романов на вопросы следственного комитета,— с Николаем Бестужевым был так только знаком, как и со всеми служащими офицерами в одном порту; в начале того года вознамерился подать прожекты насчет описи в Северной нашей Америке, прибегнул к нему как человеку, известному по литературе; он охотно согласился их поправить и, увидя у меня записки о некоторых странах и народах, где я бывал, стал уговаривать, чтоб я их издал в свет, обещая их исправить»⁵.

Однако Романов не успел до восстания на Сенатской площади опубликовать описание своего кругосветного путешествия. Судьба его рукописи неизвестна. Возможно, она была уничтожена вместе с другими бумагами декабриста. Удалось лишь отыскать (среди бумаг издателя Павла Свиньина) небольшую статью об островках Павла и Георгия, которые приносили ежегодно Российско-Американской компании доход около 1250 тыс. руб., и о всеми забытом их первооткрывателе штурмане Прибылове, «окончившем дни свои, имея только хлеб насущный»⁶.

Находясь в Новоархангельске, Романов часто встречался с правителем русских владений в Америке Матвеем Ивановичем Муравьевым, который под командой Василия Михайловича Головина участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. Будущий декабрист поделился с Муравьевым своими мыслями по поводу желательности посылки экспедиции для описи реки Медной и северного побережья Америки. Муравьев одобрительно отнесся к планам Романова и предложил ему остаться в Америке, чтобы приступить к осуществлению задуманного. Но Романов не мог оставить корабль, так как на нем, кроме капитана, было всего лишь два офицера, и вернулся осенью 1822 г. в Кронштадт.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.

⁶ Отд. рукописей Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 679. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

Спустя несколько недель Романов представил начальнику Морского штаба А. В. Моллеру «Предназначение экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива». 23 декабря 1822 г. Моллер направил проект Адмиралтейскому департаменту и по рассмотрении просил его уведомить, «заслуживает ли предложение Романова вероятия и может ли принести ожидаемую пользу...»⁷.

Владимир Романов исключительно глубоко понимал не только большое научное, но и политическое значение исследований на северном побережье Русской Америки. Он писал в своем проекте: «Девятнадцатое столетие, распространяя науки и полезные познания в Европе, отличается особенным направлением, данным географическим изысканиям. Не говоря о других державах, приобретающих в наше время новые сведения о неведомых дотоле странах света, Россия в продолжение последнего двухдесятилетия сделала важные открытия по части географической, но общее стремление умов, общие напряжения мореходцев всех стран до сих пор оставляют важнейший вопрос нерешенным: соединяется ли материк Азии с Америкой, или море разделяет их? Непреодолимые трудности, испытанные англичанами в покушениях на море решить сию задачу, хотя и показали невозможность сих морских предприятий, но со всем тем Парри отправлен снова, однако же благоразумие и опытность внушили англичанам новое средство: для решения сего самого важного вопроса послать берегом туда же лейтенанта Франклина, и, кажется, от предприятия сего последнего можно надеяться большего успеха»⁸.

Романов считал нецелесообразным снаряжение морских экспедиций, так как, судя по опыту прежних плаваний, непреодолимым препятствием для кораблей становились льды. Наибольшего успеха можно было ожидать от сухопутной экспедиции, которая на подручных легких средствах способна была бы плыть по рекам, пересекать на нартах леса и тундры, идти берегом и если будет в том надобность, то идти морем, если оно окажется свободным от льдов.

⁷ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2595. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 2.

Романов придавал большое значение использованию в сухопутной экспедиции собачьих упряжек, которые следовало завезти из Охотска или с Колымы и поручить управление ими сибирским жителям, хорошо знающим езду на нартах и умеющим обращаться с лайками. Он детально изучил вопросы снабжения и снаряжения экспедиции. Романов был убежден, что успех экспедиции будет зависеть от неустрашимости и выносливости самого начальника и его товарищей по далекому путешествию. Исходным пунктом намечаемого путешествия Романов предлагал избрать реку Медную. «Любовь к наукам и пламенное желание славы Отечеству,— писал он 22 декабря 1822 г. Моллеру,— заставили меня во время путешествия кругом света на корабле „Кутузов“, Российско-Американской компании принадлежащем, собрать сведения относительно стран и народов, подвластных России в Америке. Вследствие таковых с моей стороны разысканий Медная река представилась мне удобнейшим местом для совершения по ней экспедиции, могущей послужить к распространению географических познаний и торговых выгод Отечества нашего»⁹.

Базой экспедиции, по мысли Романова, должен явиться остров Нучик в устье Медной, где имелось поселение Российско-Американской компании и где жили миролюбивые эскимосы. Уже дважды предпринимались попытки исследовать реку Медную. Так, управляющим Барановым был послан вверх по реке промышленник Баженов. Ему удалось, по его расчетам, подняться примерно на 300 верст. Он нашел на ее берегах медную руду, от которой река, вероятно, и получила свое название. Кроме того, Баженов принес сведения о том, что в Медную впадает река [Тлышитна], которая более удобна для плавания и берет свое начало из озера. По словам эскимосов, в тех местах водилось столь много оленей, что их можно добыть до 12 тыс. в год. Кроме того, там в изобилии обитали бобры, соболи, еноты, медведи, рыси и имелись крупные месторождения слюды. (Впоследствии большинство этих сведений было подтверждено путешествием Руфа Серебренникова.) Однако Баженов не смог составить карту Медной. Спустя несколько лет в тех местах побывал штурман Климовский. Он подтвер-

⁹ Там же. Л. 1.

дил сведения, сообщенные его товарищем, и привез образцы меди в самородках. У людей племени «медного поколения» (атнахмютов) он нашел несколько фальшивых английских гиней. «Сии гиней не иначе могли попасть к ним, как из Гудзонского залива, от Гудзонской компании,— писал Романов,— а сие самое подает повод думать о возможности сообщения между Гудзонским заливом и Медною рекою»¹⁰.

Романов перед экспедицией ставил две цели: во-первых, доказать, что морской путь вдоль северных берегов не пересекает перешеек, который, по мысли английских моряков, якобы соединяет Азию с Америкой; во-вторых, изведать пути, по которым могло бы быть установлено сообщение между Российско-Американской и английской Гудзонской компаниями. Экспедиция предполагалась немногочисленная. В нее следовало включить начальника, его помощника, натуралиста, живописца и 12 матросов, сведущих в кузнечном и плотничьем ремеслах.

По прибытии в Русскую Америку из Петербурга или из камчатских портов путешественники должны были заняться описанием побережья вблизи горы Святого Ильи и устья реки Медной. Проведя здесь зиму, которую Романов рассчитывал употребить на знакомство с дальними племенами эскимосов, они собирались отправиться на север для дальнейших открытий. Наиболее вероятной и ближайшей целью Романов считал достижение берегов Северного Ледовитого моря и их детальное исследование до «Маккензиева пути, который приведет в Гудзонский залив». На обратном пути предполагалось открыть сообщение между этим заливом и Медной рекой, что, по мысли Романова, должно было укрепить позиции Российско-Американской компании в глубинных областях Русской Америки, расширить область российской коммерции.

«Если мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии,— писал Романов,— то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства по пользе, которой можно ожидать от богатой страны, изобилующей богатыми пушными товарами, медью, и легко стать в

¹⁰ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2595. Л. 3.]

педрах тамошних земель заключаются и серебряные руды»¹¹.

Адмиралтейский департамент направил проект в главное правление компании с просьбой уведомить, «какие сведения имеет компания о том крае, где лейтенант Романов предполагает делать исследования и разыскания, равно каких пособий можно ожидать при сем случае от Американской компании, которой колонии находятся в этих местах»¹².

Проект Романова в главном правлении был встречен без энтузиазма. Директора компании М. Булдаков, В. Крамер и А. Северин не были заинтересованы в установлении торговых отношений с Гудзонской компанией, полагая, что проникновение русских экспедиций до Гудзонова залива не принесет никакой пользы, «кроме географических познаний». Что касается интересов компании в исследовании внутренних областей Аляски и северного побережья Америки, то о них-де заботился управляющий Русской Америки капитан Муравьев — тот самый, который предлагал Романову остаться в Америке и возглавить экспедицию для исследования Медной реки и северного побережья до Гудзонова залива.

Действительно, в 1821 г. по заданию капитана Муравьева было послано два судна для исследований северо-западных и северных берегов Америки. Одним из них командовал мичман Хромченко, вместе с О. Е. Коцебу участвовавший в экспедиции на «Рюрике» по отысканию Северо-Западного морского прохода. Командование вторым судном было поручено штурману Этолину, «очень образованному молодому человеку, страстному к открытиям»¹³.

Экспедиция успешно справилась с возложенными на нее поручениями, но она занималась исследовательскими работами в районе Берингова пролива, на расстоянии многих сотен верст от тех мест, куда предлагал Романов снарядить сухопутную экспедицию. Однако это обстоятельство было использовано в качестве предлога для отклонения проекта Романова, так как он якобы «почти уже выполняется хотя и не с торопливостью, но с должным, по местным обстоя-

¹¹ Там же. Л. 4 об.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ ЦГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 188. Л.

тельством, вниманием и прилежанием»¹⁴. «Управляющий колониями флота капитан-лейтенант Муравьев,— отвечало главное правление компании Адмиралтейскому департаменту,— в последних своих депешах уверяет, что после тех исследований он отправляет опять морскую экспедицию, чтоб сделать еще опыт и внутрь земли, к чему и избрал он из помянутых мореходов Этолина, как единственного человека по усердию, терпению и охоте к таковым исследованиям. Должно надеяться, что г. Муравьев тем еще не удовольствуется и будет составлять впоследствии времени отряды для дальнейших исследований, чем сугубо пополнятся географические познания»¹⁵.

Адмиралтейский департамент согласился с заключением главного правления о том, что нет необходимости «посылать в тот край особую экспедицию»¹⁶. Однако Романов не остановил этот отказ, и 8 февраля 1823 г., спустя две недели после того, как было принято решение об отправлении в кругосветное плавание шлюпа «Предприятие» под командой О. Е. Коцебу, он представил Моллеру «Предначертание экспедиции для описи берега Америки между Ледяным мысом и Маккензиною рекою», которое составил с мыслью о «пользе географических открытий и славе Отечества нашего». Романов надеялся, что если проект его будет одобрен, то предлагаемую им экспедицию можно будет «соединить с экспедицией капитана Коцебу и отправить на судне, которое отправляется под его начальством в Камчатку»¹⁷.

В своем проекте Романов обращал внимание на тот факт, что северный берег Америки, прилежащий к Атлантическому океану, уже описан английскими путешественниками. Например, Джону Франклину удалось достигнуть его по побережью реки Маккензи. Что касается северного побережья Америки, расположенного от Берингова пролива до этой реки на восток, то его исследованием занимались экспедиции Коцебу и Васильева, последний проник к северу дальше английских мореплавателей, но, как и его предшественники, был остановлен непроходимыми льдами за

¹⁴ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2595. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 672. Л. 52.

Ледяным мысом. Все это, по мнению Романова, доказывало невозможность описать с моря побережье Америки между Ледяным мысом и рекой Маккензи из-за скопления в этом районе тяжелых льдов. «Вследствие такой невозможности,— продолжал В. П. Романов,— берег сей остается не описанным доныне и судьба как бы нарочно хранит славу сего описания для имени русского. Конечно, Россия таковыми открытиями не приобретает выгод, имеющих влияние на торговлю, но, стоя уже на первой ступени государств образованных, берет участие в общем деле географических открытий на пользу всего человечества»¹⁸.

Романов снова подчеркивал политическую важность экспедиции. Он напоминал о том, что Англия и Франция ежегодно шлют экспедиции во внутренние районы Африки, что Россия, в свою очередь, послала экспедицию под руководством академика Г. И. Лангсдорфа для исследования «Бразилии и Патагонии до Огненной Земли», что русские моряки своими открытиями «распространили ее славу на океанах». И в то же время в пределах ее владений оставалась неисследованной обширная область севера Америки.

Вероятно, проект был написан Романовым после беседы с И. Ф. Крузенштерном, который, как видно из следственного дела декабриста, одобрял его намерения¹⁹. Романов писал во втором проекте, что состав и время действий предлагаемой экспедиции будут зависеть от совета просвещенных «мореходцев наших, опытностью и познаниями известных всему свету»²⁰. Безусловно, он имел в виду прежде всего Крузенштерна. Однако плавание на север от Берингова пролива не состоялось. Романову пришлось остаться в Кронштадте. Он решил опубликовать свои проекты, заново переработав их. Вопрос о соединении Азии и Америки перешейком Романов исключил, поскольку к тому времени Врангелем было окончательно установлено, что все северное побережье Евразии омывается морем, тем самым было доказано, что Северный проход существует. Оставалось исследовать северное побережье Русской Америки, что, по мнению иссле-

¹⁸ Там же. Л. 53.

¹⁹ ЦГАОР. Ф. 48. Д. 78. Л. 3.

²⁰ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 672. Л. 53.

дователя, должно было принести пользу географии и «славу России»²¹.

«Северный архив» и «Московский телеграф» охотно предоставили ему свои страницы. Этой публикацией молодой исследователь рассчитывал привлечь внимание передовой общественности к своим предложениям. Его проект одобрял сам Крузенштерн, и эта поддержка выдающегося мореплавателя, как видно из следственного дела декабриста, придавала Романову уверенность в возможности «выполнить оный».

Романов на страницах «Московского телеграфа» убедительно доказал, что отказ компании со ссылкой на экспедицию Этолина—Хромченко основан на недоразумении. Он писал: «В „Сыне Отечества“ (1822 г., № 48) помещено было извлечение из журналов мичмана Хромченко и штурмана Этолина. Находим, что в 1818 году сухопутная экспедиция отправлена была к северу от Аляски для отыскания бородатых людей, а в 1821 году морская экспедиция под начальством вышеупомянутых Хромченко и Этолина сделала обозрение острова Гагенмейстера и пролива сего же имени, описала заливы Добрых Вестей и Тачик, также устья рек Нушагака и Кусковима, следовательно, опись и плавание производились только в Бристольском заливе. Взглянув на карту, можно видеть, что Бристольский залив и Медная река, лежащая подле горы Святого Ильи, находятся совсем в разных сторонах»²².

Не вступая в спор с главным правлением Российско-Американской компании относительно практической пользы предполагаемого путешествия, автор убедительно раскрывал его исключительно важное научное значение: «Могут возразить, что если бы экспедиция проникла даже и до Гудзонова залива, то, кроме географических познаний, никакой другой пользы не откроется. Но если бы сие исполнилось, разве мало того, что слава такого путешествия отнеслась бы к России, что она узнала бы край, который с открытия Америки (т. е. около трех с половиной столетий) непроницаем для европейца? Какую пользу припесли наши экспедиции к полюсам? Кроме славы, никакой!

²¹ Романов В. П. Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудзонского залива // Мос. телеграф. 1825. Ч. 5, № 18. С. 96.

²² Там же.

Но такую славою дорожит всякая просвещенная держава. Северная экспедиция наша нашла обитаемый остров и прошла далее знаменитого Кука в Беринговом проливе, а Южная экспедиция обогатила круг географических сведений открытием более 30 новых островов и, сделав множество полезных наблюдений, поставила имя Беллинсгаузена наряду с именами знаменитейших мореходцев.

Пусть откроется сношение с Гудзонскою компаниею, если бы от нее нельзя ничего было получить, кроме одних мехов, известно, что звери морские и береговые год от году у нас уменьшаются. Но кто может поручиться, что на пространстве от впадения Медной реки в Тихий океан до Гудзонского залива не открылась бы какая-либо другая важная промышленность?»²³

Своими выступлениями в «Московском телеграфе» и «Северном архиве» Романов намеревался привлечь внимание, с одной стороны, выдающихся мореплавателей и заручиться их поддержкой, а с другой — государственного канцлера Н. П. Румянцева, ревниво относившегося к поискам Северного морского пути из Тихого в Атлантический океан и к исследованию северного побережья Русской Америки. Но Румянцев, истративший на подобные предприятия сотни тысяч рублей, вероятно, не обратил внимания на выступление Романова. Заметили его проект другие, те, о которых вскоре заговорили вся Россия и Европа.

Между тем в правлении Российско-Американской компании вскоре произошли изменения. Сменились директора, и управление делами компании было поручено одному из руководителей Северного общества декабристов — К. Ф. Рылееву. Разбирая бумаги компании, он обнаружил проект Романова. Тщательно изучив его, Рылеев пришел к выводу, что «от выполнения оного принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности»²⁴.

²³ Там же. С. 95—96.

²⁴ Декабристы-литераторы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 1. С. 230. (Лит. наследство; Т. 59).

Вскоре Рылеев встретился с Романовым на обеде у директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, под гостеприимным кровом которого позже будут довольно часто собираться декабристы для обсуждения дел тайного общества. Рылеев обещал Романову убедить директора компании послать экспедицию для описи северных берегов Русской Америки. С согласия Прокофьева Романов взял у Рылеева «кипу бумаг из дел компании о том крае, где думал произвести экспедицию, чтобы лучше рассмотреть и размыслить, и просил у него, чтобы он уведомил, когда компания согласна будет»²⁵.

В середине августа Романов послал из Херсона, куда он вынужден был уехать по семейным делам, письмо Рылееву, в котором оповещал, что «компанейские бумаги» он оставил у Н. А. Бестужева. Через два месяца Рылеев ответил. Он интересовался, когда Романов вернется в Петербург, и просил прислать какие-либо статьи для «Соревнователя просвещения и благотворения». Романов писал, что ждет известий и готов оставить свои дела для службы компании. Он просил Рылеева «за делами по случаю смены главных правителей в Америке» не забыть уведомить его о судьбе проекта исследования реки Медной и поисков морского пути из Тихого океана в Атлантический. Романова интересовало положение дел с его проектом, однако этого письма по неизвестной причине Рылеев не получил.

Вскоре произошли события, которые заставили Романова вновь напомнить о себе. Умер император Александр I. Возникла ситуация, которую ждали декабристы для начала активных действий против царского правительства. 6 декабря 1825 г. Романов писал Рылееву: «В том письме просил Вас известить меня, нету ли каких препоручений у Вас на Севере, т. е. посылка к полюсу или для описания Северной нашей Америки, а я на все готов, а ежели нету, то хоть на Юге, во вновь учреждаемой компании, а я желаю быть полезным и исполнять все, что будет препоручено от Вашей компании, и найдете готового, душевно Вам преданного Владимира Романова.

²⁵ Декабристы-литераторы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 1. С. 230. (Лит. наследство; Т. 59).

Мысли мои и стремление к полезному все те же, какие были, как в последний раз мы с Вами рассуждали»²⁶.

Некоторые исследователи полагают, что просьба Романова о «препоручениях на Севере» касается его участия в Северном обществе. Нам представляется, что подобное толкование не совсем правильно. Правда, упоминание в письме о Севере и Юге вызывает невольную аналогию с Северным и Южным обществами декабристов. Но это сходство чисто зрительное. В последней части письма речь идет не о планах декабристов, а о проекте полярных исследований в Русской Америке. Беспокоясь о его судьбе, Романов одновременно с напоминанием Рылееву послал письмо Прокофьеву, о чем имеется показание автора письма в делах следственного комитета²⁷.

Что касается дел и задач тайного общества, то намерек на них надо искать в первой части письма Романова к Рылееву. В этих, кажущихся на первый взгляд безобидными, строках о смерти императора Александра I и воцарении Константина и содержится вопрос Романова: «Что же делать дальше?» Этот разговор между строк был замечен следователями по делу декабристов, в руках которых оказалось это письмо. Они не могли пройти мимо красноречивой приписки в конце его, где декабрист еще раз подтверждает свою верность идеалам тайного общества. Не проекты же Романова о полярных исследованиях в Русской Америке привлекли в нем внимание Николая I, который собственноручно написал на нем: «Надо послать приказание губернатору его выслать сюда, а бумаги запечатать»²⁸.

Однако о предстоящем аресте декабрист узнал раньше, чем к нему явились жандармы. Все документы, свидетельствовавшие о принадлежности Романова к тайному обществу, были уничтожены его сестрой²⁹. Ни одной улики, кроме письма к Рылееву, не попало в распоряжение следственного комитета, которому так и не удалось добиться от Романова признания в «принадлежности к тайному обществу». После окончания

²⁶ ЦГАОР. Ф. 48. Д. 30. Л. 319.

²⁷ Там же. Д. 78. Л. 8.

²⁸ Декабристы-литераторы. Вып. 1. С. 162.

²⁹ Романов В. В. Сестра декабриста // Рус. вестн. 1893. № 10. С. 103.

дознания, которое не дало явных улик против него, Николай I распорядился продержать декабриста три месяца в Петропавловской крепости и затем направить на службу в Черноморский флот и «ежемесячно доносить о поведении»³⁰.

Романов, высланный к Черному морю, не утратил интереса к исследованию Севера. В 1829 г. в «Отечественных записках» появилась статья без подписи «Предположение об описи Ледовитого моря на нартах». В этом проекте были подробно рассмотрены вопросы снаряжения сухопутной экспедиции. Примечания к статье по просьбе редакции журнала написал Романов.

Сам этот факт свидетельствует о большом авторитете Романова в делах исследования Севера. Его замечания обнаруживают глубокое знание и проникновение во все детали снаряжения арктических экспедиций. Он находит, что автором проекта занижена ежедневная порция сухарей на человека, и предлагает ее увеличить до одного фунта в день, так как от обеспеченности путешественников продовольствием прежде всего зависит успех экспедиции. «Заместо дров,— писал Романов,— должен быть взят спирт, на коем производить варку в кастрюле. Самым лучшим в пищу можно запастись английским пемиканом (говядиной, особенно приготовленной). Главнейше же еще запастись теплою одеждою для предохранения от холода, для ног взять торбасы. Больше взять веществ для разведения огня, чтобы обращать снег в воду, ибо в тех широтах прежде июня месяца нет пресной воды... Взять на всякий случай коньки и лыжи. А всего же важнее в подобных экспедициях (и во всяких), чтобы начальник имел решительность и отважность»³¹.

И хотя этот морской офицер душой более всего тяготел к Северу, будучи прирожденным исследователем, он и на Черном море старался приносить пользу науке. Его давний знакомый Павел Петрович Свиньин неоднократно просил Романова прислать труды о Черном море, его берегах, народах и странах.

Известно несколько писем Романова к Свиньину, в которых он обещал прислать географические замет-

³⁰ ЦГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

³¹ Предположение об описи Ледовитого моря на нартах // Отеч. зап. Июль 1829, Ч. 39. С. 340—341.

ки. Вероятно, Романов сдержал свое обещание, по статьи его не попали на страницы «Отечественных записок». Лишь в третьей части «Записок ученого комитета Морского штаба» в 1829 г. появились «Замечания о рейде при Сухум-Кале лейтенанта Романова». Любопытно, что этой статье предпослана следующая фраза: «Главный командир Черноморского флота доставил изложенные лейтенантом Романовым следующие замечания о рейдах на Сухум-Кале и Редут-Кале» ³².

Очевидно, появлению этих «Замечаний» способствовало то обстоятельство, что по представлению командующего Черноморским флотом А. С. Грейга Романов был произведен в капитан-лейтенанты, награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», наконец, освобожден от гласного надзора своего начальства. В своих «Замечаниях» Романов рассказал о географических изысканиях, которые он выполнил во время крейсерства летом 1827 г. на шлюпе «Диана» у берегов Абхазии. Прежде всего он промерил и картировал Сухумский залив.

«Рейд при Сухум-Кале,— писал Романов,— закрыт от северных, восточных и юго-восточных ветров. Глубина самая лучшая для якорного стояния от 30 до 15 сажен, где грунт — ил, а в некоторых местах и на десяти саженях тот же грунт. Идучи с моря днем, самый лучший показатель якорного места — восточные ворота крепости, и, коль скоро они откроются, глубины оказываются 50, 45 и 30, а ближе к берегу 25, 18 и 10 сажен» ³³.

Далее Романов отмечал, что ширина Сухумского залива между мысами Кадор и Сухумский составляет около 25 верст. Вблизи Сухумской крепости в море впадает речка Басла, ширина которой в низовье составляет около 30 м. Во время ливневых дождей она бурлила мутными волнами, а в остальное время вода в ней изумляла своей прозрачностью и вкусом. Романов рекомендовал морякам именно здесь запастись питьевой водой. Он исследовал устье реки Киларус. Она была стремительна в своем течении, а вода — холодная, изумительно чистая и вкусная. Затем были обследованы четыре небольшие реки, в которых во-

³² Зап. учен. ком. Мор. штаба. 1829. Ч. 3. С. 165.

³³ Там же. С. 166.

дились «раки и мелкая рыба». Более обстоятельно была осмотрена река Кадор, впадавшая в море двумя рукавами. Наибольший из них достигал ширины около 50 сажен, фарватер его глубок, однако при впадении имел отмели и островки. «Рыбы в оном чрезвычайно много,— замечал Романов,— попадаются осетры, белуга и другие». Второй рукав значительно уже — всего лишь 5 сажен.

Романов побывал и в сухумских лесах. В замечаниях декабриста содержится также много сведений, полезных для моряков: «Дабы найти Сухумский рейд, идучи от запада или от Севастополя, должно примечать следующее: во-первых, приближаясь около 40 миль, можно усмотреть мыс Адлер, который имеет вид нашего крымского мыса Аюдага, или Аюди, и совершенно таким же образом отделяется от матерого берега, а гора Адлер имеет некоторое подобие с Чатырдагом и открывается с моря в ясную погоду за 60 миль. Потом, когда, пройдя мыс, увидишь белое место на невысоком берегу, называемом Пицунда, должно продолжать курс не слишком в дальнем расстоянии от берега и не далее 10 миль, подходя к Сухуму, можно видеть гору, подобную чалме, находящуюся над Сууксами, вид ее весьма черный и отличный от прочих гор; она названа Цифирьева шапка»³⁴.

Дальше, по словам Романова, перед мореплавателем должны были открыться две призматические, стоящие одна подле другой горы. Западную из них следовало запеленговать и по румбу, близкому к северу, продолжать путь, который и приведет к Сухум-Кале. Столь же подробно Романов рассматривает особенности рельефа южного створа Сухумского залива, давая при этом наставление мореплавателям для входа на его рейд при следовании от потийских берегов.

Романов отметил существование «течения, идущего вдоль берега от востока к западу», которое рекомендовал настоятельно учитывать мореплавателям, так как его силой корабль мог быть снесен за ночь на 20 миль и более. Большое место в очерке о Сухумском заливе уделено характеристике его климатических особенностей. По словам Романова, днем, как правило, ветер дует с моря в сторону берега. При закате солнца на-

³⁴ Зап. учен. ком. Мор. штаба. 1829. Ч. 3. С. 168,

ступает затишье, которое ночью сменяет ветер, дующий с гор летом до 8 часов утра, а зимой — до полудня. «Когда в море шторм и буря свирепствует во всей силе,— отмечал Романов,— тогда на Сухумском рейде тихо, ветер с берега и ходит одна только зыбь, а волнения не бывает»³⁵.

Самым опасным для судов, стоявших в Сухумском заливе, считался северо-восточный ветер. Он дул шквалами «из ущелья, прямо с гор». Его порывы достигали большой силы и срывали корабли с якорей, поэтому суда с приближением бури крепились к берегу. Кроме того, Романов определил склонение компаса. Все определения географических пунктов были основаны на многократных астрономических наблюдениях.

Летом 1827 г. Романов исследовал рейд Редут-Кале, расположенный при устье реки Хоп, на расстоянии 123 верст от Кутаиси и 12 верст от Рионской пристани. Были измерены глубины рейда, определен грунт моря, запеленгованы горы Малый и Большой Олень, Потийский мыс и другие приметные места, зарисованы виды берегов, изучены климатические особенности района, в частности отмечено, что в Редут-Кале и Анапе в августе и сентябре «случаются тайфуны, но весьма малые».

Таким образом, во время крейсерства на шлюпе «Диана» Романовым была выполнена съемка большого участка кавказских берегов. Составленные им карты имели важное значение для Черноморского флота и были немедленно опубликованы. Флот нуждался и в его гидрографических замечаниях, поэтому они увидели свет в рекордно короткий по тем временам срок (через два года), несмотря на то что их автор имел «прикосновение к делу 14 декабря».

Романов составил словарь «абхазских и других черкесских наречий», который командование Черноморского флота переслало в Петербургскую Академию наук.

Судьба Романова еще многие годы была связана с Черным морем. Во время русско-турецкой войны, командуя отрядом учебных судов, Романов ночью атаковал неприятельские корабли в гавани Варны. И хотя Романов действовал храбро и успешно, Николай I

³⁵ Там же. С. 170.

сделал выговор командующему Черноморским флотом за то, что под началом декабриста оказались будущие морские офицеры. Во время атаки он мастерски закрепился на берегу и построил редут, который сыграл важную роль в захвате порта. В ходе операции Романов был ранен в голову, но остался на посту. Затем ему довелось командовать гребной флотилией в Бургасском заливе, где он смело атаковал укрепление Чинганес-Кале, захватив его вместе с орудиями и артиллерийскими припасами.

В 1833 г. Романов плавал под командой Лазарева с десантом для помощи Турции, которая в ту пору воевала с Египтом. За участие в этом походе он был награжден орденом Станислава 2-й степени и турецкой золотой медалью. В том же году Романов предпринял на лошадях путешествие по всей Греции, во время которого вел наблюдения. К сожалению, они до сих пор не обнаружены.

В 1834 г. Романов был уволен в отставку капитаном 2-го ранга и занялся вопросами улучшения земледелия. Одновременно он принимал деятельное участие в трудах Русского географического общества, Вольного экономического общества, Общества сельского хозяйства Южной России, Московского общества сельского хозяйства, Главного общества улучшенного овцеводства, Комитета шелководства.

Как только началась Крымская война, 14 апреля 1854 г. Романов вступил в морское ополчение. Он командовал флотилией из 15 канонерских лодок, которые действовали в шхерах Финляндии, принадлежавшей в то время России. В июле он в виду неприятельского флота провел четыре парохода из Свеаборга в Або. Затем 15 августа ему было приказано разоружить и подорвать русские морские укрепления на Гангуте. Спустя несколько дней он предпринял три смелых рейса из Ренгенсальма в Гельсингфорс на четырех пароходах, на борту которых находились десантные войска (3500 человек).

В 1855 г. Романов сражался в осажденном Севастополе. Он участвовал в последних боях. Когда 28 августа русские войска отступили с южной на северную сторону бухты и неприятель уже занимал Севастополь, Романов, рискуя жизнью, на баркасе переез под вражескими пулями более 100 человек, при этом его контузило, но он довел операцию до конца.

За геройский поступок Романов был произведен в капитаны 1-го ранга и удостоен высоких наград.

После окончания Крымской войны Романов занялся сбором материалов по истории русского флота, продолжая с группой морских офицеров работу, которую до восстания на Сенатской площади вел Н. А. Бестужев. Узнав об этом, ссыльный декабрист писал в Петербург: «Ура нашему молодому поколению! Право, возрождаешься духом, следя за его успехами!» Романову принадлежат несколько толстых томов «Материалов по истории флота», хранящихся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота.

30 августа 1861 г. Романов был произведен в контр-адмиралы и окончательно уволен от службы. Но он продолжал заниматься науками, состоя членом ученого комитета Морского штаба.

Умер Романов 11 октября 1864 г. в городе Александрия.

Заканчивая этот небольшой биографический очерк, следует сказать, что до наших дней дошла лишь весьма скромная часть естественнонаучного наследства декабриста. Но и то, что уцелело, свидетельствует о том, что Владимир Павлович Романов всю свою жизнь посвятил решению одной из важнейших проблем декабристских программ — изучению Отечества в ученом отношении.

Михаил Карлович Кюхельбекер

(1798—1859)

О Михаиле Карловиче Кюхельбекере, младшем брате Вильгельма Карловича, известного Кюхли, друга А. С. Пушкина, пожалуй, написано не так много. Братья родились в небогатой дворянской семье в Эстляндской губернии, получили домашнее образование. Потом Вильгельм был определен в Царскосельский лицей, а Михаил — в Морской кадетский корпус. «Мы разговаривали только и единственно о России и не можем наговориться о ней; теперешнее состояние нашего Отечества, сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший и сла-

достнейший между всеми европейскими»¹, — вспоминал Вильгельм Кюхельбекер.

В 1813 г. Михаилу был присвоен чин гардемарина, в 1815 г. он был произведен в мичманы. После окончания корпуса он был включен в число участников Новоземельской экспедиции А. П. Лазарева. По этому случаю брат Вильгельм написал стихотворение «К брату»:

А ты на долгую разлуку,
Стесненный тайною тоской,
О, друг, о верный, милый мой,
Мне пожимаешь молча руку.

Может быть, и есть у Михаила чувство тоски, но его наполняет счастье от мысли, что он отправляется в опасное полярное путешествие. Наконец, уложены вещи и приборы для экспедиции. Грустное прощание.

И вот ты скачешь, наконец,
Товарищ дней моих минувших.

Так писал Вильгельм Кюхельбекер, а брат уже мчится в далекий Архангельск, где его ждут спутники по плаванию к Новой Земле.

19 мая 1819 г. Михаил впервые видит золоченые колокольни Архангельска, могучую Двину, всего три дня назад сбросившую оковы и теперь искрящуюся в волоте солнечных бликов. Начальник экспедиции Лазарев с лейтенантами Павлом Федоровичем Корсаковым и Павлом Мироновичем Барановым уже месяц находится в самом оживленном северном порту России и занимается «приуготовлением» к плаванию довольно древнего судна: меняет за гниlostью бушприт и весь рангоут, делает внутреннюю обшивку и настилает палубу, «коей на оном вовсе не было».

Таков бриг, на котором предстоит Михаилу Кюхельбекеру отправиться со своими товарищами в плавание. Их путь лежит к берегам Новой Земли, открытой русскими в XI в. На исходе первой четверти века Новая Земля представлялась не менее загадочной, чем несколько столетий назад: «Ужас климата, земля, не обитаемая никем, кроме хищных зверей, ледяные громады». Но это не пугало людей. Охотников плыть на Север «такое множество было, что можно было бы на-

¹ Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1939. С. 7.

полнить значительную эскадру,— писал Лазарев,— несколько дней около квартиры моей толпились матросы, желающие быть на бриге у меня». 9 июня 1819 г. были закончены все приготовления к плаванию.

В экспедиции, кроме моряков, должны были принять участие горный инженер и ученый-натуралист, но они запаздывали. Тогда Лазарев решил не дожидаться их. Воспользовавшись благоприятным ветром, он вышел из Архангельска. На бриг был взят годовой запас провизии, готовая изба и запас дров на случай зимовки. «Не упущено также взять многих средств к предохранению от скорбутных болезней, там господствующих, как-то: сушеной капусты, лимонной кислоты, клюквы, морошки и сосновой эссенции; служители снабжены теплою одеждою: полушубками, капотами с капюшонами из тонкой парусины, подбитыми сукном рукавицами, шапками и онучами на ноги (кои признаны здешними промышленниками удобнее теплых чулок); взято также пужное число охотничьих ружей, винтовок и разных орудий, употребляемых промышленниками для ловли населяющих Новую Землю быстрых оленей, сластолюбивых моржей и дерзких медведей»².

Всего в экспедиции участвовало 50 человек.

Михаил Кюхельбекер вступил на борт судна последним, так как был оставлен Лазаревым в Петербурге «для получения и доставления в Архангельск астрономических инструментов, коль скоро оные dokonчены будут». Теперь, когда началось плавание, молодому моряку как раз и приходилось больше всего иметь с ними дело. Под руководством Лазарева он быстро научился определять координаты корабля по солнцу и звездам.

«Стужа и влажность атмосферы» день ото дня становились чувствительнее, но Михаил Кюхельбекер был охвачен одним желанием — «сделаться полезным Отечеству, доставить выгоды стране, которой обязан существованием». Он готов был пожертвовать здоровьем, а быть может, и жизнью лишь бы добыть науке и мореплаванию достоверные карты забытых берегов Новой Земли и наблюдения о любопытных явлениях северной природы, богатствах моря и недр островов, которые им предстояло посетить.

² ЦГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

17 июня экспедиция впервые встретила лед. На следующий день на северо-востоке небо то и дело раскалывалось молниями, озарявшими вершины исполинских льдин, терявшихся «в лазоревой дали». Плавали льдины, на которых виднелся песок, чернел различный сор. Это заставляло предполагать, что они недавно были оторваны от берега. 20 июня мимо брига пронесло «льдинные архипелаги, усеянные разного рода морскими чайками и утками». По мнению Кюхельбекера, который вместе со своими спутниками определял местонахождение судна, до Новой Земли оставалось не более 44 немецких миль. Но путь к ее берегам преграждал лед. Решили повернуть к северу. Стало еще холоднее. На 71°30' с.ш. начался дождь. Он «леденел на снастях, при движении коими обсыпало нас градом». Несколько дней продвигались разводьями, пока льдины не окружили судно. К счастью, ледовый плен оказался непродолжительным и не причинил повреждений судну.

Снова и снова предпринимались попытки «протереться сквозь льды». И хотя они не возносили своих вершин «до облаков немого свода» (как думал брат), Михаилу Кюхельбекеру исполинские плоские поля и мелкие льдины казались весьма грозным неприятелем.

Наконец 27 июня судно достигло невзломанного припая — льда, еще крепко державшегося у берегов Новой Земли, которые невозможно было различить вдаль. Где он, этот давно известный и столь труднодоступный остров, у которого окончил свои дни многострадальный Баренц и на который еще недавно так уверенно и легко плавали поморы? С каждым летом все тяжелее становились ледовые условия, все больше не возвращалось судов, а еще больше людей. С 1808 г. архангельские промышленники перестали посещать богатые зверем новоземельские воды. Говорили, что в Пустозерске, лежащем близ устья Печоры, не всякое лето поморы спускают на воду свои суда. Как правило, в начале ранней весны они переезжали на оленях на остров Вайгач, где промышляли до середины августа. Затем они переплавляли добычу на Новую Землю и, навьючив стада оленей, возвращались к своим жилищам...

Но намерение путешественников твердо. С риском для жизни они будут пробиваться к намеченной цели. «От влажности атмосферы» все снасти покрылись кор-

кой льда, и каждый подъем на мачты был тяжелым испытанием для матросов. Раз путь на восток прегражден, бриг направляется к острову Колгуев. 2 июля Кюхельбекер впервые видит его берега, покрытые снегом и окруженные почти 3-километровым поясом льдов.

Проведя вычисления, путешественники приходят к выводу, что берега Колгуева находятся на 40 км севернее и на 50 км восточнее, чем показано на имевшейся у них карте. Несколько дней плавают в тумане около острова, а затем снова устремляются на восток, к проливу Карские Ворота, надеясь, что наконец «упорная доселе природа вскоре уступит нашему желанию пройти в Вайгачский пролив и увенчает успехом дерзкое наше предприятие»³.

Но надежды тщетны. Едва исчезает вдаль остров Колгуев, как появляется мелкобитый лед. 14 июля они находятся на 70°11' с. ш., 53°12' в. д. Трудную, небывалую обстановку встретили путешественники у берегов Новой Земли. Уже кончился полярный день. Солнце к полуночи стало скрываться за горизонт. Вот-вот наступят морозы и скуют льды, через которые с таким риском бриг протирается к берегам Новой Земли.

Идут курсом на юго-восток, стараясь достигнуть самой южной оконечности Новой Земли и затем начать опись берегов, к которым лед мешает приблизиться. На карты ложатся первые пеленги, на планшетах появляются зарисовки берегов. Потом все закрывает туман. Идут с зарифленными парусами, почти ощупью пробираясь меж льдин.

Когда 23 июля «пасмурность прочистилась», стоявший на вахте Кюхельбекер увидел, что бриг тесно окружают льды. Послышался удар в правый борт. Затрещала обшивка. Все выскочили наверх. Матросы побежали по мачтам. Корабль оделся снова всеми парусами, и после полуторачасовой трудной борьбы вырвались на морской простор. Вскоре их настиг шторм... Его встретили без страха, скорее с надеждой, что крепким ветром разобьет лед у берегов и путешественники достигнут южной оконечности острова. 27 июля наконец усмотрели Летний (или Южный) мыс Новой Земли. На берегу его «увидели поставленные

³ ЦГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 185. Л. 10.]

кресты, кои неправильным и кривым положением свидетельствовали древность своего основания, и по ним, вероятно, и место сие названо Крестовым мысом»⁴.

Почти полтора месяца странствовали моряки по Студеному морю, прежде чем достигли желанных Карских Ворот. Непродолжительная остановка в Костинном Шаре, и Кюхельбекер со своими товарищами отправился дальше к северу на поиски Маточкина Шара, который пока еще оставался своего рода проливом инкогнито. Промерена мель у Майгол Шара, запеленгован остров Машарский, окруженный льдом, и определено их местоположение. Бриг идет на север. Пройден мыс Кармакульский.

Наступает август. Дуют попутные ветры. Густые туманы, мгла и опять полосы «неожиданного опасного льда». Решают приблизиться к берегу. Но, едва бриг выходит в тихую бухту, ледяная гряда закрывает выход в море. Командир совсем сокрушен новой неприятностью. А Кюхельбекеру все любопытно: и греющиеся на солнце тюлени, и непуганые птицы, и незнакомые берега Новой Земли. Он совсем не прочь остаться здесь на зимовку в избе, которая лежит в трюме корабля... Но ледовый плен продолжается недолго. Корабль снова на свободе и снова ищет пути на север. 8 августа он находится на $73^{\circ}21'$ с.ш., $50^{\circ}8'$ в.д. Кюхельбекер ждет, что вот-вот откроется в разрывах тумана Маточкин Шар, ждут офицеры, ждут матросы. И теперь, когда они почти находятся у основной цели своего плаванья, на их пути снова появляется лед. Он становится все сплоченнее. Северный ветер гонит его к югу, окружает бриг.

Лазарев собрал вахтенных офицеров и потребовал от них письменно изложить свое мнение: либо идти на риск зимовки во льдах, либо искать выход, чтобы вернуться в Архангельск, так и не увидев Маточкина Шара. Все были за возвращение. 10 августа благополучно вышли из ледяных гряд. Наконец 4 сентября «Новая Земля» достигла Архангельска, потеряв в пути от цинги боцмана, кузнеца и конопатчика. 19 тяжелобольных матросов были отправлены в госпиталь. Из 47 оставшихся в живых членов экспедиции только 10 были здоровы.

⁴ ЦГАВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 185. Л. 11.

Последние недели плавания Кюхельбекер стоял на вахте и исполнял обязанности матроса. Он понимал, что их экспедиция не одержала блестящей победы. Но ее нельзя было назвать и безуспешной. Они выполнили свой долг с честью. И не их вина, что бриг «Новая Земля» был малопригоден для плавания во льдах, что петербургское начальство приказало им идти в Студеное море, когда оно, словно мешок, еще заполнено льдами. Тем более что в тот год льдов было необычайно много, они блокировали все острова. Однако, несмотря на трудности, экспедиции удалось установить, что юго-западная часть Новой Земли на существовавших картах была показана на целых пять градусов по долготе восточнее, чем это есть на самом деле. Да и виденные ими берега находились гораздо западнее, чем утверждалось ранее. Кроме того, путешественники убедились, что прибрежные новоземельские воды изобилуют морским зверем. Бесспорно, что эти сведения содействовали развитию промыслов, которые достигнут небывалого размаха через 15 лет, когда в новоземельских водах будут плавать более сотни поморских судов.

Из научного наследства экспедиции сохранился лишь вахтенный журнал с данными наблюдений за температурой и давлением воздуха, за ветрами, осадками, состоянием погоды и льдом. Часть записей принадлежит Михаилу Кюхельбекеру. Они до сих пор сохраняют свое научное значение как первый цикл наблюдений за особенностями метеорологических условий в навигацию, отмечавшуюся необычайно тяжелыми условиями ледовой обстановки, а также представляют определенный интерес для изучения колебаний ледовитости Баренцева моря.

В 1821 г. было принято решение отправить шлюпы «Аполлон» и «Аякс» для охраны Русской Америки. На шлюп «Аполлон» по просьбе Крузенштерна был назначен Кюхельбекер. 28 сентября 1821 г. корабли покинули Кронштадт. При выходе из Балтийского моря «Аякс» был выброшен бурей на мель, и «Аполлону» пришлось совершать дальнейшее плавание в одиночестве.

Кюхельбекер вел путевые записки, из которых сохранился единственный отрывок, относящийся ко времени плавания через Атлантический океан и пребывания в Бразилии. «27 декабря мы оставили Портсмут и

через 47 дней прибыли в Рио-де-Жанейро, — писал он. — Ветер был все время благоприятным, не было и большой жары... Больших красивых домов нет, в комнатах повсюду ящерицы и пауки, пет настоящих постоянных дворов. Есть водопровод, подающий воду с гор...

Окружающая местность прелестна, большие горы, холмы, плодородные долины, светлые ручьи текут с гор, раскиданы красивые деревенские дома, плантации сахарного тростника, кое-где хлопка — это создает красивый ландшафт. Природа очень богата, красивейшие и многообразные деревья и цветы, большие разноцветные бабочки и цветы, нужно бояться змей. Собрал много семян, но нет okazji послать их, ни одно судно не идет в Россию, я должен подождать благоприятного случая. Отсюда мы направляемся в Новую Голландию, тогда мы найдем русские суда»⁵. Эта запись сделана Кюхельбекером на обороте листа разграфленного вахтенного журнала.

После починки шлюпа 1 марта 1822 г. путешественники, оставив Рио-де-Жанейро, взяли курс на порт Джэксон в Австралии. Старший офицер шлюпа «Аполлон» лейтенант Хрущов, принявший на себя обязанности руководителя экспедиции после смерти командира «Аполлона» капитана 1-го ранга Толубьева, докладывая в Адмиралтейств-коллегию о ходе вояжа, воздавал «должную справедливость» Михаилу Кюхельбекеру за его ревностную службу.

В порту Джэксон экспедиция находилась с 27 мая по 13 июня, затем она направилась к Камчатке. Ее берега открылись 9 августа, но моряки не могли узнать приметные места из-за густого тумана. Только спустя три дня «пасмурность прочистилась», и путешественники увидели сначала сопки, затем вход в Авачинскую губу. 13 августа «Аполлон» вошел в Петропавловск, где сдал грузы для Камчатки и Охотска. Затем экспедиция направилась к берегам Русской Америки и 10 октября 1822 г. прибыла в Новоархангельск. Через три недели «Аполлон» взял курс на Сан-Франциско, где путешественники пополнили запасы провизии, проконопатили шлюп и заменили пришедший в негодность такелаж.

⁵ Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 449. Картон 2. Д. 19. Л. 1.

Летом 1823 г. шлюп находился у северо-западных берегов Русской Америки, между 51 и 57° с. ш. Плавание на парусном судне в проливах, простиравшихся почти на 200 верст, было очень опасным: ширина их составляла всего 1—5 миль, масса островков, скрытые подводные камни, течения, которые никто не исследовал. Командир судна посылал «лейтенантов для обозрения близлежащих проливов и мест». Такие поручения выпадали и на долю Кюхельбекера. Сохранился отрывок из черновика его рапорта командиру шлюпа. Из этого документа видно, что 1 июня 1823 г. он отправился с двумя гребными судами для исследования пролива к северу от стоянки корабля. Кюхельбекер нанес на карту мысы Первый, Второй и Третий, обследовал несколько бухт и заливов. При этом были промерены глубины, которые колебались от 15 до 30 сажен, измерены расстояния входов в бухты и осмотрены углубления берега.

Кюхельбекер со своими спутниками открыл большой остров, который он назвал Калошинским, поскольку на его восточном берегу «виднелись остатки старой Калошинской крепости». В проливе между Калошинским островом и побережьем Америки были обнаружены глубины до 40 сажен, песчаный грунт. «На самом фарватере пролива» были открыты две банки длиной около четверти мили и шириной около 1 кабельтова (0,1 мили). «Грунт вблизи них каменистый, а глубины 2—3 сажени, а между мелями глубина колебалась от 12 до 19 сажен»⁶.

Кроме картирования пролива, Кюхельбекер вел метеорологические наблюдения, отмечал характерные особенности берегов. В том же отрывке приводятся записи магнитного склонения и заметки о жилищах индейцев.

3 сентября 1823 г. в Новоархангельск на смену шлюпу «Аполлон» прибыл фрегат «Крейсер» под командой М. П. Лазарева. После захода в Сан-Франциско «Аполлон» вместе со шлюпом «Ладога» взял курс на Кронштадт, куда прибыл 15 октября 1824 г.

По окончании плавания лейтенант Хрущов в официальных документах отметил высокое морское искусство «лейтенантов Баранова, Кутыгина и Кюхельбекера», подчеркнув глубокую признательность офицерам

⁶ Там же. Картон 2. Д. 20. Л. 1.

«за понесенные и делаемые труды в столь продолжительное плавание»⁷.

Сохранился еще один документ, представляющий важный интерес для географии. Речь идет о вахтенном журнале шлюпа «Аполлон», вернее, о его копии, которая находится в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Около одной четверти содержащихся в журнале метеорологических, магнитных и астрономических наблюдений принадлежит Кюхельбекеру⁸. Они велись ежедневно в 0, 4, 8, 12, 16 и 20 часов. При этом приводились показания термометра с точностью до четверти градуса, барометра с точностью до одной сотой дюйма. Отмечались выпадение осадков (туман, дождь, снег, град), состояние погоды («облачно, ясно») и фазы Луны. Кроме того, в графе «Замечания» имелись записи о том, в каком часу пошел дождь и в каком часу прекратился. И наконец, при начале каждых суток (по астрономическому времени), указывались координаты корабля. В таблицах, составленных Кюхельбекером, приведены данные магнитного склонения.

Долгое время оставался забытым очерк Кюхельбекера о Забайкальском крае. Он отправил его своему старому знакомому Н. И. Гречу с просьбой напечатать в журнале «Сын Отечества». Но статье не суждено было увидеть свет: она оказалась в фондах III отделения, хранящихся сейчас в Центральном государственном архиве Октябрьской революции⁹.

По словам Кюхельбекера, Россия, которая занимает половину Европы, Азии и северо-западную часть Америки с многочисленными архипелагами и островами на севере Тихого и в Ледовитом океане, «представляет богатое поприще для ученых наблюдений»¹⁰. Декабриста глубоко возмущало то, что царское правительство для изучения Отечества охотнее предоставляло средства иностранным ученым. «О России, — писал Кюхельбекер, — русские мало пишут, иностранец же, самый даже благонамеренный, о ней, быть может, менее, чем о какой другой земле, в состоянии сказать что-нибудь

⁷ ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 562. Л. 272.

⁸ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 2668. Л. 1—312.

⁹ ЦГАОР. Ф. 109, 1 экспедиция, Оп. 5, Д. 61. Ч. 14. Л. 27—40 об.

¹⁰ Там же.

верное... и на все смотрит, так сказать, чужими глазами. Притом большую часть пребывания заграничных гостей в России кратковременно. Итак, мудро ли, что немцы, французы, англичане и пр. печатают столько вздору про матушку Россию?»¹¹.

Все это и заставило Кюхельбекера заняться сбором сведений о Забайкальском крае. В очерке дана характеристика озера Байкал: «В Байкале не замечено постоянного периодического прилива и отлива; возвышение воды единственно зависит от дождей и таяния снега, прибыль эта не очень значительна, и редко озеро выступает из берегов. Есть ли в нем вековая убыль воды, не знаю. Из слов старожилов заключаю, что нет, хотя, по всем вероятностям, должна быть, и даже очень приметная, со времени заселения берегов русскими, покорившими окрестности земледелию»¹².

Кюхельбекер отмечал, что Байкал, именуемый жителями Священным морем, окружен со всех сторон горами, берега его всюду обрывисты. По мнению декабриста, озеро необходимо тщательнейшим образом исследовать в геологическом отношении. Он подробно останавливался на гидрографической сети Забайкалья, разделив ее на три системы — Байкальскую, Амурскую, Ленскую; Байкальскую он, в свою очередь, подразделил на Ангарскую, Баргузинскую и Селенгинскую.

Рассмотрев эти системы, Кюхельбекер пришел к выводу, что со временем реки Забайкальского края можно будет связать либо посредством каналов, либо путем устройства коротких волоков, но для этого следовало бы осуществить точную барометрическую нивелировку не только Забайкалья, но и всей Сибири. Декабрист был убежден, что создание системы внутренних водных сообщений в Восточной Сибири имело бы исключительное значение для экономического и культурного развития края.

«...Охотское море с Амуром и приведенное с ним в соприкосновение Витимом и притоками, Удою сообщалось бы, с одной стороны, с Леною, с другой стороны, с Байкалом, а Леною и нижней Ангарой, впадающей в Енисей, в двух противоположных направлениях — с Ледовитым океаном; губернии Енисейская и Иркутская, города Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта, Нер-

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 4.

чинск и Якутск пользовались бы как между собою, так и с Охотским морем прекраснейшим водяным сообщением, которого сосредоточением был бы Забайкальский край; а Енисей и Обь, если бы проложить и между ними канал, сблизили бы Восточную Сибирь с Западной. Боимся вдаваться в мечты, но доказано, что Каму сочетать с водами Тобольской губернии довольно удобно. Итак, плавание из морей Каспийского и Балтийского по рекам и каналам в Восточный океан, хотя по огромному пространству и переходит за предел сбыточного, однако не за предел же возможного»¹³.

Затем декабрист описал озера Баунт, Котокель, Еравна, Духовое, Шокши, Кинон, Укырское, изобилующие ценными породами рыб. Далее Кюхельбекер описывал ландшафты Забайкалья, при этом декабрист подчеркивал, что горы столь переплетены друг с другом, что без точной топографической съемки их положение, протяженность, направление, высоту определить невозможно. И хотя высота их значительна, «но нигде они не достигают черты вечных льдов».

Особенно подробно Кюхельбекер характеризовал климат Забайкалья с его лютыми морозами, когда по несколько суток ртуть замерзает в термометре. Но больший вред земледелию и всему растительному миру наносили заморозки в конце весны и ранние морозы в начале осени, случается, что и в середине лета выпадает снег. Однако чаще летом стоит жара: термометр Реомюра в тени показывает 27° тепла, а иногда 30° и более. На всей территории Забайкалья господствуют северо-западные ветры, особенно в весеннее время. В то же время, отмечал Кюхельбекер, направление ветров зависит в основном «от направления гор и лежащих между ними долов и равнин»¹⁴. Эта мысль о влиянии подстилающей поверхности на климат затем найдет широкое отражение в трудах отечественных метеорологов.

Кюхельбекер записал, что дожди в Забайкалье выпадают редко, но бывают и необыкновенно дождливые летние сезоны, причем один дождливый сезон приходится на четыре засушливых. Грозы случаются не так часто, как следовало бы ожидать по причине гористого

¹³ ЦГАОР. Ф. 109, 1 экспедиция. Оп. 5. Д. 61. Ч. 14. Л. 8.

¹⁴ Там же.

положения Забайкалья: «Отменно сильные грозы замечены только в 1829 и 1830 годах в Читинском остроге, за Яблоновым хребтом. Оба эти лета были дождливы и чрезвычайно плодородны»¹⁵. Грозы наблюдаются не только летом, но даже поздней осенью, в конце сентября и в октябре—ноябре. Зимой преобладают жестокие холода и выпадает мало снега; более того, этот снег, как правило, сдувается с равнин ветром. Поэтому земледельцы очень редко сеют озимые и, как правило, отдают предпочтение яровым. «Урожай их очень невелик и подвержен многим случайностям, — писал декабрист. — Избегая поздних весенних морозов, сеют поздно и тем самым жатву подвергают морозам осенним и инеям, застающим хлеб иногда в цвету. Земля, не напитанная влагой от зимнего снега, без обильного дождя не в силах произвести порядочной жатвы. В засушливые годы, сверх того, малый род саранчи — кобылка — причиняет порою большие опустошения. Вредят также хлебу сурки и разных видов полевые мыши; их иногда непомерное множество. Из сказанного видно, что хлебопашество здесь и при хорошей обработке довольно затруднительно. Вдобавок земледелие стоит еще на [более] низкой ступени, нежели в России»¹⁶.

Следует отметить, что собранные Кюхельбекером сведения о засухах, дождливых сезонах, несвоевременных морозах, нашествиях вредителей были использованы нами в «Тысячелетней летописи необычайных природных явлений».

Ночи в Забайкалье, как правило, зимой и летом безоблачные, ясные, что благоприятствует астрономическим наблюдениям. В качестве доказательства Кюхельбекер приводит тот факт, что «Галлеева комета была усмотрена простыми глазами с 23 на 24 сентября [1811 г.]»¹⁷.

Много страниц посвящено описанию рудных месторождений. По мнению декабриста, когда горы Забайкалья будут тщательно исследованы, то, вероятно, в их недрах откроются «великие богатства». Уделено внимание и анализу состояния сельского хозяйства, огородничества, животноводства, местной торговли, подробно описаны занятия и промыслы местных жителей. В

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же.

целом труд Кюхельбекера представляет собой одну из первых комплексных природоведческих характеристик Забайкалья.

Незадолго до смерти Кюхельбекер осуществил гидрографическую съемку Байкала, точнее, ее Баргузинской губы. Скончался декабрист в 1859 г.

Николай Васильевич Басаргин (1800—1861)

Член Южного общества декабристов Николай Васильевич Басаргин родился в 1800 г. во Владимирской губернии в семье небогатого помещика, который располагал «материальными средствами самыми ничтожными». Воспитанием и образованием сына занималась его мать, Екатерина Карловна, урожденная Бланк, дочь известного архитектора. Когда мальчику исполнилось 14 лет, Екатерина Карловна умерла. «Три лучших года юности я, как говорится, бил баклуши у отца в деревне, — вспоминал декабрист. — Он был человек пожилой, чрезвычайно добрый, но с устарелыми помещичьими понятиями и считал образование скорее роскошью, чем необходимостью. Я сам, уже достигнув 17-летнего возраста, должен был позаботиться о том, чтобы сделать для себя что-нибудь годное»¹.

В один из осенних дней 1816 г. Николай сообщил отцу о своем желании отправиться в Москву, чтобы поступить там в институт. Отец не отговаривал юношу, дал ему немного денег и пожелал успеха на избранном пути, не подозревая, что этому не суждено будет сбыться.

Приехав в Москву и оценив материальную сторону жизни, Басаргин рассчитал, что отпущенной отцом суммы денег при строгой экономии ему хватит на год-другой, и решил поступить вольнослушателем в Московский университет, чтобы «потом держать экзамен». Юноша произвел благоприятное впечатление на ректора Ивана Андреевича Гейма, крупного знатока истории и статистики, и получил разрешение посещать лекции.

¹ Басаргин Н. В. Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 144.

Однако вскоре он встретился с генералом Александром Алексеевичем Тучковым, который настоятельно советовал ему поступить в Московское учебное заведение для колонновожатых. Возглавлял училище генерал-майор Николай Николаевич Муравьев. «Добрый Тучков, — вспоминал Басаргин, — по просьбе моей согласился охотно сам представить меня генералу Муравьеву.

На другой день мы отправились с ним к Николаю Николаевичу. С первых слов этого достойного человека нельзя было не почувствовать к нему сердечного влечения. Расспросив меня с участием обо всем, до меня относящемся, и вникнув в подробности моего положения и моего воспитания, он с отеческою заботливостью объяснил мне все, что требуется для поступления в его корпус и что ожидает каждого из его воспитанников при хорошем или худом прилежании и поведении. К счастью моему, объяснив ему откровенно мои скромные познания в русском и французском языках, в истории, географии, арифметике, я был им обнадежен, что они достаточны, чтобы выдержать экзамен для поступления в его учебное заведение, и он тут же согласился принять меня учащимся, с тем чтобы по представлении свидетельства о дворянстве допустить к испытанию в колонновожатые»².

Так Басаргин стал воспитанником одного из лучших военных учебных заведений России, где царила атмосфера доверия, товарищества и равенства независимо от материального состояния. «Хоть, — писал Басаргин, — многие из колонновожатых были люди зажиточные, даже богачи и знатного аристократического рода, но это не делало разницы между ними и небогатыми, исключая только неравенства расходов. В этом отношении надобно отдать справедливость тогдашнему корпусному начальству. Сам генерал, как и все офицеры, не оказывал малейшего предпочтения одним перед другими. Тот только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно вел себя, пользовался справедливым вниманием начальства и уважением товарищей... Между нами самими богатство и знатность не имели особого весу, и никто не обращал внимания на эти прибавочные к личности преимущества. Да и сами те, которые ими пользовались, нисколько не гордились этим, никогда не позволяли себе поднимать

² Там же, С. 145—146.

высоко голову перед товарищами, которые, в свою очередь, не допустили бы их глядеть на себя с высоты пьедестала»³.

В первый год обучения Басаргин выполнил съемку Подмосковья в масштабе 100 сажен в дюйме, изготовил 20 планшетов, иными словами, картировал около сотни квадратных верст. Сюда вошли такие населенные пункты, как Архангельское, Остапкино, Царицыно, Верхние и Нижние Котлы. «Помню также, — вспоминал декабрист, — как встревожила наша съемка крестьян. С каким любопытством и недоверчивостью они смотрели на наши занятия! Им вообразилось, что у них отбирают земли»⁴. Во время съемки открылась картина тяжкого угнетения, нищеты и бесправия крестьян, что и явилось впоследствии причиной вступления нескольких офицеров в члены тайного общества.

В годы пребывания в училище Басаргин много читал. Его любимыми книгами стали «История государства Российского» Н. М. Карамзина и «Записки русского офицера» Ф. Н. Глинки. Очень увлекала будущего декабриста и поэзия, особенно стихи В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и В. А. Озерова. «Даже теперь, — вспоминал Басаргин, — в моей памяти сохранилось гораздо более из того, что я прочел в то время, нежели то, что я читал, хотя и с большим вниманием, впоследствии. Целые страницы из стихов Жуковского, Батюшкова, Озерова я могу прочесть наизусть без ошибок, хотя с тех пор не заглядывал в их сочинения»⁵.

В 1819 г. Басаргин выдержал экзамен на чин офицера Генерального штаба. Год он преподавал в училище для колонновожатых, а затем был назначен во Вторую армию, штаб которой располагался в местечке Тульчин Каменец-Подольской губернии. Командовал армией П. Х. Витгенштейн, начальником штаба был П. Д. Киселев. Довольно скоро Басаргин вошел в круг молодых офицеров, которые, собравшись вместе, рассказывали друг другу о прочитанных книгах, обсуждали происходившие в мире и в России события.

³ Басаргин Н. В. Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 151.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же.

«Часто, — писал Басаргин, — рассуждали об отвлеченных предметах и вообще делили между собою свои сведения и свои мысли.

Вот имена лиц, составляющих это юное общество главной квартиры: генерал князь Волконский, молодой Витгенштейн — сын главнокомандующего, Пестель, Юшневский, князь Барятинский, Крюков 1-й, Ивашев, Рудомоев, Клейн, Будберг, князь Салтыков, Барышников, Аврамов 1-й, Чепрунов, Языков, Бурцев, князь Трубецкой, князь Урусов, граф Ферзен, барон Меллер-Закоулиньский, Штейбен, адъютанты главнокомандующего, начальника штаба и начальника артиллерии (кроме Юшневого, занимавшего должность генерал-интенданта), два брата Бобрищевых-Пушкиных, Лачинов, Колошин, Горчаков, Крюков 2-й, Аврамов 2-й, барон Ховен, Черкасов, барон Ливен, Пушкин, Петров, барон Мейсedorф, Фаленберг, Филиппович, фон Руге, Новосильцов, Львов, Юрасов, Комаров. И еще некоторые офицеры Генерального штаба, военные медики Шлегель и Вольф.

Из всех этих лиц наиболее отличался своими способностями Пестель»⁶.

Этот дружеский кружок впоследствии и составил ядро Южного общества декабристов.

Исключительно благотворное влияние на Басаргина оказал его старший товарищ Пестель. «Павел Иванович Пестель, — вспоминал Басаргин, — был человек высокого, ясного и положительного ума. Будучи хорошо образованным, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния. С юных лет посвятив себя изучению и обсуждению политических и общественных вопросов, он в особенности был увлекателен, когда рассуждал об этих предметах»⁷.

Следует сказать, что ни командующий 2-й армией, ни начальник Главного штаба не только не препятствовали, но, напротив, даже поощряли «серьезное направление, которому следовала тульчинская молодежь»⁸.

Басаргин в своих «Записках» отмечал, что все члены юношеского кружка, «горячо любившие свое Оте-

⁶ Басаргин Н. В. Записки. Красноярск: Кн. изд-во, 1985. С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же.

чество, желавшие быть ему полезным и потому готовые на всякое пожертвование», отличались умом и образованностью. Далее он подчеркивал, что это была молодежь с намерениями чистыми, но без опытности, без знания света, людей и общественных отношений, они принимали к сердцу каждую несправедливость, возмущались каждым неблагородным поступком, «каждою мерою правительства, имевшего целью выгоду частную, собственную вопреки общей»⁹.

Причину возникновения тайных обществ Басаргин видел в том, что правительство не выполнило своих обещаний, данных в грозное время Отечественной войны 1812 г., и вместо воли, земли и свободы создало военные поселения. Басаргин стал активным членом Южного общества, но вскоре из-за открывшегося у него туберкулеза вынужден был уехать в Крым. 6 января 1826 г. он был арестован и вскоре отправлен в Петропавловскую крепость.

Басаргин был приговорен к 20-летним каторжным работам. «Мы,— вспоминал он впоследствии,— также были молоды, что приговор наш к каторжной работе в сибирских рудниках не сделал на нас большого впечатления. Правду сказать, он так был несообразен с нашею виновностью, представлял такое несправедливое к нам ожесточение, что как-то возвышал нас даже в собственных наших глазах. С другой стороны, он отделял нас от прошедшего, от прежнего быта, от всего, что было дорого нам в жизни, что необходимо вырывало в каждом из нас все силы нравственные, всю душевную твердость для перенесения с достоинством этого перехода. Я теперь уверен, что, если бы правительство, вместо того чтобы осудить нас так жестоко, употребило меру наказания более кроткую, оно бы лучше достигло своей цели, мы бы больше сожалели о той доле значения в обществе и преимуществе прежнего нашего положения, которое теряли. Лишив же нас всего и вдруг поставив на самую низкую, отверженную ступень общественной лестницы, оно давало нам право смотреть на себя как на очистительные жертвы будущего преобразования России; одним словом, из самых простых, обыкновенных людей делало политических страдальцев за свои мнения, этим самым

⁹ Басаргин Н. В. Записки. Красноярск: Кн. изд-во. 1985. С. 9.

возбуждало всеобщее к нам участие и на себя принимало роль ожесточенного, неумолимого гонителя»¹⁰.

27 января 1827 г. Басаргин был отправлен в Сибирь. Местные жители старались как-то помочь узникам. «Я,— писал Басаргин,— до сих пор храню как драгоценность медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько медных монет, сказала: „Вот все, что у меня есть; возьмите это, батюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне“. Мы прослезились, и я, выбрав у нее одну самую старую монету, положил к себе в карман, благодаря ее от самого искреннего сердца»¹¹.

Отношения ссыльных декабристов с местным населением основывались на выработанных в их среде представлениях о справедливости, честности и любви к ближнему. «Можно положительно сказать,— писал Басаргин,— что наше долговременное пребывание в Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей»¹². И далее: «Несмотря на рассеяние наше по Сибири и на отправление некоторых на Кавказ, мы все составляли как будто одно семейство: переписывались друг с другом, знали, где и в каком положении каждый из нас находится, и, сколько возможно, помогали один другому... Все мы вообще в тех местах, где жили, пользовались общим уважением, о достоинстве шли тем путем, который провидению угодно было назначить каждому из нас. Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило. Неудивительно после этого, что все искали нашего знакомства и что некоторые из прежних наших сослуживцев, увидя кого-либо из нас после 20—30-летней разлуки, позабывали различие взаимных общественных положений наших, встречались с нами с прежнею дружбою и откровенно сознавались, что во многих отношениях мы счастливее их»¹³.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Там же. С. 99.

¹² Там же. С. 217.

¹³ Там же. С. 223.

Живя в Сибири, Басаргин стал собирать материалы по экономике края. Одновременно он изучал быт староверов (старообрядцев), переселившихся сюда из районов русского Севера. Впоследствии в состав своих «Записок» Басаргин включил монографию о Сибири, посвятив ее экономико-географической характеристике вторую часть своего талантливого труда. «Сибирь,— отмечал декабрист,— на своем огромном пространстве представляет так много разнообразного, так много любопытного, и ее ожидает такая блестящая будущность, если только люли и правительство будут уметь воспользоваться дарами природы, коими она наделена, что нельзя не подумать и не пожалеть о том, что до сих пор так мало обращают на нее внимания»¹⁴.

По мнению Басаргина, чтобы развить производительные силы Сибири, необходимо в ближайшее время предпринять самые решительные действия и сдвинуть местную промышленность и сельское хозяйство с низших ступеней их нынешнего состояния. Кардинальное изменение внутреннего устройства Сибири позволит приступить к широкому использованию ее природных богатств. Декабрист был глубоко убежден, что Сибири недостает «внутренней» хорошей организации. «Первый из недостатков,— отмечал Басаргин,— бросается в глаза каждому мыслящему обитателю Сибири. Управление края находится в руках людей, не имеющих никакого понятия о гражданском благоустройстве. Эти лица, не обладая ни теоретическими познаниями, ни практической опытностью, не имея стремления к общей пользе, думают только о собственных ничтожных выгодах, об улучшении своего личного вещественного быта, об удовлетворении чувственных наслаждений или личных честолюбивых видов. Они действуют не в смысле той пользы, которую общество вправе от них требовать, а, напротив, считают, что управляемые [народы], т. е. общество, созданы для того, чтобы устроить их личное благосостояние. От этого происходит, что при отправлении своих обязанностей они имеют в виду самих лишь себя и ни во что не ставят общественную пользу и справедливость»¹⁵.

Особенно важным Басаргин считал основание в одном из центральных сибирских городов высшего учеб-

¹⁴ Басаргин Н. В. Записки. Красноярск. Кн. изд-во, 1985. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 187.

ного заведения, в которое должны допускаться лица всех сословий. «Золотая промышленность,— писал декабрист,— которая обогатила многих, а других пустила с кошельком, принесла бы в тысячу раз больше выгоды и стране, и самим золотопромышленникам, если бы с самого начала нашлись люди, которые бы понимали это дело, и если бы занимающиеся ею не принуждены были действовать более или менее ощупью. Во всех других областях промышленности недостаток специальных людей еще более ощутителен»¹⁶.

Особое внимание Басаргин уделял проблеме развития путей сообщения в Сибири. По его словам, при разнообразии климата и природы этой страны внутренняя и внешняя торговля ее могут получить успешное развитие не иначе как при «удобствах сообщения».

Вопросам развития транспортных сообщений в Сибири Басаргин посвятил труд «Об устройстве железной дороги от города Тюмени до реки Камы в городе Перми», где рассмотрел вопрос о вывозе сибирских товаров на рынки Европейской России и Западной Европы.

Тем временем в Петербурге произошли важные события. 26 августа 1856 г. был опубликован коронационный манифест, который разрешал декабристам вернуться в Европейскую Россию (кроме столиц). Как и большинство декабристов, Басаргин долго колебался, прежде чем принять решение. Наконец желание увидеть родные места пересилило. В Нижнем Новгороде он был радушно встречен губернатором А. Н. Муравьевым.

Весной 1858 г. Басаргин обосновался близ Владимира, но вскоре перебрался в Москву, поближе к врачам: здоровье его резко ухудшалось. 3 февраля 1861 г., не дожив 16 дней до отмены крепостного права, декабрист скончался. По поводу его смерти А. И. Герцен писал в «Полярной звезде»: «Еще один из наших старцев сошел в могилу — Николай Васильевич Басаргин. Правительство и его взыскало своей милостью. На похороны московский обер-полицмейстер послал передетого квартального и четырех жандармов. У родственников покойного тайная полиция делала обыск.

¹⁶ Там же. С. 191.

А как не выкрадывают истину, историю вам не украсть»¹⁷.

Главным научным трудом жизни Басаргина — «Записками» полиции завладеть не удалось. Они сначала широко разошлись по России в списках. Впервые «Записки» увидели свет в 1872 г. в историко-литературном сборнике П. И. Бартенева «Девятнадцатый век», в том же году появилось отдельное издание, затем они переиздавались в 1917, 1983, 1985 гг.

«Записки» Басаргина принадлежат к лучшим произведениям декабристской литературы. В них рельефно выступает исключительное значение нравственной стороны первого революционного движения против царизма, участники которого посвятили «себя на пользу Отечеству, ни во что не ставя личную опасность и грозящую невзгоду в случае неудачи или ошибочного расчета». Басаргин подчеркивал, что они, последователи новых идей, отдавали себе отчет, сколь мало их по сравнению с теми, кто предпочитал всему личные выгоды и занимал высшие должности в государстве. И тем не менее они «с увлечением и (почему не сказать) с ошибочною надеждою вступили в тот путь, где должны были пасть в неравной борьбе и сделаться первыми жертвами»¹⁸.

«Записки» Басаргина пронизаны глубокой любовью к русскому народу, который «так мало думает о своем достоинстве, о своей жизни, когда дело идет об Отечестве»¹⁹. В них содержится множество этнографических и географических материалов, которые по-прежнему сохраняют историческую и научную ценность.

Дмитрий Иринархович Завалишин **(1804—1892)**

Дмитрий Иринархович Завалишин родился 13 июня 1804 г. в Астрахани. Его отец, генерал-майор Иринарх Иванович Завалишин, был военным начальником Астраханской губернии, включая «Кавказскую инспекцию»

¹⁷ Герцен А. И. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 85.

¹⁸ Басаргин Н. В. Записки, С. 13.

¹⁹ Там же. С. 236.

от Каспийского до Черного моря. «Мать моя, — вспоминал декабрист, — Марья Никитична, урожденная Черняева, была, по общему свидетельству, женщина редких качеств»¹.

Когда отец вышел в отставку, семейство Завалишиных отправилось сначала в Могилевскую губернию, а затем в Тверь. Вскоре умерла мать. Образованием и воспитанием сына стал заниматься отец. У них в доме была большая библиотека, и Дмитрий увлекся астрономией и географией. Он «подолгу стоял перед географическими картами, развешанными по стенам в кабинете отца».

Завалишин начал вести дневник. Впоследствии он убедился, что почти каждодневные беседы с самим собой имели важное значение как для сохранения в памяти наиболее ценных фактов, так и для развития представлений об окружающем мире. Дневник он вел на нескольких иностранных языках, в том числе на древнегреческом. «Я, — писал он, — знал наизусть не только отдельные лучшие места первоклассных писателей древней и новой литературы, но и целые поэмы»².

В 1816 г. Завалишин был определен в Морской кадетский корпус. Окончив его и получив звание мичмана, плавал на судах Балтийского флота.

С 1820 г. Завалишин начал преподавать в Морском кадетском корпусе, где читал морскую географию, астрономию, высшую математику и различные предметы, «относящиеся до морского дела». На допросе в следственном комитете он показал: «Я слушал постоянно лекции в Медико-хирургической академии, Горном корпусе, посещал Обсерваторию, Академию художеств, библиотеки, даже заводы и мастерские, изучая производство разных ремесел и искусств»³.

Деятельность Завалишина как естествоиспытателя начинается с кругосветного плавания под начальством М. П. Лазарева. Членам экспедиции вменялось в обязанность во время плавания вести попутные гидрометеорологические, магнитные, астрономические наблюдения и собирать сведения географического характера. Более того, подчеркивалось в инструкции, за «особливо

¹ Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 9.

² Отрывки из «Записок» Д. И. Завалишина // Древ. и новая Россия. 1879. № 2. С. 145 (прим.).

³ Восстание декабристов. М.: Госиздат, 1925. Т. 3. С. 223.

сделанные примечания» для пользы наук офицерам будет выражена благодарность⁴.

На фрегате «Крейсер» имелась хорошая библиотека: сочинения И. Ф. Крузенштерна, Г. А. Сарычева, Ю. Ф. Лисянского, Дж. Кука. Кроме того, на каждый корабль было выдано по два оттиска карт из подготавливавшегося к печати Атласа Тихого океана с той целью, чтобы во время плавания была проверена их достоверность и собраны замечания, «нужные к поправке оных, дабы с верностью можно было издать в свет сей Атлас»⁵.

Во время плавания на фрегате «Крейсер» каждые сутки измерялись температура воздуха и атмосферное давление, выполнялись геомагнитные и астрономические наблюдения, о чем делались соответствующие записи в корабельных журналах, которые и по сей день служат науке⁶. Эти исследования являлись частью беспрецедентной для первой четверти XIX в. ученой деятельности русских моряков, положивших начало глобальному изучению атмосферных процессов и магнитного склонения на просторах Мирового океана, включая полярные области планеты⁷.

В этих наблюдениях принимал участие и Завалишин, посвятивший плаванию на фрегате «Крейсер» несколько статей и трудов. Ему было всего 19 лет, когда он был зачислен в число участников экспедиции Лазарева. С ним Завалишин познакомился еще в 1819 г. Лазарев пытался определить гардемарина «сверх комплекта» на шлюп «Мирный», но получил отказ, а по возвращении из южнополярного плавания он вспомнил о молодом офицере. «Я получил однажды в исходе 1821 года, — писал Завалишин, — от адмирала Беллинсгауза записку, в которой он просил меня прибыть к нему безотлагательно. Когда я явился, он передал мне письмо М. П. Лазарева, который, возвратясь из экспедиции к Южному полюсу и находясь в отпуску, писал мне „по секрету“, что, вероятно, будет назначен снова в кругосветное плавание»⁸. Лазарев приглашал Завали-

⁴ ЦГАВМФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 666. Л. 314.

⁵ Там же. Л. 315.

⁶ ЦГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3599а, 3599б, 3599в.

⁷ *Медведев Д. Н.* Вековые вариации магнитного склонения и дрейф Южного магнитного полюса // Бюл. Сов. Антаркт. экспедиции. 1970. № 77. С. 100.

⁸ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // Древ. и новая Россия. 1877. Т. 2, № 5. С. 56.

шина в число своих офицеров. О такой чести можно было лишь мечтать.

Во время подготовки экспедиции судьба свела Завалишина с Павлом Степановичем Нахимовым, будущим выдающимся флотоводцем и руководителем героической обороны Севастополя. «Мы,— писал Завалишин,— условились жить и на фрегате вместе и для того соединили две свои небольшие каюты в одну, что дало нам возможность лучше разместиться, и наша каюта сделалась как бы малою гостиною, куда обыкновенно собирались наши товарищи для искренней беседы. Нахимов стал неразлучным моим товарищем, сопровождавшим меня повсюду... Я брал его с собою и в Лондон, и в разъездах моих на острове Тенерифе, в Бразилии, в Австралии, в Отаити, в Калифорнии и пр., так что его прозвали наконец моей тенью»⁹.

17 августа 1822 г. фрегат «Крейсер» в сопровождении шлюпа «Ладога» вышел из Кронштадта. Во время пребывания в Англии Завалишин посетил Гринвичскую обсерваторию и картографическое заведение Арроусмита, где приобрел запас карт для экспедиции. Он решил осматривать достопримечательности посещаемых им стран и знакомиться с их природой. Когда экспедиция находилась на вулканическом острове Тенериф, он поднялся на вершину его самой высокой горы, затем посетил ботанический сад и долину Оритаву. В Бразилии Завалишин совершил восхождение на Сахарную голову, часто ездил в «загородную плантацию» академика Г. И. Лангсдорфа.

Переход от Бразилии до Вандименовой Земли (Тасмании), продолжавшийся около трех месяцев, был опасен и труден. В последние 17 дней одна буря сменяла другую. Шел дождь, град, снег, «а иногда все вместе»¹⁰.

Из-за непрерывной ненастной погоды путешественники не имели возможности определить положение корабля по астрономическим наблюдениям и вынуждены были довольствоваться счислением по лагу и компасу. «Конечно,— писал Завалишин,— офицеры употребляли все свое старание для достижения возможной точности, но никто не мог ручаться, какую разницу могли производить не подлежащие измерению морское тече-

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Там же.

ние, неравномерность хода корабля в промежутках измерений и изменяющееся склонение магнитной стрелки компаса, определение которого само требует астрономических наблюдений. А между тем опасность была близка, уже и в случае неверности счисления мы могли наткнуться на берег в то время, когда считали бы себя еще далеко от него, а пасмурность и туман препятствовали увидеть берег заблаговременно. Было еще невыгодное обстоятельство — барометр предвещал усиление бури»¹¹. И все же кораблям удалось не только вовремя заметить берег, но и в шторм благополучно войти в порт Дервен.

Завалишин отмечал, что на Вандименовой Земле русские моряки были приняты необычайно радушно. В одной из статей, посвященных плаванию, он дает характеристику хлебопашества и скотоводства, описывает город Хобарт, в котором насчитывалось более 6 тыс. жителей, более подробно отмечает характерные черты климата и природы.

Путь до Таити был опасным из-за множества коралловых островов и подводных коралловых рифов, не означенных на карте. По своим гидрометеорологическим условиям это плавание значительно отличалось от плавания в тропическом поясе Атлантического океана. «Там — отсутствие бурь, штилей и дождей, — писал Завалишин, — здесь — проливные дожди по нескольку дней и бури, сопровождающиеся электрическими явлениями. Сноснее всего, конечно, были для парусного судна штили, потому что при отсутствии ветра, чем останавливалось плавание, море редко, однако, было спокойно, а при штиле качка бывает несноснее потому, что размахи корабля не удерживаются напором силы ветра в паруса и хлопанье парусов наводит особенную тоску. Причиною волнения при безветрии, или так называемой «зыби», надо предположить или неулегшееся волнение, что происходит позже прекращения ветра, или нагоняемое волнение из других мест, где уже начинался снова ветер или не затих прежний»¹².

На страницах труда Завалишина содержится немало замечаний метеорологического характера. В сочетании с опубликованными измерениями температуры и

¹¹ Завалишин Д. И. Кругосветное плавание . . . № 9. С. 43.

¹² Там же. С. 49.

давления воздуха ¹³, которые велись в течение трехлетнего вояжа, они не только представляют исторический интерес, но и могут быть использованы современными исследователями.

На пути к Таити фрегат налетел на подводный коралловый риф. По словам Завалишина, это была отдельная ветвь кораллов, которая сломалась от удара о корабль. «Действительно,— вспоминал декабрист,— когда в Ситхе разгрузили фрегат, то в носовой части найден был кусок коралла, который, пробивши наружную обшивку, сломался и заткнул собою пробойну. Но, будь риф сколько-нибудь обширнее, фрегат неминуемо разбился бы» ¹⁴.

В июне 1823 г. путешественники достигли острова Таити, где Лазарев дал отдых команде. «Мы имели случай,— писал Завалишин,— наблюдать на Отаити, где мы пробыли две недели, нравы и обычаи островитян Великого океана... Нас, русских, отаитяне очень любили, и, начиная от дворца до самой бедной хижины, не было больше праздника, как если кто из нас посещал их» ¹⁵. В «Записках» декабрист рассказал о животном и растительном мире острова, о минеральных его богатствах, о благоприятных климатических условиях и щедрых дарах природы, когда «трех каких-нибудь деревьев хлебного плода достаточно для прокормления человека круглый год».

Далее «Крейсер» направился к берегам Русской Америки. 2 сентября 1823 г. фрегат находился у острова Ситха, а на следующий день в Новоархангельске встретился с «Аполлоном». На Ситхе Завалишин вместе с другими офицерами смог уделить «немало времени на осмотр местности и на исследование положения колоний и быта как русских, так и алеут и туземного населения» ¹⁶.

9 ноября в Новоархангельск прибыла «Ладога». Она привезла важные сообщения: крейсерство военных судов ограничивалось прибрежными водами. 14 ноября «Крейсер» в сопровождении «Ладоги» вышел к берегам Калифорнии. По выходе из Ситхинского залива

¹³ Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822, 1823 и 1824 годах. СПб., 1882.

¹⁴ Завалишин Д. И. Кругосветное плавание... № 10. С. 154.

¹⁵ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 74.

¹⁶ Завалишин Д. И. Кругосветное плавание... № 10. С. 154.

они попали в жестокий шторм. Завалишин командовал в то время вахтой. Заметив «падение ртути в барометре», он принял необходимые предосторожности. Около полуночи начало рвать паруса на обоих судах. Палуба и снасти покрылись льдом. Трудно было удержать руль, но еще труднее менять в ночи паруса, когда «ветер рвал все из рук»¹⁷. Однако моряки выстояли и 1 декабря прибыли в Сан-Франциско.

Свои впечатления о пребывании в этих землях Завалишин впоследствии описал в статье «Воспоминания о Калифорнии в 1824 г.», опубликованной в «Русском вестнике» (1865, № 11), и в «Кругосветном плавании». Он побывал в Сан-Рафаэле, Сан-Франциско-Солано, Сан-Пабло, Сан-Хосе, Санта-Кларе, Санта-Крус, Маринозе. Он посетил берега реки Сакраменто, где предполагал устроить новые русские поселения (недалеко от этих мест находилось поселение Росс, основанное Российско-Американской компанией в 1811 г.). «Мне случалось,— писал Завалишин,— делать в одни сутки 150 верст верхом, а в одну поездку я объехал 600 верст в четверо суток»¹⁸. Его «всевозможные исследования» были подчинены одной цели — расширить русское поселение Росс до реки Сакраменто, тем более что эти земли отличались «превосходным климатом, богатейшей почвой, прекраснейшим положением на Великом океане с одним из лучших в мире портов»¹⁹.

Весной 1824 г. фрегат «Крейсер» возвратился в Новоархангельск, а осенью Завалишин был в Петербурге. 7 ноября в столице произошло страшное наводнение. В тот день Завалишин с Ф. Лутковским, родственником адмирала В. М. Головнина, готовил документы для начальника Морского штаба. Они так увлеклись работой, что не заметили, как вода заполнила двор. Лишь после того как через окно в комнату потекли струи, они заволновались, но через дверь выбраться не смогли: ее заклинило. Морякам сверху бросили связанные жгутом простыни, и так они спаслись. Затем с несколькими морскими офицерами на трех шлюпках Завалишин отправился спасать людей в Коломне и Екатерингофе. Пострадавших от наводнения они привозили к К. П. Торсону, а тот размещал их в пустых палатах морского ведомства, где жил сам.

¹⁷ Завалишин Д. И. Кругосветное плавание ... № 11. С. 211.

¹⁸ Там же. № 11. С. 214.

¹⁹ Там же. С. 214—215.

«Работа наша при плавании по улицам,— вспоминал Завалишин,— была нелегкая и даже очень опасная... Справляться с лодками, особенно при приеме в них людей, было очень трудно вследствие страшной силы ветра, срывавшего при том с кровель железные листы, черепицы и доски, с труб — кирпичи, с фонарных столбов — фонари, со стен — вывески и пр., это все летало в разных направлениях и могло наносить людям даже смертельные удары. Нас бог миловал, хотя в одну лодку и попали свернутый как бы трубкою железный лист и затем кирпич; но лист ударил в самый нос лодки, а кирпич только вскользь, слегка задел одного гребца.

Между тем в приемных палатах принимались все возможные меры для облегчения положения доставляемых нами пострадавших от наводнения людей. От адмирала Головнина, от Торсона и от других живших в этом доме офицеров и чиновников были принесены самовары, чай и сахар; детей, которые были в намокшей одежде, сейчас раздели и в ожидании, пока наберут им платье или просушат бывшее на них, завернули в теплые одеяла; из соседней булочной забрали все печенье, которое не подверглось подмочке; гребцов накормили у адмирала Головнина на кухне, и как промокшую их одежду нескоро можно было просушить, то морские канониры дали им свое платье и шинели. Я с действовавшими со мною офицерами пошел к Торсону обогреться, напиться чаю и посоветоваться о том, что нужно и можно делать далее; туда же пришло вновь несколько офицеров и чиновников предложить и свои услуги»²⁰.

10 ноября Завалишин вместе с Торсопом сопровождал начальника Морского штаба А. В. Моллера в его поездке в Кронштадт. Выяснилось, что военно-морская крепость сильно пострадала от наводнения. «Особенно страшное зрелище,— писал декабрист,— представляли военные корабли. Дело в том, что вследствие слишком экономичного отпуска денег на морское ведомство вся материальная часть его дошла до крайней степени запущения, отчасти, впрочем, и по злоупотреблениям, которые только прикрывают недостаток средств. Оттого и случилось, что ко времени наводнения военная гавань была уже так засорена, что в северо-западном

²⁰ Отрывки из «Записок» Д. И. Завалишина. № 3. С. 46.

углу отмель выходила уже из-под воды. И вот жестокою бурей, сопровождавшею наводнение, все корабли сорвало с канатов, которыми они были прикреплены к стенкам гавани, и отнесло в засоренный угол, сбивши всех их в кучу. Когда же вода, поднявшаяся было на большую высоту и на отмели, затем сбыла, то все корабли очутились на мели, а один лежал даже совсем на боку, так что за невозможностью стащить его с мели никакими средствами приходилось снять с него верх и даже совсем сломать его. Все боны и плавучие мосты, соединяющие отдельные стены гавани, были также сорваны и отнесены в ту же груду, которую образовали снесенные военные корабли и куда нанесло течением и прибило ветром множество всякого хлама и из города, так как военные корабли образовали тут нечто вроде плотины, не допускавшей уносить за гавань, в море, все что несло по направлению к ним.

Трудно, конечно, исчислить все виды бедствий, которым подверглись несчастные жители города, особенно в низменных местах, и тем более что обывательские дома в Кронштадте были в то время все почти деревянные и одноэтажные»²¹.

Когда декабристы вышли на Сенатскую площадь, Завалишин находился в отпуске в Симбирске. 5 января 1826 г. его арестовали и 16 января доставили в Петербург. Вскоре он был освобожден. 18 января Моллер направил предложение Адмиралтейскому департаменту употребить Завалишина «на службу в оном по ученой части соответственно его способностям и с тем вместе препоручить ему состоящую при Музеем модель-камеру»²². Но едва Завалишин успел принять опечатанную после ареста Н. А. Бестужева мастерскую, как 2 марта он снова был арестован.

При обыске на квартире Завалишина были обнаружены «редкости», привезенные из плавания на фрегате «Крейсер». В описи значатся два головных украшения индейцев из перьев, индейская гребенка, японский молитвенник, «костяная штука жителей Берингова пролива, веер жителей Сандвичевых островов» и другие предметы обихода обитателей земель, расположенных в Тихом океане. Там же было обнаружено 15 книг географического содержания. В их числе значатся

²¹ Отрывки из «Записок» Д. И. Завалишина. № 3. С. 232.

²² ЦГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 725. Л. 1.

«Путешествие вокруг света» Крузенштерна, описание плаваний Кука, лоция Антильских островов, атласы Американского побережья, «Хронологическая история путешествий в восточные моря» капитана Дж. Бурнея²³.

Кроме того, у Завалишина было изъято несколько записок, в которых содержались предложения по преобразованию управления Русской Америкой, основанные на «всестороннем исследовании» не только промыслов, но и географического положения русских поселений. В одной из записок дано описание острова Ситха со «столицей» Русской Америки — крепостью Новоархангельск.

«Весь остров покрыт горами и каменными холмами, нет нигде ровного места,— писал декабрист.— Леса непроходимы. Деревья по каменистому грунту, не имея достаточной глубины для распространения корней, стоят нетвердо и уступают первому сильному порыву ветра. На разрушении их вырастают другие, и часто ветвь его, образуя новое дерево, той же участи подвергается, и, таким образом, они, падая одно на другое, высокие холмы образовали. Нельзя ступить ни шагу, чтобы не провалиться. Расчищать такие леса требует и много времени, и много людей, огнем истребить невозможно. Разрушительная стихия сия не имеет действия над лесами Ситхи, вечная сырость напитала их до такой степени, что при всех усилиях сжечь дерево оно много что ветвей своих лишается. Прибрежные воды покрыты бездною мелких каменистых островков...»²⁴

Предлагая переместить главное правление Русской Америки из Новоархангельска в гавань Св. Павла на острове Кадьяк, Завалишин считал необходимым «рассмотреть географическое и местное положение обоих, качество земли и климат, средства пропитания, промыслы как причины, определяющие удобства, выгоды и безопасность сих заселений»²⁵. Завалишин находил географическое положение Новоархангельска крайне невыгодным, поскольку крепость весьма отдалена от остальных русских поселений на северо-западных берегах Америки. Ее положение на краю русских владений в Америке делает крепость уязвимой и в

²³ Там же. Л. 13—14, 21.

²⁴ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1, Д. 48. Л. 297,

²⁵ Там же.

оборонительном отношении, тем более что она не господствует над соседними холмами. «Качество земли и климат,— продолжал Завалишин,— увеличивают невыгоды заселения. Везде каменистый грунт земли представляет ужасные затруднения в разрабатывании ее и весьма мало вознаграждает труды»²⁶.

Кадыак в сравнении с Ситхой предоставлял наибольшие удобства для размещения там управления Русской Америки: прежде всего находится в центре русских владений и одинаково удален от всех заселений. Гавань Св. Павла гораздо глубоководнее и безопаснее, чем рейд Новоархангельска, и в нее могут заходить большие суда. «Почва земли на Кадыаке несравненно лучше, нежели в Ситхе,— отмечал Завалишин.— Так что все овощи могут созревать на открытом воздухе. Обширные пастбища дают средства содержать достаточное количество скота и даже лошадей, что послужит немалым облегчением в работах и сократит число нужных людей. Рыбы здесь множество и превосходного рода. Что же касается климата, то оный хотя и холоднее Ситхи, но суше и здоровее»²⁷.

Географические работы Завалишина о Калифорнии, русском селении Росс, Русской Америке были подчинены задаче укрепления политического могущества и влияния своего Отечества. Его предложения так и не вышли за пределы следственного комитета, в фондах которого они сохранились до нашего времени.

Несмотря на арест, Завалишину удалось получить книги из своей библиотеки. Тюремщики и судьи смотрели на него с изумлением. «Они,— вспоминал декабрист,— никак не могли понять, каким образом человек, которому угрожает смертная казнь и во всяком случае вполне безнадежная будущность, может возиться с греческими и латинскими книгами...»²⁸ Завалишина сначала отправили на Нерчинские рудники, а затем в Читинский острог.

«В числе занятий наших в каземате,— писал декабрист,— не было недостатка и в настоящих ученых трудах, и в самостоятельных изысканиях. По части естественной истории особенно замечательны были

²⁶ ЦГАОР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 48. Л. 298.

²⁷ Там же.

²⁸ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 245.

братья Борисовы. Старший, несмотря на то что был полупомешанный, собрал замечательную коллекцию насекомых и придумал сам новую классификацию, совершенно тождественную с тою, которая гораздо спустя уже была предложена Парижской академии и принята ею. Меньшой брат нарисовал акварелью виды всех растений даурской флоры и изображения почти всех пород птиц Забайкальского края. Вольф сделал разложение минеральных вод, которыми так богат край. Комендант по указаниям минералогов составил замечательную коллекцию минералов. Метеорологические наблюдения за десять лет были переданы в Берлинскую академию и очень ценились ею²⁹. По части прикладных наук Николай Бестужев изобрел новую систему часов, Арбузов — новый закал стали и пр. Литературные произведения были очень многочисленны. Не говоря уже о переводах, было много и самостоятельных творений. Поэтические произведения Одоевского и басни Бобрищева-Пушкина заняли бы с честью место во всякой литературе. Корнилович и Муханов занимались изысканиями, относившимися к русской старине, и пр. Занятия политическими, юридическими и экономическими науками были общие, и по этим предметам написано было много статей»³⁰.

После амнистии декабрист развернул широкую кампанию в печати о нуждах Приамурья и Восточной Сибири. Благодаря содействию Ф. Ф. Матюшкина несколько его статей было напечатано в известном прогрессивном журнале «Морской сборник», который приобрел в Сибири необычайную популярность. Критические выступления Завалишина припились не по вкусу петербургским властям, и он поселился в Москве. Но и здесь Завалишин не прекращал активной литературной и общественной деятельности. Последние годы своей жизни он посвятил созданию обширных «Записок декабриста», отрывки из которых печатались в журналах. Завалишин скончался 5 февраля 1892 г., на 89-м году жизни.

²⁹ В действительности метеорологические наблюдения были переданы в Главную физическую обсерваторию Петербургской Академии наук и до сих пор используются в научных трудах.

³⁰ *Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 273.*

Декабристы и развитие науки

С самого начала своей деятельности декабристы разрабатывали планы социальных и политических преобразований России, где видное место занимали также проблемы науки и просвещения. Судя по выполненной М. В. Нечкиной реконструкции устава первой тайной декабристской организации Союза спасения, главной обязанностью ее членов являлось служение «всеми силами» на благо России, как «то и надлежит истинным и верным сынам Отечества»¹.

Это стало одним из пунктов программы Союза благоденствия, созданного вместо распущенного Союза спасения. По словам С. П. Трубецкого, члены новой тайной организации хорошо понимали, что их движение окажет влияние на жизнь Отечества только в том случае, если они обогатят себя познанием «наук, имеющих целью усовершенствование гражданского быта государства»².

Бесспорно, истинной целью тайного общества являлось изменение существующего строя, поэтому во главе движения мыслилось поставить людей талантливых, преданных Отечеству. В первом сохранившемся программном документе декабристов — уставе Союза благоденствия говорится: «Союз всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение»³.

Отдел распространения познаний должен был заботиться о развитии словесности, философии, естественных наук.

«Правилами соединенных славян», составленными П. И. Борисовым, от членов общества требовалось «почитать науки, художества и ремесла, возвышая любовь к ним до энтузиазма»⁴. В просвещении Борисов видел надежное средство борьбы с невежеством, которое «бы-

¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1. С. 163.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 1. С. 274. (Далее: Избранные произведения декабристов...).

³ Там же. С. 244.

⁴ Восстание декабристов. М.: Госиздат, 1925. Т. 5. С. 12.

ло всегда источником лютейших бедствий человеческого рода»⁵.

Вопрос об овладении пауками ставился отнюдь не как задача самообразования, а как важнейшая цель в политической борьбе против самодержавия. К. Г. Каховский писал: «Народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества»⁶. По словам декабриста Н. И. Тургенева, государственный аппарат самодержавной России, «не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам»⁷, восставал против распространения просвещения.

М. П. Бестужев-Рюмин в показаниях следственному комитету отмечал, что важнейшее место в программе будущего революционного правительства отводилось вопросам просвещения и науки, в том числе предусматривалось «составление собрания ученых», которые не только вели бы изыскания в различных областях наук, но и извлекали бы из своих трудов «все полезное для общества». Аналогичные положения содержатся в «Русской правде» П. И. Пестеля, перу которого принадлежит несколько набросков о классификации наук. Революционному правительству надлежало не только заботиться о создании благоприятных социальных и материальных условий для развития науки, но и внимательно следить за успехами естествознания и техники во всем мире. Поэтому генеральным консулам, представляющим интересы России в других странах, предполагалось вменить в обязанность извещать правительство «о новых открытиях в науках, художествах и всех частях промышленности, а равно как и об усовершенствованиях, в оных делаемых»⁸.

М. А. Фонвизиним написан труд «Классификация наук», текст которого, по мнению публикаторов, сохранился не полностью. «Систематическое распределение наук по их содержанию, называемое также энциклопедией наук, показывает, что все науки, как части или отрасли всеобщего человеческого ведения, состоят во взаимной связи и соприкосновении между собою,

⁵ Восстание декабристов. М.: Наука, 1982. Т. 13. С. 392.

⁶ Избранные произведения декабристов... С. 502.

⁷ Дневники и письма Н. И. Тургенева. Пг., 1921. Т. 3. С. 264.

⁸ Восстание декабристов. Т. 13. С. 262.

взаимно уясняются и восполняют одна другую»⁹, — отмечал декабрист в начальных строках своего сочинения.

Фонвизин рассмотрел первый опыт классификации наук, принадлежавший Ф. Бэкону, который был развит Ж. Д'Аламбером и Д. Дидро. Бэкон делил науки по «разуму, памяти, воображению». Позже немецкие философы выделяли два отдела — антропологический (общественные науки) и антологический («изучение мира и природы»).

Фонвизин считал, что англо-французская и немецкая классификации наук не соответствуют истинному положению дел. По его мнению, несправедливо делить науки по разуму, памяти и воображению, поскольку все эти способности человека одинаково «необходимы для изучения всех наук и тем более для усовершенствования их в отношении метода и обретения новых истин в какой бы то ни было отрасли ведения». Не принимал Фонвизин и германскую энциклопедию наук, поскольку в ней богословие ставилось в один разряд с политическими науками». «Мне кажется, — писал он, — что рациональнее и естественнее распределить все науки по трем главным предметам человеческой любознательности, врожденной и никогда вполне не удовлетворяемой и которая есть главная причина бесконечного совершенствования ведения вообще»¹⁰. Это богословские, антропологические, антологические.

Богословские науки включали догматическое богословие, толкование святого писания, практическое и нравственное богословие. На этом разряде, который почти незнаком современному читателю, нет надобности останавливаться, тем более что он изложен декабристом скупой и схематично. Гораздо подробнее охарактеризованы антропологические науки: география, история, философия, политика.

Фонвизин, создавший перед тем труд «Обозрение истории философских систем», очень подробно останавливался на философии как науке, которая сообщает всем прочим свои начала. Он рассматривал логику, метафизику, космологию, психологию, эстетику, педагогику, филологию, историю вместе со вспомогательными науками (хронология, историческая критика, археология и т. п.).

⁹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. Т. 2. С. 266.

¹⁰ Там же. С. 267.

В порядок наук антологических входят все науки, находящиеся «вне человека в видимом мире»: математика, геология, естественная история, химия, медицина, наука сельского хозяйства, технология.

Фонвизин рассматривал более 30 направлений наук, в том числе геологию. «Геология — наука об образовании земной поверхности — пытается объяснить феномены и законы постепенной формации земного шара и его напластований. Сюда входят все гипотезы о происхождении мира — главные из них Гершеля, Лапласа и др., которые полагают, что первобытная материя была воздухообразна и что из нее все произошло. Декарт, Лейбниц, Бюффон и другие думали, что сначала шар земной был в огне — расплавленном состоянии, а Линней, Доломье, Вернер доказывали, что вода была первою образовательною стихией земного шара. Делюк свои геологические гипотезы старался основать на библейской космогонии (на Моисеевой книге Бытия)»¹¹.

Один из разделов «Классификации наук» Фонвизина отводился естествознанию. «Естественная история, — отмечал он, — состоит из: а) минералогии, описывающей тела неорганические: земли, камни, металлы; б) ботаники и физиологии растений, рассматривающих растения, существа органические, одаренные растительной жизнью, но не имеющие произвольного движения; в) зоологии, рассматривающей существа, имеющие полную органическую жизнь: четвероногих, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых; г) сравнительной анатомии животных»¹².

И все же «наукой наук» Фонвизин считал философию, рассматривая ее как «высочайшую науку», которая объемлет мир и человека во всей совокупности его истинных отношений, имея целью достижение высочайшего знания «об этих предметах». В своем обозрении декабрист проследил историю философии, начиная с ее возникновения на Востоке и в Древней Греции и кончая философскими учениями конца XVIII — первой половины XIX в., включая «Диалектику» Гегеля, которую он воспринял своеобразно. Опираясь на этот труд, декабрист подчеркивал, что любое философское учение, объявленное даже бессмертным и вечным, от-

¹¹ Там же. С. 276.

¹² Там же.

ражает лишь определенный этап, период, эпоху в развитии науки или целой системы наук. Он солидарен с Гегелем, что учения бывают верными, но не бессмертными. Говоря современным языком, декабрист полагал, что, признавая изменчивость материального мира, нельзя признавать вечность или неизменность того или иного кажущегося сегодня верным учения. Оно не более ступеньки в бесконечной лестнице прогресса науки, искусства, культуры и, разумеется, мысли.

По мнению декабристов, прежде чем приступать к коренным, революционным преобразованиям Российского государства, надо было иметь представление о его внутренних и внешних границах, о природе и ее особенностях, о качестве земель, о народах, населяющих различные части страны, о состоянии промышленности, земледелия и промыслов. Поэтому не случайно уже в «Зеленой книге» познание Отечества вменено в одну из главных обязанностей членов Союза благоденствия. Об этом мы читаем в «Русской правде» П. И. Пестеля и в проекте конституции Н. М. Муравьева. В них сформулированы новые принципы административно-территориального устройства России.

Для лучшего «усмотрения состава уделов и областей» к «Русской правде» было приложено два чертежа. На одном из них было дано разделение России на губернии. Другой чертеж давал представление о новом административно-территориальном устройстве России. На основе последнего документа была реконструирована карта Европейской России, приложенная к «Русской правде». Анализ карты и текста «Русской правды» показывает, что основным принципом районирования был учет природных характеристик областей и округов, их хозяйственного развития, что явилось важным вкладом в развитие отечественной географической мысли. Но немаловажную роль играли и политические соображения, особенно это относится к внешним границам. Вопросы административно-территориального устройства России рассмотрены в четвертой главе («О России») проекта конституции Муравьева. При этом автор особое внимание уделял созданию держав близ водных путей, будь то речных или морских. «Российская империя, занимающая половину Европы и Азии и часть Америки,— писал М. К. Кюхельбекер,— представляет богатое поприще для ученых на-

блюдений. Даже гении, подобные Гумбольдту, не в состоянии объять столь пространное и разнообразное государство, вмещающее в себе, кроме жаркого, все климаты земного шара: обширные степи и великие горные хребты, бесплодные солонцы и тучные равнины Малороссии, благодатную природу закавказскую и Крыма и суровость стран полярных...»¹³

В изучении России, ее экономики, рудных и минеральных богатств, природы, животного и растительного мира декабристы видели могучий рычаг развития промышленности и сельского хозяйства и усиления политического влияния.

«Между 1812 и 1825 годами,— писал А. И. Герцен,— развилась целая плеяда, блестящая талантами, с независимым характером, с рыцарской доблестью (явлениями совершенно новыми в России). Ею было усвоено все то из западного образования, что было запрещено ввозу»¹⁴. Действительно, декабристы были образованнейшими людьми своего времени. По данным М. В. Нечкиной, более 20 из них учились в Московском университете¹⁵. Многие окончили Харьковский университет, Царскосельский лицей, Петербургский педагогический институт, Институт путей сообщения. 66 декабристов получили образование в Морском кадетском корпусе, в Первом и Втором сухопутных кадетских корпусах, училище для колонновожатых, Горном и Лесном институтах, Ришельевском лицее. 17 деятелей тайных обществ учились в частных пансионах. 22 декабриста получили домашнее образование, и только трое являлись выпускниками низших казенных училищ.

Не случайно члены следственного комитета, стремясь узнать, что же питало идеи декабризма, задавали арестованным одни и те же вопросы: «В коих предметах старались Вы наиболее усовершенствоваться?», «Не слушали ли сверх этого особых лекций?», «В каких науках, когда и где именно?» В том и другом случае требовалось объяснить, «чьим курсом» привлеченный к следствию «руководствовался в изучении наук».

¹³ Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. С. 25.

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. С. 72.

¹⁵ Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1975. С. 160.

А. А. Бестужев-Марлинский сказал, что он настойчиво совершенствовал свои познания в области истории, политики, физики. «Смело могу сказать,— показал он,— что я не оставил ни одной ветви наук без теоретического или практического изучения, и ни одно новое мнение в науках умозрительных, ни одно открытие в химии или механике от меня не уходило»¹⁶. Братья Петр и Андрей Борисовы, основавшие в 1817 г. Тайное общество друзей природы, показали на следствии, что они с особым прилежанием занимались изучением натуральной истории.

Судя по следственным делам, среди естественнонаучных дисциплин, изучавшихся декабристами, первые места занимают география, физика, математика, химия, астрономия, метеорология, океанография, гидрография. На это обстоятельство уже обращали внимание исследователи. Адмирал Н. С. Мордвинов даже предлагал из осужденных на каторгу и в ссылку декабристов образовать академию, поручив «преступникам заниматься положительными науками», которые могут «способствовать процветанию Сибири», а именно агрокультурой, физикой, геологией, минералогией, химией, металлургией¹⁷. Естественно, проект этот не был утвержден Николаем I, но он красноречиво свидетельствует о том, сколь блистали талантами деятели декабристского движения.

С кем же из своих именитых современников общались декабристы? Первым следует назвать известного полярного исследователя, руководителя русской гидрографии Г. А. Сарычева. Его знали все декабристы-моряки. С ним с детства был знаком В. И. Штейнгель. Особенно тесно с Сарычевым был связан Н. А. Бестужев. По рекомендации генерал-гидрографа он был сначала определен историографом Российского флота, а затем избран в почетные члены Адмиралтейского департамента.

Особым авторитетом среди декабристов пользовался руководитель Первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерн. Воспитанный на идеях просветителей XVIII в., он принадлежал к числу противников крепостного права. Для декабристов Крузенштерн на-

¹⁶ Избранные произведения декабристов... С. 497.

¹⁷ *Зильберштейн И. С.* Николай Бестужев и его живописное наследие: М.: Изд-во АН СССР, 1956, Вып. 2, кн. 2, С. 72. (Лит. наследство; Т. 60).

всегда остался национальным героем и «просвещенным мореходцем», которого роднило с ними глубокое понимание роли полярных и океанических исследований в укреплении политического влияния своего Отечества. Крузенштерн встречался со Штейнгелем, Н. А. Бестужевым, высоко оценивал проекты Романова относительно изучения Русской Америки и поисков Северо-Западного прохода, т. е. тех самых вопросов, которые на протяжении четырех десятилетий постоянно интересовали его самого. Особенно близок был к Крузенштерну М. К. Кюхельбекер. Осенью 1819 г. декабрист ездил к нему на мызу Асс и рассказывал о плавании к Новой Земле. Именно по просьбе Крузенштерна Кюхельбекер был «сверх комплекта» зачислен в число участников кругосветной экспедиции на шлюпе «Аполлон». Он же пытался помочь Кюхельбекеру принять участие в знаменитом кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие», но начальник Морского штаба отказался докладывать эту просьбу Александру I.

Ореолом героизма в глазах декабристов был окружен знаменитый мореплаватель В. М. Головнин. Его трудами о плавании на шлюпе «Диана», о пребывании в плену у японцев, о путешествии на шлюпе «Камчатка» зачитывались многие декабристы. Д. И. Завалишин относил Головнина к числу членов Северного общества и писал о том, что якобы он выражал готовность взорвать яхту с царской семьей¹⁸. Других свидетельств, подтверждающих принадлежность Головнина к обществу, не имеется. Зато известно его сочинение «О состоянии Российского флота в 1824 году». В нем он подверг резкой критике политику царского правительства в отношении флота.

Друг Головнина, начальник Камчатки, ученый и флотоводец П. И. Рикорд был дружен со Штейнгелем. «Во время самого ужасного кризиса моей жизни, — вспоминал впоследствии декабрист, — рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне официальную записку: „Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их“»¹⁹.

Общение с Сарычевым, Беллинсгаузеном, Крузенштерном, Головниным, Рикордом, П. Кеппеном, Герма-

¹⁸ Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 28.

¹⁹ Штейнгель В. И. (Тридечный). Замечания старого моряка // Мор. сб. 1856. № 12. С. 1.

ном, изучение их трудов воздействовали на формирование интересов декабристов. Этому также способствовали их тесные отношения со многими именитыми современниками-путешественниками. Среди них особое место принадлежит М. М. Геденштрому. Его другом был Г. С. Батеньков, который в свою бытность в Иркутске жил в доме полярного исследователя. В те годы Батеньков работал над проектом исследования Сибири и циклом статей по географии этого края. Безусловно, не без влияния Геденштрома развился интерес Батенькова к изучению Северо-Востока России, к поискам гипотетической Северной матерой земли.

В свою очередь, общение с Батеньковым оказало воздействие на Геденштрома, который за распространение вольнодумных и «противуправительственных мыслей» губернскими властями был выслан из Тобольска на юг Сибири незадолго до восстания на Сенатской площади. Живя в деревне Хайдуковой в 9 верстах от Томска, Геденштром задался целью составить «новое описание всей Сибири, прося только содержание, инструменты и дозволение говорить правду без оглядки»²⁰. Но это предложение было оставлено без ответа.

Весной 1820 г. в Иркутске в доме Геденштрома Батеньков встретился с участниками экспедиции для поисков и описи северных земель Ф. П. Врангелем, Ф. Ф. Матюшкиным и П. Ф. Анжу. Они были тепло приняты в декабристских кругах Петербурга, в частности бывали в доме А. О. Корниловича и в семье Бестужевых, где делились впечатлениями о своих трехлетних странствиях по Северному Ледовитому океану.

В декабристском окружении находился исследователь Новой Земли Ф. П. Литке, о чем он писал в своей автобиографии. Он был с детства дружен с Н. А. Бестужевым, которого называл «красой и гордостью русского флота». Он бывал в доме у Завалишиных, встречался с Батеньковым. Еще в 1820 г., находясь в Копенгагене, Литке завел «Особую записную книгу». Он переписывал в эту тетрадь наиболее замечательные произведения нелегальной литературы начала 20-х годов прошлого века. Здесь можно найти и оду А. С. Пушкина «Вольность», и публицистические письма М. Ф. Орлова, и стихотворение К. Ф. Рылеева «К временщику», и, наконец, записку «Нечто о возму-

²⁰ ЦГИАЭ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 465. Л. 74.

щении Семеновского полка», автором которой, возможно, является Н. А. Бестужев²¹. Литке собирал произведения «потаенной» литературы потому, что они отвечали его настроениям и размышлениям над действительностью.

В декабристском окружении находился еще один выдающийся географ и исследователь морей России — М. Ф. Рейнеке. Корнилович и Батеньков хорошо знали Ф. Ф. Шуберта, состоявшего в масонской ложе «Избранного Михаила», из которой вышло немало декабристов. Корнилович очень высоко ценил его труды по топографической съемке России и посылал ему поклоны из Петропавловской крепости как раз в те годы, когда геодезист Ф. Ф. Шуберт руководил гидрографическими исследованиями морского ведомства²².

Декабристы плавали в различные области земного шара под командой М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена. При этом последний вел переписку с начальником Морского штаба А. В. Моллером об избрании Н. А. Бестужева в почетные члены Адмиралтейского департамента. Учителями и наставниками декабристов были такие выдающиеся представители русской науки, как П. Я. Гамалея, И. И. Свиязев, А. Я. Купфер, А. Ф. Миддендорф, В. Я. Струве, А. Эрман, А. Гумбольдт, К. И. Арсеньев и др.

Таким образом, декабристы общались с целой плеядой естествоиспытателей, мореплавателей и ученых, чьи имена давно уже стали гордостью русской науки. Эти люди были для них воплощением героизма и служения благу Отечества.

В свою очередь, высокие душевные и нравственные идеалы, которым рельефно, по словам Ф. П. Врангеля, отличались деятели 14 декабря, их «горячее желание патриота выдвинуть дорогое Отечество на первый план образованного мира»²³ были притягательны для прогрессивно мыслящих офицеров армии и флота, деятелей науки.

²¹ *Окунь С. Б.* Записка «Нечто о возмущении Семеновского полка» // *Декабристы-литераторы*. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 2, кн. 1. С. 362—372. (Лит. наследство; Т. 60).

²² *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 227.

²³ *Шварц К. Н.* Барон Фердинанд Петрович Врангель // *Рус. старина*. 1872. Т. 5, № 3. С. 399—400.

Основные даты жизни и научной деятельности декабристов

Ф. Н. Глинка

- 1786 родился 8 июня в селе Сутоки Смоленской губернии.
- 1799 поступил в Первый кадетский корпус.
- 1802 окончил Первый кадетский корпус; определен подпоручиком в Апшеронский пехотный полк.
- 1805—1806 участвовал в военном походе против войск Наполеона, а также в битве при Аустерлице.
- 1806 вышел в отставку по болезни.
- 1810—1811 совершил путешествие по Смоленской, Тверской, Московской и Киевской губерниям, «занимаясь наукой и литературою».
- 1812 участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в зарубежных походах; награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой за храбрость.
- 1813 произведен в поручики, награжден орденом Св. Анны 2-й степени, прусским орденом «За заслуги», баденским военным орденом и драгоценным перстнем.
- 1815—1816 выход в свет «Писем русского офицера».
- 1816 переведен в Петербург в Измайловский полк; принят в члены Вольного общества российской словесности.
- 1817 приступил к изданию «Военного журнала»; основал библиотеку при Гвардейском штабе, вступил в члены Общества военных людей.
- 1819 определен чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче.
- 1822 согласно прошению переведен в армию.
- 1825 30 декабря доставлен на допрос в Зимний дворец.
- 1826 11 марта спова арестован и заточен в Петропавловскую крепость, приговорен к ссылке в Олонецкую губернию (под тайный надзор полиции).
- 1827 начал работать над статистическим обзором Олонецкой губернии.
- 1830—1831 переведен из Петрозаводска в Тверь; женился на Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой.
- 1832 переведен советником Орловского губернского правления.
- 1834—1835 уволен со службы; поселился в Москве.
- 1839 опубликовал «Очерки Бородинского сражения».
- 1853 переселился в Петербург.
- 1862 переехал на постоянное жительство в Тверь.
- 1869 избран членом Московского археологического общества.
- 1880 11 февраля скончался в Твери; похоронен в Желтиковом монастыре.

В. И. Штейнгель

- 1783 родился в городе Обва Пермского паместничества.
1792 определен в Морской кадетский корпус в Кронштадте.
1799 произведен в мичманы и определен в Балтийский флот; участвовал в экспедиции в Голландию.
1802 переведен на службу в Охотский порт.
1805 доставил из Охотска в Петропавловск-Камчатский важные депеши для Первой русской кругосветной экспедиции под начальством И. Ф. Крузенштерна.
1810 в чине капитан-лейтенанта «за болезнью» вышел в отставку; женился на Пелагее Петровне Воиноватъевой, дочери директора Кяхтинской таможни.
1811 переехал в Петербург и поступил на службу в Министерство внутренних дел.
1812 участвовал в Отечественной войне 1812 г., добровольно вступив в петербургское ополчение, а также в заграничных походах.
1814 назначен правителем дел гражданской и военной канцелярий при московском главнокомандующем А. П. Тормасове.
1819 вышел в отставку и занялся научной деятельностью, опубликовал монографию «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля», ряд трактатов и «Рассуждений».
1824 принят в Северное тайное общество.
1825 принимал деятельное участие в подготовке восстания декабристов; составил вариант «Манифеста к русскому народу».
1826 арестован в Москве и доставлен в Петропавловскую крепость; приговорен к пожизненной каторге.
1827 закован в кандалы и отправлен в Сибирь.
1834 написал очерк по истории управления Сибирью за 1765—1819 гг.
1835 отправлен на поселение в село Елань в 67 верстах от Иркутска.
1837 переведен на поселение в город Ишим Тобольской губернии.
1840 переведен на поселение в город Тобольск.
1843 переведен на поселение в город Тару.
1852 вернулся в Тобольск.
1856 возвращено дворянство и титул барона согласно манифесту от 26 августа 1856 г.; разрешено вернуться в Европейскую Россию без права въезда в Москву и Петербург.
1858 снят полицейский надзор.
1862 20 сентября скончался в Петербурге; похоронен на Охтенском кладбище.

С. П. Трубецкой

- 1790 29 августа родился в Нижнем Новгороде.
1806 слушал лекции в Московском университете.
1808 поступил на службу в лейб-гвардии Семеновский полк.
1812 участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах; за боевые заслуги награжден орденами Св. Анны 4-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бан-

- том, прусским орденом «За заслуги» и «Железным крестом».
- 1816 участвовал в основании Союза спасения.
- 1817 избран председателем Тайного общества истинных и верных сынов Отечества.
- 1818 участвовал в разработке устава («Зеленой книги») Союза благоденствия.
- 1819—1821 произведен в капитаны; выехал за границу; женился на Екатерине Ивановне Лаваль; переведен в лейб-гвардии Преображенский полк.
- 1822 написал замечания на проект конституции Н. М. Муравьева.
- 1825 написал конспект «Манифеста к русскому народу»; арестован.
- 1826 приговорен к пожизненной каторге; отправлен в Сибирь.
- 1827 переведен в Читинский острог.
- 1830 переведен в Петровский завод.
- 1832 начал вести метеорологические наблюдения.
- 1839 отправлен на поселение Оёк в 30 верстах от Иркутска.
- 1842 написал реферат о двойных звездах.
- 1843 подготовил записки по общей географии.
- 1844 написал статью о жирных кислотах.
- 1847 переехал в Иркутск.
- 1857 отправился в Цетральную Россию, прибыл в Киев.
- 1857—1858 вел дневник.
- 1859 (?) составил записку о положении крестьян в Сибири.
- 1860 22 ноября скопчался; похоронен в Новодевичьем монастыре.

Н. А. Бестужев

- 1791 13 апреля родился в Петербурге.
- 1801 определен в Морской кадетский корпус.
- 1810 Зачислен в штат Морского корпуса подпоручиком.
- 1815 совершил плавание в Голландию.
- 1817 совершил плавание к берегам Франции.
- 1818 сотрудничал в журналах «Сып Отечества», «Полярная звезда», «Благонамеренный» и др.; опубликовал труд «О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям».
- 1820 назначен помощником директора маяков Балтийского моря.
- 1821 член-сотрудник Вольного общества любителей российской словесности.
- 1822 прикомандирован к Адмиралтейскому департаменту для составления истории Российского флота.
- 1824 плавал на фрегате «Проворный» по маршруту Кронштадт—Плимут—Гибралтар—Кронштадт.
- 1825 избран членом Адмиралтейского департамента; опубликовал «Плавание фрегата „Проворного“ в 1824 г.»; назначен директором музея при Адмиралтейском департаменте; принимал участие в разработке плана декабрьского восстания.
- 1826 приговорен к ссылке на каторгу; отправлен из Шлиссельбурга в Сибирь.
- 1827 заключен в Читинский острог; начал работать над созданием портретной галереи своих товарищей по заточению.

- 1829 начал работать над новым корабельным хронометром.
 1837—1851 занимался метеорологическими наблюдениями, вопросами атмосферного электричества.
 1839 отправлен из Петровского завода на поселение в Селенгинск.
 1853 в трудах Вольного экономического общества опубликовал статьи «О бурятском хозяйстве» и «Новоизобретенный в Сибири экипаж».
 1854 опубликована монография «Гусиное озеро».
 1850—1855 работал над монографией «Система Мира».
 1855 15 мая умер в Селенгинске.

К. П. Торсон

- 1793 27 сентября родился в Петербурге (по данным историка А. Б. Шешина).
 1803 4 сентября зачислен в Морской кадетский корпус.
 1808 6 сентября участвовал в сражении со шведами у острова Пальво.
 1809 получил первый морской чин мичмана; участвовал в захвате шведского фрегата.
 1812 участвовал в боях с французскими войсками на Балтике и отличился в схватке в порту Либавы; награжден орденом Св. Анны 3-й степени.
 1813 назначен командиром транспорта «Св. Анна».
 1814 произведен в лейтенанты.
 1817 совершил плавание на корабле «Орел» во Францию.
 1819—1821 участвовал в составе Первой русской экспедиции к Южному полюсу в открытии Антарктиды и исследовании островов в тропической зоне Тихого океана; за успехи в экспедиции к Южному полюсу награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и двойным жалованьем «пока в службе находиться будет»; приехал в Петербург «для окончания дел по вояжу к Южному полюсу».
 1822 плавал на фрегате «Легкий» от Кронштадта до Готланд; откомандирован в Петербург «для занятия составлением записок Южной экспедиции».
 1823 составил «Замечания на штат вооружения кораблей и прочих военных судов нашего флота и на построение оных»; назначен адъютантом начальника Морского штаба.
 1823—1825 командовал галеоном «Торнео», плавал в Финском заливе.
 1824 вступил в Северное тайное общество; закончил перевооружение 84-пушечного линейного корабля «Эмгейтейп»; представил в морское ведомство новые штатные положения для всех рангов военных судов; участвовал в спасении жителей Петербурга во время наводнения. Составил совместно с М. А. Бестужевым инструкцию экспедиции к Северному полюсу.
 1825—1826 составил «Рассуждение о проекте конституции Н. М. Муравьева»; 15 декабря взят под арест; отправлен в заточение в Свеаборгскую крепость, из которой вскоре был переведен в Петропавловскую крепость; подготовил «Предложения по улучшению строевой и хозяйственной части морского флота»; по 2-му разряду государственных преступников, осужденных к «политической смерти», сослан на каторгу в Сибирь.

- 1827 заключен в Читинский острог.
 1828 читал в остроге лекции о русских финансах.
 1830 переведен в Петровский завод.
 1830—1850 составлял записки по преобразованию русского флота.
 1832 составил записку о новых торговых сношениях с Китаем.
 1833 разработал проект молотильной машины.
 1835 отправлен в крепость Акша.
 1837 переведен в Селенгинск; продолжал заниматься приготовлением различных земледельческих машин.
 1843—1850 возобновил работы над рукописями о русском флоте; написал «Опыт натуральной философии о мироздании» и «Воспоминание о путешествии к Южному полюсу» (точные даты неизвестны).
 1851 4 декабря скончался; похоронен в Селенгинске.

Г. С. Батеньков

- 1793 25 марта родился.
 1810 после обучения в военно-сиротской школе, преобразованной в гимназию, направлен для продолжения образования в дворянский полк при Втором кадетском корпусе в Петербурге.
 1812 закончил Второй кадетский корпус.
 1813 принял участие в заграничном походе русской армии, освобождал Варшаву (27 января), Краков (1 мая); получил чин подпоручика.
 1814 за отличие в боях с неприятелем во Франции награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; в сражении под Монмиралем был тяжело ранен.
 1815 совершил второй заграничный поход.
 1816 оставил военную службу; сдал экзамен в институт корпуса инженеров путей сообщения, получив звание поручика; возвратился в Tobольск.
 1817 направлен в Томск для производства различных городских работ.
 1819 переехал в Иркутск, составил проект устройства набережной Ангары.
 1820—1821 работал над проблемами преобразования управления Сибирью и подготовил шесть проектов, в том числе о приведении в известность земель Сибири, а также о сухопутных сообщениях; возвратился в Петербург.
 1822—1823 напечатал в «Сыне Отечества» обширный труд «Общий взгляд на Сибирь».
 1825 вступил в Северное тайное общество; арестован.
 1825—1846 заточение в Петропавловской крепости.
 1846 направлен в ссылку в Томск.
 1856 переселился в село Петрищево Тульской губернии.
 1859 составил проект устройства железнодорожного пути через Сибирь.
 1863 29 октября скончался в городе Калуге; похоронен в селе Петрищеве.

В. П. Романов

- 1796 12 июля родился в городе Александрия Херсонской губернии.
 1810 определен кадетом в Морской кадетский корпус.

- 1811 произведен в гардемарины.
 1818 плавал на фрегате «Проворный» к берегам Испании.
 1820 опубликовал «Отрывок из походных записок об Испании».
 1820—1822 плавал на корабле «Кутузов» к северо-западным берегам Америки и вокруг света.
 1822 представил начальнику Морского штаба А. В. Моллеру «Предначертение экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива».
 1823 представил начальнику Морского штаба А. В. Моллеру план второго полярного путешествия «Предначертение экспедиции для описи берега Америки между Ледяным мысом и Маккензиювою рекою».
 1826 заключен в Петропавловскую крепость; по распоряжению Николая I направлен на службу в Черноморский флот.
 1828—1829 участвовал в боевых операциях Черноморского флота; описал часть Кавказского берега.
 1829 опубликованы «Замечания о рейде при Сухум-Кале лейтенанта Романова».
 1833 находился на службе в эскадре М. П. Лазарева, посланной в помощь Турции; описал острова архипелага и предпринял на лошадях путешествие по Греции.
 1834—1853 уволен в отставку капитаном 2-го ранга; принимал активное участие в работе Русского географического общества, Вольного экономического общества, Московского общества сельского хозяйства и др.
 1854 вступил в морское ополчение; командовал флотилией канонерских лодок, действовавшей в шхерах Финляндии; переведен в Севастополь и принимал участие в боях.
 1856 произведен в капитаны 1-го ранга.
 1857 произвел опись Днестра и составил карту.
 1858 приступил к сбору материалов по истории русского флота.
 1861 произведен в контр-адмиралы и уволен в отставку.
 1864 11 октября скончался в городе Александрия.

М. К. Кюхельбекер

- 1798 родился в имении Авином в Эстляндии.
 1808 определен в Морской кадетский корпус.
 1813 получил чин гардемарина.
 1815 произведен в мичмапы.
 1819 принимал участие в полярной экспедиции А. П. Лазарева для описи исследования Новой Земли.
 1821—1824 на шлюпе «Аполлон» участвовал в плавании к северо-западным берегам Америки и вокруг света; производил метеорологические и магнитные наблюдения, вел журнал плавания.
 1825 арестован и заточен в Петропавловскую крепость.
 1827—1830 отбывал каторгу в Чите и Петровском заводе.
 1831 отправлен на поселение в Баргузинский край; изучал Забайкалье; занимался земледелием.
 1837 написал «Очерк Баргузинского края».
 1850 промерил и снял на карту Баргузинскую губу.
 1859 скончался в Баргузине.

Н. В. Басаргин

- 1800 родился во Владимирской губернии.
1816—1817 уехал в Москву; поступил вольнослушателем в Московский университет; поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых.
1818 занимался топографической съемкой Подмосковья, в том числе Архангельского, Царицына, Верхних и Нижних Котлов.
1819 выдержал экзамен на чин офицера Генерального штаба; принят в Союз благоденствия.
1820 направлен для прохождения службы во 2-ю армию в Тульчин; занимался топографической съемкой; принимал участие в делах Южного общества.
1826 арестован и заточен в Петропавловскую крепость.
1827 отправлен в Сибирь, заключен в Читинский острог.
1830 переведен в Петровский завод.
1836 отправлен в ссылку в город Туринск.
1842 переведен в город Ирган.
1846 переведен в город Омск.
1848 переведен на службу в Ялуторовский земский суд.
1836—1856 собирал научные материалы об экономическом и административном устройстве Сибири, положении и быте населяющих ее народов; на их основе написал монографию «Сибирь» и ряд других работ.
1861 3 февраля умер в Москве.

Д. И. Завалишин

- 1804 13 июня родился в Астрахани.
1816 определен в Морской кадетский корпус.
1820 назначен преподавателем корпуса.
1822—1824 плавал к северо-западным берегам Америки на фрегате «Крейсер» под командой М. П. Лазарева.
1824 возвратился в Петербург; участвовал в спасении жителей Петербурга во время наводнения 7 ноября 1824 г.
1826 арестован в Симбирске и доставлен в Петербург.
1827 из Петропавловской крепости отправлен в Сибирь, заключен в Читинский острог.
1830 переведен в Петровский завод.
1836 отправлен на поселение в Читу.
1837—1862 написал ряд статей, посвященных Сибири, Забайкалью, Амуру.
1863 после амнистии поселился в Москве.
1865 опубликовал воспоминания о Калифорнии и книгу «Российско-Американская компания».
1877 опубликовал описания плавания в Америку на фрегате «Крейсер».
1882 опубликовал труд «Природа и человек в деле колонизации».
1865—1891 работал над вторым вариантом «Записок декабриста».
1892 5 февраля скончался в Москве, похоронен в Даниловом монастыре.

Основные труды декабристов

Ф. Н. Глинка

- 1808** Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг.: В 2 ч. М.
- 1815—1816** Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., также Отечественной и заграничной войны в 1812 по 1815 г., с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии: В 8 ч. М.
- 1816—1817** Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия: В 3 ч. СПб.
- 1817** Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг, также о пользе и настоящем положении учрежденного для военных читателей при Твардейском штабе книгохранилища. СПб.
- 1818** Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича, сочиненное Федором Глинкою. СПб. 22 с. Подарок русскому солдату: Соч. Федора Глинки, Общества военных людей и разных ученых обществ члена. СПб. 138 с.—Рец.: Современная русская библиография. Новые книги // Сын Отечества. Ч. 48, № 36, отд. IV. С. 177—182. Взгляд на историю политических наук // Сын Отечества. Ч. 44, № 9, отд. II. С. 97—100.
 Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей. Марта 23 // Там же. Ч. 45, № 13, отд. III. С. 22—36.
 Описание похода русского войска под начальством генерала Б... в Закубанские горы против черкесов и турецкой крепости Анапы // Воен. журн. № 8. С. 59—67; № 9. С. 44—49.
- 1819** Отрывок послания к моим сверстникам в летах и учении // Сын Отечества. Ч. 51, № 1, отд. III. С. 33—36. Стихи, петье в одном благотворительном обществе, 12 декабря 1818 // Там же. № 11, отд. III. С. 77—78.
 Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 5, отд. I. С. 1—16; Отд. II. С. 129—170; Ч. 6, отд. IV. С. 1—26; Отд. VI. С. 237—266.
- 1820** Опыт поли-метра (многомера). Федор Глинка // Нев. зритель. Ч. 1, отд. VI. С. 129.

К Пушкину // Сын Отечества. 1820. Ч. 64, № 38, отд. IV. С. 231—233.

Отчетная речь председателя общества Ф. Н. Глинки за второе полугодие 1819. Записки Общества (любителей российской словесности) // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 9, отд. I. С. 103—112.

Речь председателя общества Ф. Н. Глинки при открытом заседании 8 июня 1820 г. Записки Общества (любителей российской словесности) // Там же. Ч. 10, отд. I. С. 371—382.

- 1828 Восхождение солнца в бурное осеннее утро: (Картины с натуры) // Сев. цветы. Отд. Проза. С. 205—207.
- 1829 Листок из дорожных записок русского офицера на обратном пути в Россию // Подснежник. СПб. С. 1—16. Отрывки из описательного стихотворения: Карелия // Там же. С. 55—58.
- 1830 Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой: Описательное стихотворение в четырех частях. Федора Глинки. СПб. 112 с.
- 1837 Воспоминание о поэтической жизни А. С. Пушкина. Стихотворение Ф. Н. Глинки. М.
- 1842 Неизвестная страна // Современник. Т. 28. С. 114.
- 1850 Предание и событие // Журн. Мин-ва нар. просвещения. № 1. С. 3—13.
- 1870 Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г., с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии: В 8 ч. 2-е изд. М.
- 1875 Стихи Ф. Н. Глинки о бывшем Семеновском полку/Сообщ. В. В. Давыдовым // Рус. арх. 1875. № 12. С. 422—423.
- 1901 Письма Фед. Глинки В. К. Кюхельбекеру // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М. Ч. 8. С. 247—248.

В. И. Штейнгель

- 1814—1815 Записал касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига. Писанные Фл. к.-лейт. Б. В. Ивт. СПб. Ч. 1. 241 с.; Ч. 2. 184 с.
- 1817 Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России (предст. Аракчееву). Нечто о наказаниях // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I отделения е. и. в. собственной канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1.
- Рассуждения о законах, относящихся до богохульства // Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. Ч. 2.
- 1819 Опыт полного исследования начал и правил хронологи-

ческого и месяцесловного счисления старого и нового
стиля. СПб.

- 1820 Краткое известие о жизни, характере и самой кончине
бывшего московского генерал-губернатора графа Алек-
сандра Петровича Тормасова // Сын Отечества. Ч. 59,
№ 11. С. 49—66.
- 1821 Частное заведение для образования юношества подпол-
ковника и кавалера барона Владимира Штейнгеля в Моск-
ве у Покровских ворот, против Чистых прудов в доме
господ Акуловых. М.
- 1819—1857 Записки барона В. И. Штейнгеля // Общественные
движения в России в первую половину XIX в. СПб.,
1905. Т. 1. С. 325—474.— То же // Мемуары декабристов.
Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. Т. 1. С. 147—264.
- 1822 Историческая справка: О причинах и времени установ-
ления крестного хода в Новодевичий монастырь // Вестн.
Европы. Ч. 124, № 16. С. 131—136.
- 1823 О легкой возможности уничтожить существующий в
России торг людьми // Декабристы: Поэзия, драматургия,
проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.;
Л.: Гослитиздат, 1951. Ч. 2.
- 1824 Замечания на Конституцию Н. М. Муравьева.
- 1825 «Манифест к русскому народу».
- 1826 Письма из Петропавловской крепости // Мемуары декаб-
ристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. Т. 1.
С. 239—254.— То же // Восстание декабристов. М.: Нау-
ка, 1976. Т. 14. С. 181—193.
- 1830 Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы
в Петровский завод 1830 г. // Декабристы: Неизд. ма-
териалы/Под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана.
М., 1925. С. 133—148.
- 1833 Отрывок из тюремного дневника, веденного в Петровском
заводе, датированный 1 октября 1833 г. // Сибирь. 1926.
№ 2. С. 31—38.
- 1834 Записка о Сибири // Исторический сборник Вольной рус-
ской типографии в Лондоне. Лондон, 1859. Вып. 1.
С. 79—100.— То же // Ист. вестн. 1884. № 8. (Сибирские
сатрапы).
- 1835 Записки несчастного, содержащие путешествия в Сибирь
по канату, 1826—1827 гг., написанные со слов Василия
Павловича Колесникова в Петровском заводе Сибири // Поляр.
звезда. 1861. № 7; 1881. № 32. В 1914 г. вышли
отдельной книгой.
- 1835 Нечто о неверностях, проявляющихся в русских со-
чинениях и журнальных статьях о России. Рукопись.
- 1840 Старина Морская и Заморская // Маяк. Вып. 3, ч. 10.
(За подписью Тридечный).
- 1841 Борода // Там же. Вып. 5, ч. 19—21.
Отрывок из путешествия лиха Ширмы // Там же. Вып. 9,
ч. 13.
- 1843 Что было прежде и что теперь // Там же. Вып. 5,
ч. 17. 18.
- Статистическое описание Ишимского округа Тоболь-
ской губернии // Журн. Мин-ва внутр. дел. Ч. 2. С. 3—48,
200—255.
- 1856 Замечания старого моряка на статью В. Мельницкого
«Адмирал П. И. Рикорд» // Мор. сб. № 12.

- 1860 Заметки старика // Сев. пчела. № 289.
 1861 Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана // Там же. № 71/72. С. 109.
 Этапы и полуэтапы // Век. 22 марта, № 12. С. 411—412.
 1862 Заметки старика // Сев. пчела. № 32.
 Воспоминания о графе А. А. Аракчееве // С.-Петербург. ведомости. 3 марта, № 47. С. 211—212.

С. П. Трубецкой

- 1819 Рекомендательный список литературы для членов общества «Зеленая лампа». Впервые опубликован Б. Л. Модзалевским. См.: К истории «Зеленой лампы» // Декабристы и их время. М., 1925. Т. 1. С. 61.
 1822 Замечание на проект Конституции Никиты Михайловича Муравьева. Впервые опубликовано в кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 96—118.
 1825 Конспект «Манифеста к русскому народу». Впервые опубликован в кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 94—95.
 1825 Об истории тайных обществ. Впервые опубликовано в кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 72—93.
 1825—1826 Письма из Петропавловской крепости. Частично опубликованы в кн.: Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 103—206.
 1829—1860 Письма членам тайного общества, друзьям, родным, деловая переписка. Опубликованы в кн.: Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2: Письма. Дневник, 1857—1858. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.
 1832—1838 Метеорологические наблюдения в Петровском заводе. Вероятно, утрачены.
 1840—1853 Метеорологические наблюдения в селе Оёк близ Иркутска // ЦГАОР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 311. Л. 1—189.
 1842 О населении Восточной Сибири // Там же. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 23, 25.
 1843 О лекарственных травах // Там же. Д. 11.
 О волостном управлении в Сибири // Там же. Д. 10. Л. 1—10.
 1844 Записки по географии // Там же. Д. 16. Л. 1.
 1844—1845 Записки. Впервые опубликованы в 1863 г. в Лондоне в Вольной русской типографии А. И. Герцена. Неоднократно переиздавались (Лейпциг, 1874; Берлин, 1903; СПб., 1906, 1981, 1987).
 1840-е—1850-е Разные отрывки. Добавления к «Запискам» // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 286—293.
 1857—1858 Дневник 1857—1858 гг. // Там же. Т. 2: Письма. Дневник, 1857—1858. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. С. 453—463.

Замечания на записки декабриста В. И. Штейнгеля // Там же. С. 293—309.

Замечания на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» // Там же. С. 310—319.

Н. А. Бестужев

- 1818 Ответы на вопросы, предложенные в первой книге «Благонамеренного» // Благонамеренный. № 15.

О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям // Сын Отечества. Ч. 49, № 15, отд. II. С. 305—318; Ч. 50, № 11, отд. II. С. 25—34.

- 1819 Мартышка и бритва // Там же. Ч. 52, № 12, отд. II. С. 275—276.

- 1820 Письмо к издателю «Кропштадт» // Там же. Ч. 65, № 14, отд. III. С. 173—178.

- 1821 Записки о Голландии 1815 г. // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 15, отд. VII. С. 33—64; Отд. VIII. С. 179—226; Отд. IX. С. 257—298.

Обожатели огня: Восточная повесть: (Из Томаса Мура. Ч. 1—3) // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 16, отд. II. С. 113—156, 249—297.

Обожатели огня: Восточная повесть: (Из Томаса Мура) / Пер. Н. Бестужева. СПб. 95 с.—Рец.: Сын Отечества. 1821. Ч. 74, № 6, отд. IV. С. 181.

Крушение российского военного брига Фалька, погибшего у Толбухина маяка, в семи верстах от Кропштадта, 20 октября // Сын Отечества. Ч. 80. С. 80—88. Отсюда взято В. М. Головинным «Описание достопримечательных кораблекрушений в разные времена, перепечатанное российскими мореплавателями». СПб., 1828. С. 192—208. С примеч. Головина.

- 1822 Замечания на небольшую шведскую поэму под названием «Аксель» // Сын Отечества. Ч. 80, № 35, отд. II. С. 69—80.

Паризина. Историческое происшествие: (Из лорда Байрона) // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 18, отд. III. С. 290—310.

Гленфинлас. Надгробная песнь лорду Рональду: (Из Вальтера Скотта) // Там же. Отд. II. С. 176—189.

Опыт истории Российского флота // Там же. Ч. 20, отд. II. С. 137—175; Отд. III. С. 271—301.—Отзыв: Сын Отечества. Ч. 1, № 10. (В письме на Кавказ).

- 1823 Сражение Ганго-Удде, 1774, 28 июля нов. стиля // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 6, № 12. С. 274—288.

- 1824 Об удовольствиях на море. Письмо к... // Полярная звезда на 1824 г. СПб. С. 203—227.

- 1825 О новейшей истории и нынешнем состоянии Южной Америки. 1. Парагвай: (Из американских журналов) // Сын Отечества. Ч. 100, № 4, отд. VII. С. 264—279.

К улетевшему гению // Новая лит. Кн. 14, дек. С. 189—190. Выписка из журнала плавания фрегата «Проворный» в 1824 г. // Записки, издаваемые Адмиралтейским департаментом. Ч. 8. С. 23—128.

Плавание фрегата «Проворный» в 1824 г. СПб.

- Гуго фон Брахт: (Происшествие XIV столетия) // Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1821 по 1823. СПб. Ч. 5. С. 117—137.
- Об удовольствиях на море. Письмо к // Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1823 по 1825. СПб. Ч. 2. С. 146—166.
- Гибралтар (Письма I—IV) // Полярная звезда на 1825 г. СПб. С. 614—624.
- Трактирная лестница // Северные цветы на 1826 г., собранные бароном Дельвигом. СПб. С. 107—108.
- 1853** Новоизобретенный в Сибири экипаж // Тр. Вольного экон. о-ва. Т. 1, № 2, отд. III. С. 102—108.
- О бурятском хозяйстве // Там же. С. 99—102.
- 1854** Гусиное озеро // Вестн. естеств. наук. 2 янв., № 1. С. 1—7; 9 янв., № 2. С. 17—22; 16 янв., № 3. С. 33—39; 23 янв., № 4. С. 49—57; 30 янв., № 5. С. 77—80; 6 февр., № 6. С. 93—96; 13 февр., № 7. С. 109—112; 22 мая, № 21. С. 334—336; 12 июня, № 24. С. 378—384; 19 июня, № 25. С. 394—398; 26 июня, № 26. С. 441—446; 3 июля, № 27. С. 428—432; 10 июля, № 28. С. 442—447; 24 июля, № 30. С. 476—480.
- 1861** Рассказы и повести старого моряка. М.—Ред.: Мор. сб. 1860. № 13; 1869. № 216. С. 1137—1138.
- 1867** Письмо Н. Бестужева от 29 октября 1853 г. к А. Р. Генгросу об аэролитах, выпавших близ Селенгинска // Горн. журн. Ч. 4, № 12. С. 408—409.
- 1872** К. Ф. Рылеев // Двадцатый век. М. Вып. 1. С. 338—350.
- 1880** Из записок Николая Александровича Бестужева от 14 декабря 1825 г. // Памяти братьев Бестужевых. Лейпциг. С. 27—42. (Международ. б-ка; Т. 23).
- 1904** Из записок И. А. Бестужева // Ист. вестн. № 4. С. 118—135.

К. П. Торсон

- 1822—1850** «Записки об экспедиции к Южному полюсу в 1819—1821 гг. на шлюпах „Восток” и „Мирный”» находились среди архива Торсона, который пока не разыскан; не исключено, что ранний, додекабрьский вариант этих «Записок» частично вошел в состав известного труда Ф. Ф. Беллинсгаузена.
- 1823** Замечания на штат вооружения кораблей и прочих военных судов нашего флота и на построение оных // ЦГАВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 14.
- 1825** Рассуждение о проекте конституции Н. М. Муравьева. Хранится в Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина.
- 1826** Предложения по улучшению строевой и хозяйственной части морского флота // ЦГАВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 424. Записки о механике. Рукопись, вероятно, утрачена. Прочитана в Чите.
- 1826** Записки о земледелии. Рукопись, вероятно, утрачена. Прочитана в Чите.
- 1827—1829** Заметки о флоте. Рукопись, вероятно, утрачена. Прочитана в Чите.
- 1832** О новых торговых сношениях с Китаем. Рукопись, вероятно, утрачена. Прочитана в Петровском заводе.

1833 О молотильной машине. Рукопись // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 357.

Описание молотильной машины. Рукопись // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 357.

Подробное изложение состава каждой части молотильной машины. Рукопись // ЦГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 357.

Система русских финансов. Рукопись, вероятно, утрачена.

1836 Местоположение крепости Акша. Письмо Н. А. Бестужеву от 1 декабря 1836 г. // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.

1836—1840 Письма декабриста К. П. Торсона // Там же.

1841—1850 Опыт натуральной философии о мироздании. Рукопись находилась в архиве К. П. Торсона, который пока не разыскан.

Г. С. Батеньков

Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина, Э. Г. Толя. М., 1936. Об управлении Сибирью // Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 20. Картон 2. Д. 3.

Материалы по статистике Сибири (24 таблицы) // Там же. Д. 9.

Сибирское учреждение. Записка // Там же. Картон 6. Д. 18. Совм. с М. М. Сперанским.

Записка о каторжных // Там же. Картон 1. Д. 22.

Записка о ямщиках, в Сибири состоящих // Там же. Д. 20.

Записки о поселениях в Сибири // Там же. Д. 18.

Положение о приведении в известность земель Сибири // Там же. Картон 12. Д. 12.

Заметки об уставе для ссыльных // Там же. Картон 5. Д. 10.

Особенное распределение сосланных в Иркутскую губернию людей // Там же. Картон 1. Д. 23.

Записка о Туруханском поселении // Там же. Картон 5. Д. 25.

О поселениях в Иркутской губернии. Нерчинские заводы // Там же. Картон 1. Д. 1.

О поселениях в Томской области // Там же. Картон 5. Д. 26.

Записка об успехах земледелия // ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 477.

Известие о двух путешествиях экспедиции, отправленной из Нижне-Колымска // Сев. арх. 1822. Ч. 3, № 6. С. 152—154.

Общий взгляд на Сибирь // Сын Отечества. 1822—1823. Ч. 81—84.

Население Сибири // Сын Отечества. 1822—1823. Ч. 82—83.

О египетских письменах. СПб., 1824.

Из показаний 31 марта 1826 // Рус. старина. 1897. Т. 92. С. 84.

Тюремные тетради // ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 133.

Мысли об административном аппарате государства // Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 20. Картон 5. Д. 28.

Заметки о сельском хозяйстве // Там же. Д. 30.

О «Космосе» А. Гумбольдта // Там же. Картон 6. Д. 1, 2.

Об иноземных землях в Сибири // Там же. Картон 5. Д. 2.

Рассуждения по вопросу освобождения крестьян от крепостной зависимости // Там же. Д. 8.

Поселенцы // Там же. Д. 9.

Письма Г. С. Батенькова князю Е. П. Оболенскому // Рус. старина. 1901. № 10. С. 101—108.

- Проект прокладки железнодорожного пути между Петербургом и Тобольском // Отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 20. Картон 1. Д. 3.
- О преподавании географии в российских университетах // Там же. Картон 1. Д. 1.
- Мысли о конституции // Рус. старина. 1898. № 8. С. 316—320.

В. П. Романов

- 1820 Отрывок из походных записок об Испании // Отеч. зап. Ч. 2, № 3. С. 27—41.
- 1825 О колюжах или калошах вообще // Сев. арх. № 17.
Предначертание экспедиции от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива // ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2595. Л. 1—9.
Предначертание экспедиции для описи берега Америки между Ледяным мысом и Маккензиевою рекою, 1823 // Там же. Д. 672. Л. 52—54.
Мысли о путешествии, которое можно предпринять от реки Медной по сухому пути до Ледовитого моря и до Гудзонского залива // Сев. арх. № 19. С. 129—135.
Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудзонского залива // Мос. телеграф. Ч. 5, № 18. С. 88—99.
- 1829 Комментар.: Предположение об описи Ледовитого моря на нартах // Отеч. зап. Ч. 39, № 113. С. 333—334.
Замечания о рейде при Сухум-Кале // Зап. учен. ком. Мор. штаба. Ч. 3. С. 165—175.
- 1851 Заметки на статью: Список кораблей, участвовавших в кругосветных плаваниях // Сев. пчела. № 120.

М. К. Кюхельбекер

- 1821 Вахтенный журнал, веденный офицерами брига «Новая Земля» летом 1819 г. // ЦГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 311.
- 1822—1824 Журнал метеорологических и магнитных наблюдений, веденный на шлюпе «Аполлон» во время плавания вокруг света в 1822—1824 гг. СПб., 1883.
- 1836 Течение времени, течение рек // Забытым быть не может. М., 1963. С. 125—130.
- 1836 Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ, 1975.
- 1836 Забайкальский край // ЦГАОР. Ф. 109. Д. 61. Л. 1—40.
- 1837 Материалы съемки Байкала. Планшеты утрачены.

Н. В. Басаргин

- 1856—1857 Записки, 1856—1857 гг. // Деятельный век/Изд. П. И. Бартенева, 1872. Пг., 1917; Красноярск, 1985.
- 1858 О будущем России и ее политике.
- 1859 Старообрядцы в Западной Сибири.
- 1845—1869 Об устройстве железной дороги от Тюмени до реки Камы в городе Перми.
- 1857—1860 Журнал: (Дневник, 1857—1860) // ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 168, 171.
- 1857—1860 Записки о современных событиях деревенского жителя, возвратившегося из ссылки (1857—1860) // Там же. Д. 174.

- 1860 Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Д. И. Завалишин

- 1858 По поводу статей об Амуре: (Письмо в редакцию «Морского сборника») // Мор. сб.
- 1859 Замечания на извлечение из отчета Г. О. Эте и выписку из Триестской газеты (в № 11 «Вестника географического общества» за 1858 г.) // Там же.
Разбор некоторых статей об Амуре. Письмо из Читы // Там же. Июль.
Заметки на проекты электрического телеграфа через Курильские и Алеутские острова и некоторые сведения, сообщаемые о разных событиях в Восточной Сибири и на Амуре преимущественно // Вестн. пром-сти. Т. 4, № 10.
- 1860 Нечто о путях сообщения в Сибири, Чита, 12 августа 1859 г. // Моск. ведомости. 19 марта, № 63.
- 1862 По поводу проектов Д. Романова о телеграфической линии от устья Амура до Америки // Акционер. № 44.
- 1863 Статистические сведения о городе Чите // Сев. пчела. 10 июня, № 152.
По поводу статьи «Телеграф на Амуре» // Нар. богатство. 9 июня, № 249.
- 1864 По сибирским дорогам. Тюмень, 1 мая 1863 г. // Якорь. 22 февр., № 8; 29 февр., № 9; 7 марта, № 10.
- 1864—1866 Письма о Сибири. I—X // Моск. ведомости. 1864. 6 окт., № 217; 24 окт., № 232; 3 дек., № 265; 16 дек., № 276; 1865. 25 февр., № 42; 2 марта, № 46; 22 мая, № 110; 5 июня, № 121; 17 авг., № 179; 1866. 25 мая, № 105.
- 1864 По поводу известия о проекте международной железной дороги через Сибирь для сообщения Европы с Китаем // Там же. 19 дек., № 279.
- 1865 Воспоминания о Калифорнии в 1824 г. // Рус. вестн. 1865. № 11. С. 328—368.
Амур и Николаевск // Моск. ведомости. 22 дек., № 281; 30 дек., № 286.
Российско-Американская компания. М.
Телеграфическая линия для соединения Европы с Америкой через Сибирь // Соврем. летопись. 13 февр., № 5.
- 1866 Дело о колонии «Росс» // Рус. вестн. № 3.
Лондон, Париж и Москва // Там же. № 8.
- 1867 Рыболовство и китоловство в Великом океане // Там же. № 10.
По поводу известий о действиях американцев в бывших наших колониях // Соврем. летопись. 19 нояб., № 42.
- 1870 О Сибирско-Уральской железной дороге // Там же. 8 марта, № 9.
- 1873 Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 г. // Рус. вестн. № 6.
- 1877 Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. под командою Михаила Петровича Лазарева // Древ. и новая Россия. Т. 2, № 5. С. 54—67; № 6. С. 115—125;

№ 7. С. 199—214; Т. 3, № 9. С. 39—52; № 10. С. 143—158; № 11. С. 210—223.

По поводу статьи «Знакомство с декабристами» // Там же. Т. 3, № 2, 9.

1881 Заметка о селе Ундорах Симбирской губернии // Моск. ведомости. № 2.

Трехсотлетие присоединения Сибири к России // Там же. № 283.

1882 Предполагаемые преобразования в Сибири и действительные нужды ее // Там же. 7 февр., № 38.

Колонизация Южно-Уссурийского края и Амура // Там же. 1 марта, № 63.

Нашествие американцев на нашу восточную окраину // Там же. № 123.

По поводу усиления нашей эскадры на Великом океане // Там же. № 137.

Природа и человек в деле колонизации: (Письма о сибирском хозяйстве) // Вост. обозрение. 27 мая, № 9. С. 10—12; 3 июня, № 10. С. 10—12; 17 июня, № 12. С. 10—12.

Сибирь и Канада // Там же. 17 нояб., № 34. С. 3—4.

1883 Воспоминания бывшего гардемарина о Дании // Моск. ведомости. № 234.

1884 Пребывание фрегата «Крейсер» в Бразилии: Из воспоминаний бывшего моряка // Там же. № 7, 8, 10, 14, 16. Австралия и Полинезия: Из воспоминаний бывшего моряка // Там же. № 19, 21, 23, 25.

Ситха и бывшие наши американские колонии: Из воспоминаний бывшего моряка // Там же. № 26, 35, 37, 39, 42, 43, 46—47.

Остров Тенериф: Из воспоминаний бывшего моряка // Там же. № 48.

Плавание по Атлантическому океану: Из воспоминаний бывшего моряка // Там же. № 50.

Троекратный проезд через Сибирь и пребывание в ней // Там же. № 93, 96, 131, 142, 151, 159, 163, 165, 170, 181, 197, 205, 214, 215.

1885 Забайкальский край // Там же. № 6.

1904 Записки декабриста Д. И. Завалишина. Мюнхен. Т. 1—2.

1906 Записки декабриста Д. И. Завалишина. 1-е рус. изд. СПб. 2 портр.

Основная литература

- Адмирал В. П. Романов // Одес. вестн. 1864. № 235. С. 954.
- Азадовский М. Н. Бестужев — этнограф. Иркутск, 1925. 22 с.
- Александровская О. А. Естественнонаучное содержание акварелей П. И. Борисова // Вопр. истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 6.
- Алексеев М. П. Писатели-моряки. Николай Бестужев // Моряк. 1922. 28 янв., № 152; 25 февр., № 164.
- Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1949. 162 с.
- Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.: Гослитиздат, 1953. 546 с.
- Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 566 с.
- Барановская М. Ю. Деятельность Штейнгеля в Москве после Отечественной войны 1812 г. // Декабристы в Москве/Под ред. Ю. Г. Оксмана. М.: Моск. рабочий, 1963. 297 с.
- Басаргин Н. В. Записки. Красноярск, 1985. 302 с.
- Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный». М.: Географгиз, 1949. 348 с.
- Бестужева Е. К биографии Николая Александровича Бестужева // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1902. Ч. 10. С. 286—288.
- Быконя Г. Ф. Взгляды Г. С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII — XVIII вв. // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 152—158.
- Вейс А. Ю. Труды декабриста П. Колошина по географии: Архивно-биографическая справка // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1961. Т. 93, № 2. С. 174—178.
- Вейс А. Ю. Автобиографические записки декабриста Петра Колошина (1849) // Пушкин и его время. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 87—96.
- Весин Л. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 г. СПб., 1876. 302 с.
- Вилков О. Н. Декабристы об экономике феодальной Сибири // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 112—118.
- Вильд Г. И. О температуре воздуха в Российской империи. СПб., 1882. 642 с.
- Воспоминания Бестужевых. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 758 с.
- Герцен А. И. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 16. 504 с.
- Глушанков И. Бестужев в науке: Новое о декабристах // Байкал. 1965. № 6. С. 138—142.
- Гусев В. Е. Вклад декабристов в отечественную этнографию // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. С. 80—108.

- Данилов В. В. Декабристские материалы в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР // Декабристы и их время: Материалы и сообщ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 263—276.
- Два декабриста (Булатов, Батеньков) // Бюл. лит. жизни. 1915—1916. № 11. С. 569—574.
- Движение декабристов. Указатель литературы, 1960—1976. М.: Наука, 1983. 488 с.
- Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976. 448 с.
- Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. 212 с.
- Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 806 с.
- Дневники и письма Н. И. Тургенева. Пг., 1921. Т. 3. 544 с.
- Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. 292 с.
- Дубровский К. Декабрист-сибиряк: (Г. С. Батеньков, к 50-летию со дня смерти) // Сиб. жизнь. 1913. 17 дек., № 277; 18 дек., № 278; 1914. 9 февр., № 29.
- Жаркевич П. М. Творчество Ф. Н. Глинка в истории русско-украинских литературных связей. Киев: Наук. думка, 1981. 122 с.
- Жизневский А. К. Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890. 32 с.
- Замалев А. Ф. М. А. Фонвизин. М.: Мысль, 1976. 112 с. (Мыслители прошлого).
- Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906. 762 с.
- Записки, статьи и письма И. Д. Якушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 512 с.
- Зильберштейн И. С. Художник декабрист Н. Бестужев. 2-е изд., доп. М.: Изобраз. искусство, 1977. 678 с.
- Зиновьев А. К биографии В. И. Штейнгеля // Моск. ведомости. 1862. 25 сент., № 209. С. 1669.
- Иезуитова Р. В. К истории ссылки Ф. Н. Глинка (1826—1834): По архивным материалам // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975.
- Из переписки декабристов. Письма декабристов М. А. Фонвизина и В. И. Штейнгеля к И. И. Пущину (29 писем, 1842—1859) // Зап. отд. рукописей Б-ки СССР им. В. И. Ленина. 1975. Вып. 36. С. 160—264.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1951. 374 с.
- Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г./Собрацы В. Вагипым. СПб., 1872. Т. 1. 492 с.
- Калашников И. Т. Записки Иркутского жителя // Рус. старина. 1905. № 7. С. 245—272.
- Карпец В. И. Федор Глинка: Ист.-лит. очерк. М.: Мол. гвардия, 1983. 282 с.
- Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск: Наука, 1965. 342 с.
- Колошин П. И. Воспоминания и надежды // Сып Отечества. 1818. Ч. 48, № 38. С. 401—418.
- Колошин П. И. Замечания на книгу В. Н. Берха под заглавием «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны и проч.» // Сев. арх. 1824. № 17. С. 249—265.

- Колошин П. И.* Первоначальная география. СПб., 1832—1833. Ч. 1—2.
- Контр-адмирал В. П. Романов* // Кронштадт. вестн. 1864. № 32(354). С. 127.
- Кончина Владимира Павловича Романова* // Месяцеслов на 1865 г. СПб., 1865. С. 404.
- Копылов А. Н.* Декабристы о Сибири и перспективах ее исторического развития // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977.
- Копылов А. Н., Малышева М. П.* Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // Там же.
- Корнилович А. О.* Известие об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 гг. // Сев. арх. 1825. № 3. С. 375—376.
- Корнилович А. О.* Начертание всеобщей географии, составленное Константином Арсеньевым // Там же. № 5. С. 361—368.
- Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 512 с.
- Кудрявцев Ф. А.* Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 11—31.
- Кудрявцев Ф. А.* Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении // Там же. С. 121—136.
- Куйбышева К. С., Сафонова Н. И.* О научном наследии декабриста П. И. Борисова // Вопр. истории естествознания и техники. 1983. № 2. С. 126—131.
- Кунфер А. Я.* Выводы из метеорологических наблюдений, сделанных в Российском государстве и хранящихся в метеорологическом архиве Академии наук. СПб., 1846. 426 с.
- Курсков Ю. В.* Занятия декабристов историей в период пребывания на забайкальской каторге // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 143—152.
- Кюхельбекер В. К.* Дневник // Рус. старина. 1883. № 6.
- Кюхельбекер М. К.* Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии: Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. 274 с.
- Лазарев М. П.* Документы. М.: Воеппмориздат, 1952. Т. 1. 612 с.
- Летописи Общества (любителей российской словесности. Полугоди́чное собрание, 30 дек. 1821 г.)* // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 17, отд. II. С. 221—240.
- Летописи Общества (любителей российской словесности. Отчет о первом полугоди́чном собрании 1822 г.)* // Там же. Ч. 19, отд. II. С. 222—232.
- Лидин В.* Друзья мои книги // В мире книг. 1971. № 4. С. 44—46.
- Литке Ф. П.* Автобиография. СПб., 1888. 262 с.
- Лукин М.* Взгляд на Русское общество с 1816 до 1826 г. // Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, лит. критика/Сост. В. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. Ч. 2.
- Лукин М.* Общественное движение в России в нынешнее царствование // Там же.
- Лучшев А.* Поправка о Батенькове // Сибирь. 1882. 4 апр., № 14.
- Лучшев А.* Еще несколько слов о Г. С. Батенькове // Там же. 1883. 30 янв., № 5.
- Майстров Л. Е.* Новаторский труд В. И. Штейнгеля по времени-счислению и астрономии // Декабристы и русская культура. Л.: Наука, 1976.

- Макеева В. П. Путевой дневник плавания М. А. Бестужева по Амуру // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1983. № 3. С. 14.
- Максимов С. В. Николай Александрович Бестужев (по его письмам) // *Наблюдатель*. 1883. № 3. С. 102—121.
- Масонские воспоминания Г. С. Батенькова // *Пыпин А. Н. Русское масонство*. Пг., 1916. С. 546.
- Медведев Н. П. Неизвестные произведения Ф. Н. Глинки // *Сов. арх.* 1968. № 5. С. 30—36.
- Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. 318 с.
- Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания шлюпа «Аполлон». СПб., 1882. 286 с.
- Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822, 23 и 24 гг. СПб., 1882. 318 с.
- Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. СПб., 1860. Прибавление I.
- Мимонов А. П. Федор Николаевич Глинка: Биография // *Ист. вестн.* 1880. № 7. С. 472—481.
- Модзалевский Б. Л. Владимир Павлович Романов // *Русский биографический словарь*. Пг., 1918.
- Мурзанов Н. А. К биографии М. К. Кюхельбекера // *Былое*. СПб., 1907.
- Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1—2. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1—2.
- Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. 2-е изд. М.: Мысль, 1975. 198 с.
- Никитин Н. П. Экономико-географические работы декабристов. М.: Географгиз, 1957. (Вопр. географии; № 41).
- Ореус И. И. Декабрист Г. С. Батеньков // *Рус. старина*. 1889. № 8.
- Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М.: Наука, 1976.
- Пасецкий В. М. Гаврила Батеньков // *Сиб. огни*. 1963. № 8. С. 161—164.
- Пасецкий В. М. Декабристы о русском Севере // *Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.* М.; Л.: Наука, 1965. С. 76—92.
- Пасецкий В. М. Дум высокое стремленье // *Нева*. 1968. № 12. С. 61—76.
- Пасецкий В. М. Впереди неизвестность пути. М.: Сов. Россия, 1969. 218 с.
- Пасецкий В. М. Декабристы и науки о Земле // *Земля и Вселенная*. 1975. № 6. С. 61—68.
- Пасецкий В. М. Географические исследования декабристов. М.: Наука, 1977.
- Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике: Первая половина XIX в. Л.: Гидрометеиздат, 1984. С. 268.
- Пасецкий В. М., Коровченко А. С. Декабристы-естествоиспытатели // *Природа*. 1975. № 12.
- Петряев Е. Д. Псевдопимы литературоведов-сибиряков // *Материалы к истории русской литературы Сибири*. Новосибирск: Наука, 1973.
- Пештич С. Моряк, декабрист, историк русского флота // *Воен.-ист. журн.* 1966. № 4. С. 123—128.

- Письма М. К. Кюхельбекера // Декабристы. Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 131—138.
- Письма М. К. Кюхельбекера к Е. П. Оболенскому // Декабристы: Неизд. материалы и статьи. М., 1925. С. 261—280.
- Письма П. А. Плетнева к Ф. Н. и А. П. Глинкам (1839—1854) // Лит. вестн. 1904. Т. 8. С. 23—28.
- Письма политических ссыльных в Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978.
- Порох Н. В. Н. В. Басаргин и его записки // Басаргин Н. В. Записки. Красноярск: Кн. изд-во, 1985. С. 251—270.
- Потанин Г. Гавриил Степанович Батеньков // Сиб. огни. 1924. № 2. С. 66—74.
- Поэзия и письма декабристов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. 336 с.
- Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. Т. 1. 468 с.
- Рассказ о декабристе Г. С. Батенькове // Рус. арх. 1881. № 6. С. 436—441.
- Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.
- Романов В. П. // Иллюстрир. газ. 1864. Т. 14, № 45. С. 319.
- Романов Владимир Павлович, контр-адмирал // Общий морской список. СПб., 1891. Т. 8. С. 140—142.
- Роцевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск: Кн. изд-во, 1975. 112 с.
- Семевский В. И. Барон Владимир Иванович Штейнгель: Биографический очерк // Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905. Т. 1. С. 281—320.
- Семевский В. И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 1—6.
- Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. 582 с.
- Семевский М. Кончина барона В. И. Штейнгеля // Соврем. слово. 1862. 23 сент., № 93.
- Семевский М. И. Кончина барона В. И. Штейнгеля // Моск. ведомости. 1862. 25 сент., № 209.
- Семевский М. И. Николай Александрович Бестужев, 1791—1855 // Заря. 1869. Июнь, отд. II. С. 1—57.
- Семевский М. И. Александр Бестужев в Якутске // Рус. вестн. 1870. № 87.
- Стогов Э. И. Очерки, рассказы и воспоминания // Рус. старина. 1878. № 11. С. 524—538.
- Толкушкин Б. Летопись славы. Одесса, 1912. (Карта войны 1812 г.).
- Торсон К. П. Письма к Н. А. Бестужеву // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927.
- Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 542.
- Туркус Н. Подарок Н. Бестужева // Лит. Россия. 1975. 28 нояб. С. 16.
- Фонвизин М. А. Сочинения и письма: В 2 т. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982.
- Фруменков Г. Г., Волюнская В. А. Декабристы на Севере. Архангельск: Сев. кн. изд-во, 1986. 224 с.

- Ченцов Н. М. Восстание декабристов: Библиография. М.; Л.: Госиздат, 1929.
- Чижов Н. А. О Новой Земле // Сын Отечества. 1823. Ч. 83. С. 162—176.
- Чуковская Л. К. Декабристы — исследователи Сибири. М.: Географгиз, 1951. 152 с.
- Цурпик Р. И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977.
- Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962. 168 с.
- Шешин А. Б. Проект гидравлического парового двигателя Михаила Бестужева // Судостроение. 1973. № 10. С. 55—56.
- Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 182 с.
- Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. М.; Л.: Военмориздат, 1946.

Указатель имен

- Август 55
- Александр I 57, 60, 117, 128, 130, 134, 180—181, 227
- Алексеев Ф. 92
- Андреев С. 161
- Анжу П. Ф. 71—72, 90, 161—162, 228
- Аничков А. И. 32
- Аппенков И. А. 136
- Араго Д. Ф. 75, 77
- Аракчеев А. А. 50, 57—58
- Арроусмит 211
- Арсеньев К. И. 13, 66, 229
- Баженов 173
- Базанов В. Г. 30—34
- Баранов 173
- Баранов П. М. 188
- Барановская М. Ю. 98—100
- Баренц В. 190
- Барклай-де-Толли М. Б. 23—24
- Бартенев П. И. 208
- Басаргин Н. В. 6, 100, 140, 200—207
- Батеньков Г. С. 5, 7, 11, 14, 41, 67, 72, 82—83, 90, 141—169, 228, 229
- Батюшков К. Н. 5, 202
- Бахрушин С. В. 152
- Беккерель А. 77
- Беллинсгаузен Ф. Ф. 14, 46—48, 97, 117—141, 179, 227, 229
- Беляев А. П. 97, 136
- Беринг В. 44
- Берх 123—124
- Бестужев А. А. 5, 12, 32, 85—86, 97, 140, 225
- Бестужев А. Ф. 86
- Бестужев М. А. 14, 41, 48—49, 64—65, 85—86, 89, 98—101, 108, 110—111, 131—133, 136, 140
- Бестужев Н. А. 5, 7, 12, 14, 32—33, 82, 85—116, 131, 135—137, 140, 180, 187, 216, 219, 226—229
- Бестужев Павел А. 85, 100, 102—103, 108, 111
- Бестужев Петр А. 85
- Бестужев-Рюмин М. П. 221
- Бестужева Е. А. 86, 98
- Бетанкур А. А. 50
- Биллингс И. И. 44
- Бланк Е. К. 200
- Бове О. И. 50
- Бодиско М. 97
- Борисов А. И. 75—76, 219, 226
- Борисов П. И. 12, 75—76, 220, 226
- Боровков А. 29
- Булдаков М. 175
- Бурней Дж. 217
- Бэкон Ф. 222
- Бюффон Ж. 19, 223
- Варгин В. В. 57
- Басильев М. Н. 92, 176
- Вернадский В. И. 28
- Вернер 223
- Веселовский К. С. 66

- Вильд Г. И. 12
 Витгенштейн П. Х. 202
 Власов С. П. 30
 Воейков А. И. 12, 16, 109
 Волконская М. Н. 167
 Волконский С. Г. 41, 75, 202
 Вольф 203, 219
 Вои́фатьев П. 49
 Врангель Ф. П. 15, 72, 85, 90,
 133—134, 161—162, 177, 228
 Галилей 54
 Гамалея П. Я. 6, 46—47, 52, 87,
 229
 Геденштром М. И. 145, 165—
 167, 228
 Гейм И. А. 200
 Герцен А. И. 207—208, 225
 Глинка С. Н. 18
 Глинка Ф. Н. 5, 9, 11, 17—31,
 90, 202
 Гнедич Н. И. 5, 29
 Голенищев-Кутузов Л. И.
 120—121
 Головин В. М. 98, 118, 171,
 214—215, 227
 Горчаков П. Д. 66, 203
 Грейг А. С. 124, 183
 Греч Н. И. 196
 Грибоедов А. С. 5, 42
 Грузинская Д. А. 74
 Гумбольдт А. 7, 12, 29, 142,
 225, 229
 Гусев В. Е. 89, 94
 Д'Аламбер Ж. 222
 Даль 129
 Данилов В. В. 140
 Дежнев С. И. 92
 Декарт Р. 223
 Дельвиг А. А. 30
 Демидов 118, 123, 127
 Дидро Д. 222
 Доломье 223
 Елагин А. А. 144, 168—169
 Елагина А. П. 144
 Ершов П. 135
 Жизневский А. К. 40
 Жуковский В. А. 25—26, 38,
 144
 Завадовский И. И. 118—119,
 122
 Завалишин Д. И. 8, 15, 100,
 136, 208—219, 228
 Завалишин И. И. 208
 Завалишин Н. И. 120
 Зверев С. 146
 Зильберштейн И. С. 226
 Игнатьев 127, 129
 Калашников И. Т. 145
 Канкрин Е. Ф. 136
 Карамзин Н. М. 25, 202
 Каховский К. Г. 99, 221
 Качалов П. Ф. 132
 Кеппен П. И. 29, 39—40, 66,
 227
 Киселев П. Д. 202
 Климовский 173
 Колошин П. И. 5, 15, 32, 203
 Колумб Х. 23—24
 Корнилович А. О. 5, 14, 32, 85,
 161, 219, 228—229
 Корсаков П. Ф. 188
 Коцебу О. Е. 88, 117, 175—176
 Кошелев П. И. 42
 Крамер В. 175
 Крузенштерн И. Ф. 47—48, 98,
 117, 177—178, 193, 210, 217,
 226—227
 Крылов И. А. 29
 Кук Дж. 92, 117, 120, 130, 179,
 210, 217
 Купфер А. Я. 106, 109, 229
 Курмеев Н. 38
 Кутузов М. И. 19, 24
 Кутыгин 195
 Кюхельбекер В. К. 5, 30, 187—
 188, 227
 Кюхельбекер М. К. 8, 15, 187—
 200, 224—225, 227
 Лаваль Е. И. 75
 Ладыженский М. В. 66
 Лазарев А. П. 188—193
 Лазарев М. П. 8, 14, 118—141,
 186, 196, 209—214, 229
 Лангсдорф Г. И. 8, 177, 211
 Лаперуз Ж. 44
 Лаплас П. 223
 Левернер 94
 Лейбниц Г. 223
 Лермантов Д. 97
 Лесков А. 118—119, 121—122,
 124—125, 127, 130
 Линней К. 223
 Липранди И. П. 10
 Лисянский Ю. Ф. 47, 210
 Литке Ф. П. 15, 72, 85, 90, 98,

115, 133, 135, 228—229
 Ломоносов М. В. 22, 25, 32, 44, 86
 Лорер Н. И. 100
 Лосев А. 146
 Лунин М. С. 140
 Лутковский Ф. 214

Майстров Л. Е. 51, 53—57
 Макаров Д. В. 87—88
 Макаров С. О. 135
 Матюшкин Ф. Ф. 15, 219, 228
 Медведев Д. Н. 210
 Менделеев Д. И. 29, 142
 Менделеев И. П. 29
 Миддендорф А. Ф. 229
 Миллер Г. 92
 Миллер П. Ф. 97
 Милорадович М. А. 18, 24, 31
 Митьков М. Ф. 12
 Михайлов П. Н. 120—122, 124, 126—128
 Моллер А. В. 98, 124, 130—134, 172, 176, 215—216, 229
 Мордвинов Н. С. 49, 128, 226
 Мошков Ф. В. 50
 Муравьев А. М. 136
 Муравьев А. Н. 74, 207
 Муравьев Н. М. 5, 12, 59, 74, 136, 152, 224
 Муравьев Н. Н. 141, 200—201
 Муравьев-Амурский Н. Н. 82
 Муравьев-Апостол М. И. 74, 171, 175—176
 Муравьев-Апостол С. И. 32, 74, 99
 Мусин-Пушкин Е. С. 97

Наполеон 23, 87, 142
 Нахимов П. С. 211
 Нечкина М. В. 99, 220, 225
 Никитин А. А. 35
 Николай I 62—63, 99, 117, 137, 163, 165, 182, 185
 Никольский А. А. 90, 120, 140

Одоевский А. 219
 Озерцовский Н. Я. 86
 Озеров В. А. 202
 Окунь С. Б. 229
 Орлов В. Н. 58
 Орлов М. Ф. 228

Парри Э. 172
 Пестель И. Б. 49, 144

Пестель П. И. 49, 75, 99, 152—153, 203, 221, 224
 Петр I 10, 42, 54, 61, 93, 128, 130
 Плетнев П. А. 30, 36
 Поярков В. Д. 92
 Прокофьев И. В. 59, 180, 181
 Прядин Я. 122
 Птолемей К. 53, 54
 Путята Н. В. 26, 27
 Пушкин А. С. 5, 10, 29, 31, 36—39, 42, 187, 203, 228
 Пушкин Л. С. 31
 Пущин И. И. 59, 82, 107, 167

Раевский В. Ф. 7, 10, 142
 Разумова В. М. 43
 Резанов Н. П. 42
 Рейнеке М. Ф. 15, 87, 90, 91, 105, 115—116, 140, 229
 Рикорд П. И. 98, 227
 Рожнов 128
 Розеп А. Е. 100, 136, 140
 Романов В. В. 181
 Романов В. П. 8, 13—15, 130, 169—187
 Румянцев Н. П. 179
 Румянцев-Задунайский П. А. 17
 Рыкачев М. А. 12
 Рылеев К. Ф. 5, 14, 32, 58—60, 97, 99, 179, 180—181, 228

Салтыков-Щедрин М. Е. 16, 171
 Санников Я. 161
 Сарычев Г. А. 15, 44, 90, 97—98, 117, 134, 210, 226—227
 Сахаров Д. В. 30
 Свербеев Н. Д. 83
 Свинын П. П. 182
 Свиязев И. И. 100, 104—106, 109, 111, 115, 229
 Северин А. 175
 Семевский М. И. 72—73
 Семенов С. М. 136
 Серебренников Р. 173
 Симонов И. М. 118—119, 122—124, 126
 Слепин 58
 Соколов Ф. К. 50
 Спафарьев Л. В. 90
 Сперанский М. М. 144—145, 160, 162, 165—166
 Стадухин М. 92, 140, 161
 Стапукович М. Н. 135

Страленберг 40
Струве В. Я. 6, 81, 109
Суворов А. В. 10, 28
Сухоруков В. Д. 32

Тейль 128
Толстой Ф. П. 32
Толубьев 194
Тормасов А. П. 50
Торсон К. П. 7, 12, 14—15, 32,
41, 87, 108, 110, 116—141,
214—215
Траверсе И. И. де 61, 116—117,
119—120
Трескин Н. И. 48
Троутон 118
Трубецкая Е. И. 75—76
Трубецкой С. П. 5—6, 10, 41,
74—84, 140, 203, 220
Тургенев Н. И. 32, 221
Тучков А. А. 201

Федоров А. В. 43
Филимонов В. 146
Фонвизин М. А. 12, 42, 221—
223
Франклин В. 65
Франклин Дж. 172, 176
Френ 39

Хвостов Г. 29

Хромченко В. С. 120, 175
Хрущов 194—195

Цезарь Ю. 53, 55

Черняева М. И. 209
Черняковский И. 70

Шварц К. Н. 229
Шелихов Г. И. 44—45
Шестаков А. И. 121
Шешин А. Б. 137
Шишков 25, 128
Шпейер В. 97
Штейнгель В. И. 5, 11, 32
40—73, 140, 226—227
Штрайх С. Я. 108
Шуберт Ф. Ф. 90, 229

Щербакова Е. Я. 108
Щукин П. И. 30

Эрман А. 140, 229
Этолин А. 175—176, 178

Якоби Б. С. 77—78
Якубович А. И. 12
Якушкин В. Е. 83
Якушкин Е. И. 83
Якушкин И. Д. 15, 74, 76—82,
100, 140

Содержание

Предисловие редактора	5
Введение	9
Федор Николаевич Глинка (1786—1880)	17
Владимир Иванович Штейнгель (1783—1862)	40
Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860)	74
Николай Александрович Бестужев (1791—1855)	85
Константин Петрович Торсон (1793—1851)	116
Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863)	141
Владимир Павлович Романов (1796—1864)	169
Михаил Карлович Кюхельбекер (1798—1859)	187
Николай Васильевич Басаргин (1800—1861)	200
Дмитрий Ирипархович Завалишин (1804—1892)	208
Декабристы и развитие науки	220
Основные даты жизни и научной деятельности декабристов	230
Основные труды декабристов	237
Основная литература	247
Указатель имен	252

Научное издание

Пасецкий Василий Михайлович
Пасецкая-Креминская Евгения Климентьевна

Декабристы-естествоиспытатели

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Художник С. А. Резников. Художественный редактор И. Ю. Нестерова
Технический редактор Т. С. Жарикова. Корректоры В. А. Алешкина,
Р. С. Алимова

ИБ № 39814

Сдано в набор 07.09.88. Подписано к печати 3.01.89. Т-07402. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр. отт. 13,84. Уч.-изд. л. 15. Тираж 70 000 экз. Тип. зак. № 382. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25